

18+

ДМИТРИЙ СМИРНОВ

УЗНЕЦОВА

И ЛУЧИКИ ДОБРА

Дмитрий Смирнов

Кузнецова и лучики добра

2021

УДК 82-3
ББК 84-4
С50

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Смирнов Дмитрий

С50 Кузнецова и лучики добра / Дмитрий Смирнов. — [б. м.] :
[б. и.], 2021. — 324 с.
[б. н.]

«Новая искренность». Метамодернизм. Деконструкция. Давайте проще! Деконструированный сэндвич — ресторанное блюдо, состоящее из приготовленных ингредиентов сэндвича, разложенных на тарелке. Зачем? Читатель может создать композицию на свой вкус, смешивая и выбирая. Автор же оттачивает мастерство: деконструкция — это понимание посредством разрушения стереотипа. Состав этого сэндвича: фэнтези, путешествие и приключения, психологическая драма, утопия, сатира с иронией, мистификация и секс.

УДК 82-3
ББК 84-4

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Приветствую тебя, о пытливый читатель!

Сегодня тебя ждёт нечто необычное, как оно ждало меня, когда я впервые открыл эту книгу. Погрузившись в её удивительный мир, я потерял счёт времени и нашёл его только тогда, когда перевернул последнюю страницу. Поражённый глубиной развершейся передо мною истины, я ещё долго сидел, глядя на задний форзац, не в силах вымолвить ни слова. Когда же ко мне вернулось ощущение реальности, я тут же вновь открыл книгу с начала и принялся перечитывать её, чтобы понять, в чём же, собственно, заключается та самая истина, которая мне открылась. Но и второго раза оказалось мало, и я перечитал в третий раз. И только тогда я испытал просветление, в котором пребываю до сих пор.

Таков был мой путь, который, полагаю, ждёт и тебя, ибо книга эта так глубока и многогранна, что со временем, бесспорно, разойдётся на цитаты и станет пищей для размышлений и кладезем мудрости для всех, кто ищет смысл жизни и истину в самых неожиданных её проявлениях. Полагаю, книга эта встанет в один ряд не только с величайшими литературными произведениями вроде «Замка» Франца Кафки или серией книг Бенедикта Твороговски, но и с лучшими трудами выдающихся философов и психоаналитиков, такими как «Толкование сновидений» Зигмунда Фрейда и «По ту сторону добра и зла» Фридриха Ницше. И пусть тебя не вводит в заблуждение сказочный жанр и незамысловатый язык

повествования — это лишь внешняя форма, которая скрывает в себе невообразимое множество смыслов.

Сюжетная канва также в целом очень незатейлива. Юной деревенской девушке мешают спать по ночам кошмары, и это тревожит её отца, который безмерно любит своё дитя — единственное, что осталось ему от обожаемой супруги. Простой деревенский кузнец не в силах найти к своей дочери подход и в отчаянии прибегает к последнему средству: обращается к мудрому волшебнику, чтобы тот помог ей обрести гармонию с собой и окружающим миром.

Волшебник поначалу и правда предстаёт перед нами средоточием вселенского разума, и хотя он рассуждает обо всём очень туманно, девушке с ним хорошо спится, и поэтому она соглашается начать под его руководством свой путь к самосовершенствованию и обретению собственного «я». Этот великий путь символически назван в книге «поиском единорога», и олицетворением его является дорога, по которой наши герои движутся из деревни в город — к вершинам цивилизации.

Этой дорогой предстоит пройти и тебе, о внимательный читатель. В пути тебя ждёт масса опасностей и незабываемых встреч: коварные воры и благородные разбойники, облезлые психоаналитики и обкуренные артисты, картёжник ящер, между ног которого скрыто множество удивительных тайн, и ещё немало других персонажей. И каждая встреча будет открывать перед тобой новую грань бытия — нужно только навести глаза и уши.

Наконец вместе с героями ты достигнешь города, который олицетворяет собой идеальное общество, где каждому его члену (и не только) гарантировано гармоничное и счастливое существование. Созданный талантом автора, этот мир поражает воображение. Это то самое общество, жить в котором стремится каждый разумный человек, ведь благодаря чуткому руководству (его символизирует башня, упирающаяся в небо) здесь можно реализовать все свои способ-

ности и таланты, наслаждаясь каждым прожитым днём, ежесекундно самосовершенствуясь и даря друг другу лучики добра. Неудивительно поэтому, что каждый попавший в город или хотя бы увидевший его со стороны желал бы остаться здесь навсегда. Ведь только здесь можно стать настоящим человеком, даже если ты обладатель усов, лап и хвоста, не говоря уже о рогах.

Добавлю лишь, что и я нашёл своё призвание, читая умные книги, и вот теперь пишу предисловия. Увлекательное, надо сказать, занятие!

*С глубочайшим уважением,
Нерест Кабачков*

Посвящается любимой жене Катерине, без неё эта книга не была бы такой, да и вообще всё было бы не так.

СКАЗКА

Дон посмотрел на небо, привстал от костра и полез в сумку. Достав соль, он принялся обходить костёр по большому кругу, оставляя за собой тоненькую белую дорожку, от которой вверх поднимался едва заметный дымок.

Начертив на земле круг, Дон пересёк его наискосок, откусив треть, потом ещё раз, ещё и ещё. И ещё. Рина молча сидела, наблюдая за этим ежевечерним ритуалом, соблюдавшимся с завидной точностью.

Смысл этих действий известен всем местным охотникам: испаряясь в течение ночи, соль создаёт завесу, достаточную для того, чтобы скрыться от внимания уцытаклей. Обычно хватало окружности. Зачем Дон всё усложнял и вписывал в неё звезду, Рина предпочитала не интересоваться — мало ли какие причуды бывают у людей.

— Всё, можно спать, — сказал Дон, возвращаясь к огню.

В последние несколько дней его репертуар не отличался особым разнообразием: «Всё, можно есть» — когда еда была готова, «Всё, можно вставать» — когда все выспались, и «Всё, можно спать» — когда защитный узор был начерчен.

Но даже эти простые конструкции казались какой-то непривычной формой учтивого обращения (ещё бы, сам Дон говорит, что можно).

— Дон, а расскажи сказку, — пробормотала Рина, почти уже провалившись в сон.

— Сказку?.. — хмыкнул Дон. — Сказку? — ещё раз удивлённо повторил он и ненадолго замолчал.

Его тело, однако, продолжало привычно выполнять ритуал подготовки ко сну. Дон выдохнул и отстегнул от пояса кобуру. На следующем выдохе достал из неё бластер и щёлкнул костяшкой пальца по экрану, на котором ненадолго вспыхнуло кислотным цветом число 53, подумало и лениво сменилось на 52.

— Сказку? — в третий раз спросил Дон и убрал бластер обратно.

Сумку он положил под правый бок, а кобуру — под левый, лёг на спину и закинул правую руку за голову.

— Ну хорошо, раз так...

Покрытая розовыми и нежными, как попа недавно съеденного поросёнка, чешуйками, третья голова отрастала и привычно зудела. Фыркнув, дракон приподнял шею и почесался затылком отросшей головы о свод пещеры, зевнул, легонько рыгнул и снова задремал.

«Через неделю чешуя почернеет и огрубеет, и голова наконец-то примет товарный вид, — прикинул дракон. — А завтра надо бы вылететь пополнить запас животного белка — строительного материала».

Драконы могут годами лежать на одном месте практически не шевелясь, понизив свой метаболизм до минимального уровня. Иными словами, драконы не дураки поспать, когда больше нечем заняться. А заняться преимущественно нечем, когда ты пушка, а кругом воробьи.

Да и долголетие — это такая смешная штука, когда спешка неуместна.

Время от времени драконам, впрочем, приходится суетиться, что-то там отстаивать, переезжать в другие пещеры и всячески нарушать гомеостаз — в общем, выживать. Когда они вынуждены всем этим заниматься, людские запасы белковой пищи в виде домашней живности особенно востребованы.

Драконы — мастера регенерации и адаптации. Хотя с тех времён, когда у них развился иммунитет к огню, а также колющим, режущим и рубящим предметам, эволюция драконов несколько затормозила, так как перестала получать достаточную мотивацию.

С мотивацией у драконов вообще беда. Ну, разве что некоторые продвинутые экземпляры решили отращивать себе дополнительные головы и даже разыгрывать потом с их помощью пьесы на несколько действующих лиц с конфликтами (хотя любому человеку, которому известна цельность драконов, очевидно, что это шутка).

— Впрочем, мы отвлеклись, — сказал Дон. — Всё-таки это сказка, а не лекция.

Пока мы отвлекались, сон дракона стал беспокойным. Продрав один глаз, дракон прислушался и нашёл причину раздражения: хриплый человеческий крик снаружи пещеры, продолжавшийся уже несколько часов.

— Э-э-э-эй, ну ты, говно, выходи махаться!

Дракон вздохнул. Потом вздохнул ещё раз. И ещё. По разу на каждую голову. Делать было нечего, пришлось ползти к выходу. Возле него стоял рослый рыцарь, упакованный в латы с головы до ног, и орал со всей дури.

— Ну-у-у-у-у-у? — протянул дракон.

— Выходи на честный бой, чудище поганое! — Лексикон рыцаря сразу же поменялся, как только стало понятно, что дракон всё-таки здесь.

«Честный», — фыркнул про себя дракон, а вслух поинтересовался:

— Ну-у-у, что ещё?

— Подошла к концу твоя злодейская жизнь и лихие деяния!

— Ещё что?

— Вечно, думал, будешь набеги совершать да поместья грабить, тварь мерзопакостная?! Расплата близка за все прегрешения твои!

- Ещё что?
- Не боюсь я тебя, змеюка подколотная! Со мной сила предков! На моей стороне справедливость! Не посрамлю род людской!
- Ещё что?
- Ну, принцесса ещё. — Рыцарь уже начал выдыхаться, поубавил пафос и перешёл с крика на нормальную речь.
- О, принцесса, — заинтересовался дракон. — Красивая?
- Угу, — насупленно ответил рыцарь. — В смысле, не твоё собачье дело!
- И что, не жалко?
- Кого не жалко? — не понял рыцарь.
- Ну как кого. Живота своего, как обычно. Жизнь отдать, костями полечь, головушку буйную сложить, смерть лютую принять, все дела... Мало ли как там всё выйдет. Дракон вот большой, а ты маленький и железный. Много за латы-то отдал?
- Вообще-то немного жалко, — удивлённо ответил рыцарь после небольшой паузы и снова сорвался на молодецкий рык: — Но на моей стороне правда! Сила предков! Род людской!
- Эй-эй, не голоси. А что, вот без этого всего вообще никак?
- А как без этого-то всего?
- Да хорошо без этого. «Я тебе нравлюсь, ты мне нравишься, зачем время терять?» Или эта... как её там... любовь. Сметающая все преграды, границы и условности. Ну, как в книжках.
- Вот именно! — оживился рыцарь. — Любовь! Сметающая все преграды и границы. Трудные испытания, преодоления. Невероятные подвиги. Дракона вот убить, — задиристо намекнул рыцарь и оценивающе посмотрел на противника снизу вверх.
- Это, простите, условности. Хотя да, что-то я зря. Понятно, понятно. Доказательства и преодоления. Знаем, знаем.

— Ну и папаша без этого не отдаёт.
— Не? — сочувственно переспросил дракон.
— Не. Стоит на пути, как дракон... То есть ой!
— Ничего, бывает. Оговорочка по... Ну, допустим, просто оговорочка. Что ж с тобой делать-то? Ладно, есть альтернативное решение. Голов у тебя сколько?
— Одна, — снова удивился рыцарь.
— Да и та не очень, — усмехнулся дракон. — А у меня три. Ха-ха. Скот, живность?
— Кто скот?
— А ты весёлый человек! Животины, говорю, у твоих пейзажей много?
— Голов триста скота.
— Вполне. Раньше за такое вообще трёх принцесс можно было купить. И чего ж это папаша артачится?.. Значит, так. Ты мне сейчас рубишь голову... Только, ради бога, руби, а не пили, это раздражает! Приносишь голову папе, он счастлив, принцесса мокнет, свадьба, все дела. Но через недельку я к тебе ночью прилетаю и съедаю скота голов, скажем, пятьдесят. Ну, плюс побочный ущерб: ещё голов десять и глупых крестьян несколько дурных душ. Попадаются, знаешь ли, герои. Зато потом все счастливы.
— А-а-а-а?..
— Минимизация рисков и усилий, а! Стратегия выживания. Ну, лень. Понимаешь? Лень. Старый, больной, толстый, ленивый дракон. Тут драки часа на три, — прикинул дракон, глядя на доспехи. — Я после неё проголодаюсь, всё равно лететь, грабить, убивать, вот опять это всё. Может, и тебя съем. Хотя, может, и ты меня. Но это вряд ли. В любом случае — возня. А тут всё точно и надёжно. Считаю, контракт. Мы же разумные существа, да? Нет, ну если ты драться хочешь... — Дракон картинно срыгнул и выплюнул комплект чьих-то костей. — Выбор всегда есть.
— Да?
— Правда-правда.

Рыцарь потянулся было почесать голову, но вспомнил, что на ней шлем.

— Нет, а что, давай так. Пятьдесят голов не так уж и много.

— Плюс побочный ущерб, — напомнил дракон и вдруг прищурился: — А ты не обманешь?

— Как можно?! Слово честного дворянина!

— А, ну тогда конечно. Руби!

Дракон положил шею на камень и приподнял дыбом чешую. Рыцарь постоял с минуту, не веря в своё счастье, широко взмахнул двумя руками и отсек дракону голову. Задумчиво глядя на обрубок немигающим взглядом, дракон выпустил из пасти тоненькую струйку огня и прижёт рану.

— До свадьбы, как говорится, заживёт. Для убедительности могу латы подпалить, — предложил дракон, заметив, что рыцарь заинтересованно уставился на огонь. — Надо?

— Ага, — обрадовался рыцарь. Просто головы ему уже было мало.

— Ты бы только из них вылез, а то зажаришься ведь.

Десять минут спустя рыцарь, в одном нижнем белье, увлечённо рассматривал чешую на свежедобытой (настоящей!) драконьей голове. Доспехи покоились на земле, аккуратно разложенные для прожарки.

— Вот за что я вас, людей, люблю — так это за абсолютное неумение реализовывать долгосрочные программы. Ну, принимая во внимание продолжительность вашей жизни, это даже простительно. Понимаешь, о чём я?

— А? — отвлёкся от головы рыцарь.

— Дурак, говорю. Ты зачем перед драконом доспехи снял?

Дон вздохнул и замолчал. Может, он изображал вздох дракона. А может быть, вздохнул сам.

— И что, он его убил? — не выдержала Рина.

— Нет, отправил домой гольшом.

— А почему?

— Биологическая целесообразность, — устало выдохнул Дон, переходя снова со сказочного на лекторский тон. — Масса мозга дракона относительно массы тела невелика. Хотя, конечно, в одном драконе мозгов на десяток людей хватит.

Полежать и лишний раз подумать — самый эффективный способ существования для дракона. И не только подумать. Поязвить, например. Пошутить. Поиграть — но только если в голове. Опять-таки философские концепции всякие. Поболтать, пусть даже с людьми, хотя после пяти минут это скучно. Развлекать-то себя чем-то надо. Поэтому, кстати, драконы и считались источником мудрости: слишком маленькая голова. У людей наоборот. Голова большая. Думать — накладно. Жрать — хочется. Бегать и мечом махать — самое оно. Впрочем, ладно...

И пошёл рыцарь домой голым. Дополз кустами да оврагами до поместья, прикрываясь драконьей головой. Пострадало только самолюбие, поэтому всё быстро улеглось. Даже эти пятьдесят голов на пожар списали. Не было никакого дракона, показалось. Дракона же наш господин надесь победил. Вон же голова на шесте, глаза протри, холоп. А кто слухи распускает — того на кол.

Дон снова замолчал.

— А потом? — поторопила Рина.

— Ну и, конечно, свадьбу сыграли, и даже как-то жили вместе худо-бедно... То есть богато и счастливо, по-людски так. Всем хорошо, и дракону мороки меньше.

— А потом?

Дон сделал вид, что заметил вопрос только сейчас.

— А потом суеты от людей стало слишком много, и драконы вымерли.

ПЕРВИЧНЫЙ ПРИЁМ

Дон проснулся за полдень.

За окном щебетали птицы и переговаривались два голоса. Первый был мужским, звучал увесисто и невзрачно, как старый сундук, пустой, но всё равно тяжёлый. Второй напоминал нежное постукивание ногтем по фарфоровой чашке и был женским или детским.

Дон сладко потянулся. Тело отозвалось приятной негой — такой, какая бывает, когда выспался на несколько дней вперёд. Минут пять он полежал, прислушиваясь к голосам за окном, но слов разобрать было нельзя: «Бубубун, будудун!» — «Юнк-юнк».

— Ладно! — сказал Дон вслух, спрыгивая с полатей на деревянный пол.

В центре комнаты находилась печь шарообразной формы, опоясанная круглым столом, как Сатурн кольцами. Стены сверху донизу были заставлены стеллажами и полками, отчего создавалось ощущение, что находишься в шкафу, вывернутом наизнанку.

Сев за кулинарную секцию стола, Дон размолот в чугунной ступке крупные чёрные семена, засыпал их в медную ёмкость с длинной ручкой в форме змеи, залил водой и поставил на печь.

«Брум-бум-ум?» — «Ня-ня-ня», — продолжали голоса на улице.

К тому времени, как напиток был готов, в дверь постучали.

— Войдите! — крикнул хозяин, разливая кофе по двум кружкам.

В комнате появился заветренный, как пряник, мужчина лет пятидесяти и на мгновение пропал, разглядывая всё вокруг.

— Внутри она меньше, чем снаружи, — сказал он с удивлением.

— Банан большой, а кожура ещё больше, — парировал Дон.

— Что?

— Что?

— Моя маленькая девочка больна... — После долгой неловкой паузы незнакомец решил перейти к делу.

— Девочка?

— Да. Она не в себе.

— А где она?

— На улице.

Дон привстал и выглянул в окошко.

— Знаете, не такая уж она и маленькая.

— Да?

— Но и не мальчик.

— Не мальчик.

Дон жестом указал сначала на кружку, а потом на диван в углу. Гость сел, но к неведомому напитку отнёсся настороженно и пробовать не стал, чем вызвал досаду хозяина, которая, впрочем, никак не отразилась на его лице. Кофе в запасах оставалось так мало, что каждая ложечка была на вес золота, но откуда посетителю знать ценность напитка?

Немного расслабившись, мужчина попробовал излить душу:

— Люди приличные в деревне живут, а не в лесу. Но я вынужден, понимаете? Скрепя сердце... Дальше и терпеть нельзя! Не чахотка же, да и не болезнь вовсе. Хотя, конечно, девочка вянет. Но она с детства такая. Ну, не болезненная, а такая... не мальчик. Пацана понятно, куда пристроить — под-

мастерьем, а девочек надо беречь от всякого. Особенного от этого вот! — Он неопределённо махнул рукой в воздухе, словно указывая одновременно на содержимое всех стеллажей.

Гость, оказавшийся кузнецом из деревни неподалёку, не был мастером разговорного жанра.

— Можно я буду называть вас «мистер Смит»? — тут же обрадовался Дон. — В... эм-м-м... номенклатурных целях.

Кузнец охотно согласился, словно и не желал раскрывать своего настоящего имени. Жена Смита умерла при родах, и на этом его знакомство с женщинами по большей части закончилось, и что делать с девочкой, он не знал. Проблема же имела явно бабскую природу, хотя бы потому, что у себя Смит ничего подобного никогда не наблюдал.

— Так что же всё-таки не так? — спросил Дон.

— Она плохо спит. От этого, конечно, не умирают. Да ведь, не умирают?

— Я не знаю. Насколько плохо?

— Ужасно. Вскрикивает, стонет и не может заснуть. Потом засыпает — и опять. И так всю ночь. Травы не помогают.

— А что ей снится?

— Я не знаю... Кошмары, — махнул рукой Смит. — Днём ходит бледная. Иногда её тошнит. Несколько раз теряла сознание. Врачи говорят, что здорова, либо болезнь им неизвестна, если это вообще недуг. Насколько всё опасно, не знают, но слабость же, да? Потеряет сознание — и опа головой! И ещё болтают, что в таких делах только вы можете ей помочь.

— Кто конкретно болтает, простите? — удивился Дон.

— Болтают, — повторил, неопределённо разведя руками, Смит.

— И вы согласны нанять меня?

— Если правда сдюжите — согласен.

— А если нет?

— Тогда нет.

— В любом случае вы рассчитываете на мои услуги?

— Да.

— Хорошо, а цену знаете? — поинтересовался Дон и увидел, как кузнец меняется в лице.

Рина стояла на поляне возле избушки и ждала, когда «мужчины поговорят», по выражению папы. Она могла бы найти дорогу сама, но отец решил проводить её, собираясь в путь так, как будто эти проводы — последние.

Оставленная без присмотра, Рина тут же расплзлась вниманием по поляне, перепрыгивая с одного предмета на другой. Травинка. Если неаккуратно взять и быстро дёрнуть — можно порезаться. Листик на земле. Красный. Почему одни желтеют, а другие краснеют? О, гусеница ползёт. Пушистая. Интересно, щекочут ли гусеницы друг друга? Корень дерева. Ствол. Ветка. Листик на ветке. Красный листик на ветке.

Взгляд вернулся к строению, которое Рина успела рассмотреть украдкой во время разговора с отцом. Это был почти обычный деревянный дом, не считая одной странности: он стоял на каменном основании, слишком высоком, чтобы быть фундаментом, — футов пять, но слишком низком и без окон, чтобы быть первым этажом.

Надземный погреб? Предосторожность против потопа... в лесу? Остатки старой башни? Хорошо подогнано к избушке, хотя камень не выглядит новым. По булыжнику вообще можно определить его возраст?

Рина зажмурила один глаз, всматриваясь в совершенно обычный валун. Тысяча лет — это кто, подросток? От какого момента считать рождение? Ну конечно же, раствор. Камням не угадать, сколько лет, а вот скрепили их вместе — Рина с видом знатока стала рассматривать стыки между булыжниками — когда? Непонятно.

Послышались скрип двери и сопение, это отец вышел и начал спускаться по лестнице, приставленной к избушке.

«Возвышенность нужна, чтобы держать оборону, — подумала Рина. — Лестница втягивается внутрь — пигмеи не пройдут?»

— Я обо всём договорился. Теперь он хочет видеть тебя, — сказал кузнец, спустившись и отдышавшись.

Рина, быстро одолев лестницу, вошла в избушку — и потерялась. Дон рассматривал девушку, пока та рассматривала комнату, и было видно, как возрастает волнение посетительницы. Наконец Рина выдохнула, расставила руки в стороны, словно играя в жмурки, и начала говорить.

— Я захожу в комнату, сверху донизу обставленную полками, — произносит Рина и обводит руками вокруг себя. — В центре комнаты — печка, — кивает на печку. — Я рассматриваю комнату, потом иду вот сюда, направо, — показывает и начинает на цыпочках подходить к полке. — Меня почему-то привлекает скульптура бегемота, довольно внушительная и неказисто сделанная в сравнении с остальными. Я подхожу ближе, и вот она! — говорит Рина и начинает волноваться до дрожи в руках.

Фигурка бегемота стоит на полке.

— Здесь я понимаю, что в ней нет ничего интересного, но на самом деле притягивала меня не она. Я аккуратно отодвигаю... Можно? — робко спросила Рина.

Дон повёл плечами, что, вероятно, означало: «На ваше усмотрение». Вернее, он чуть наклонил голову влево, чуть поднял левое плечо, немного растянул левый уголок рта и приподнял левую бровь. Вся левая сторона говорила: «Я не знаю». Правая же оставалась неподвижной. Несомненно, это означало: «Как хотите».

Рина убрала бегемота и замерла на несколько секунд, после чего руки её безжизненно обвисли, спина сгорбилась. Девушка попятилась назад и упала на диван.

— Там был единорог, но его нет, — едва слышно сказала она.

— Можно подробнее?

— За бегемотом стоял единорог, фигурка. Её почти не было видно. Я отодвинула бегемота и нашла его там. Но сейчас его там нет. Он был?

— У меня никогда не было единорога.

— Потом я брала скульптуру в руку, нечаянно уколовшись рогом, вздрагивала и просыпалась, после чего не могла заснуть до утра. И так каждую ночь уже полгода.

— Вам это снилось?

— Да.

— Моя избушка?

— Да.

— Это очень мило. И пожалуй, удивительно. И что потом?

— Я просыпалась.

— Что произошло между тем временем, как вы начали просыпаться, и тем, как вы оказались здесь? — переспросил Дон.

— Стала слабеть и сказала об этом отцу. Он не поверил, что это всего лишь из-за каких-то снов. Но спустя месяц наконец-то обратил внимание на то, что со мной происходит, вещи просто стали валиться из рук. Отвёл к лекарю, который ничем не помог. Второй тоже, но посоветовал ведьму — как крайнюю меру. Пошли туда. Я рассказала сон, она пожалела, что ничем не может помочь, но велела искать Дона в лесу.

— А отец?

— Его надежды кончились ещё перед ведьмой.

— Хорошо, чего вы хотели?

— Ведьма сказала, я найду единорога у Дона, но я даже предположить не могла, что мне снилась именно эта избушка. И что его здесь нет! Конечно, я не думала вот так сразу обнаружить его у вас, но когда всё увидела... Вы правда не знаете, где он?

— Понятия не имею, — спокойно сказал Дон.

— Значит, ничем не можете мне помочь? — потухшим голосом произнесла Рина.

— Ну почему же сразу так обречённо? Хотите, я помогу с поисками?

— А как?

— Выйдем за пределы дома и посмотрим вокруг, как бы глупо это ни звучало. С отцом я уже договорился.

Рина не поверила и выглянула в окно, чтобы увидеть там вечно озабоченное лицо отца, но тот куда-то пропал.

— А где папа?

— Ушёл.

— Как ушёл?

— Вот так, оставил вас и ушёл.

«Надо же, отец впервые бросил меня без присмотра, и Дону удалось с ним о чём-то договориться», — удивилась она. Всё это было крайне странно.

— Можно я подумаю?

— Это у вас пока не запрещают, — улыбнулся Дон. — Я не тороплю. Не смущайтесь, я буду заниматься своими делами.

Занятия Дона были подозрительно похожи на сборы в дорогу, наведение порядка или перестановку в комнате, где нечего было переставлять. Рина, конечно же, знала ответ — в конце концов, выбора у неё не было, — но не решилась отвлекать мужчину. Закончив сборы, в качестве последнего штриха Дон достал несколько табличек с надписью «Не продаётся» и развесил их на полках. К тому времени девушка уже спала на диване. Заметив это, Дон достал откуда-то с полки плед, укрыл свою гостью и встал напротив неё, о чём-то размышляя и прислушиваясь к дыханию девушки.

Спала она долго, почти сутки, и ей совершенно ничего не снилось, поэтому впервые за несколько месяцев удалось выспаться.

На следующий день дверь избушки открылась и по лестнице спустились двое. Они посмотрели друг на друга, Дон улыбнулся и сказал:

— Итак, где вы в последний раз видели единорога?

РАЗБОЙНИКИ

— Вы что, не знаете, куда идти? — с тревогой спросила Рина, на что Дон пробормотал что-то невнятное насчёт карты, которой у него нет, потому что территория не его.

— Вы не знаете дорогу? — переспросила Рина.

— Если бы я знал, то это были бы не поиски. А какие пути вам известны?

Рина знала дорогу домой. Из дома — на рынок. С рынка — на площадь. С площади — в соседний посёлок и обратно.

— Что ж, идём к вам, — предложил Дон.

— Но зачем?

— У меня мы уже были, а у вас — ещё нет. Или, например, в последний раз единорога вы видели в избушке у меня, но лёжа в кровати у себя. Как вам такое?

— Ну давайте... — Рина недоверчиво посмотрела на Дона.

Она не знала, о чём говорить с мужчинами, кроме них самих. Дон же молчал, а начинать первой она посчитала бестактным, так что у девушки появилось время на свои мысли.

Рина провела спокойную ночь, что само по себе было чудом. Отец кому-то её доверил, и это казалось не менее удивительным, хотя Рина пока ещё не решила, как к этому относиться. Всё остальное было ей совершенно непонятно, но самое любопытное — понятно ли хоть что-то Дону?

Почти уже на выходе из леса посередине дороги спиной к ним сидел сгорбленный человек, и как только спутники

к нему приблизились, он медленно поднялся, сверкнув сталью. Тут же из кустов появились ещё трое и окружили Дона с Риной, помахивая ножами и дубинками.

— Сдаём вещи — идём дальше, — деловито сказал человек, сидевший на дороге, самый высокий из грабителей.

— А вы новенькие? — поинтересовался Дон.

— Старенькие мы, — хихикнул другой разбойник, упитанный парень с грязными волосами и приплюснутым носом.

— Странно, сколько раз здесь живу — и вас не видел.

— Везло, значит! — огрызнулся долговязый.

— Я — Дон, а эта девушка со мной.

— Да мы и сами видим, что с тобой! — снова хихикнул толстяк. — Девушку можешь оставить, так уж и быть!

— Дети же совсем... Ладно, ведите нас к Владу.

— К какому такому Владу?

— Лохматый такой, с бородкой, — с неожиданной нежностью в голосе произнёс Дон. — Большой весельчак и ценитель жизни.

— Не знаю никаких Владов. Ты зубы нам не заговаривай. Что у тебя там в сумке? И кошель на поясе тоже давай.

— Это называется кобура. Ребята, смотрите, идея грабить людей в лесу, несомненно, блестящая, но, возможно, вы не первые до неё додумались. Лес большой, и вам, вероятно, кажется, что его всем хватит. Но вы здесь без спроса. Либо кто-то вам разрешил. Понимаете? Нет? — Голос Дона стал слегка взволнованным, словно ему было действительно важно, чтобы собеседники его услышали. — Это всё может быть наивной самодеятельностью с вашей стороны, тогда я попытаюсь вас образумить моим знакомством с настоящими разбойниками. Ну?

— Что «ну»?

— Если у вас есть босс, то отведите меня к нему, он подтвердит, что вы обознались. А если выше вот этого никого нет, — Дон указал на долговязого, — то вам придётся пове-

ритель мне на слово, что затея с грабежом не самая удачная, и спокойно разойтись. Вот видите, я за вас уже всю предварительную мыслительную деятельность совершил, осталось принять правильное решение. Итак?

Разбойники переглянулись. Один из них попытался что-то сказать, но осёкся под взглядом верзилы.

— Это не твоё дело, — ответил на речь Дона главарь, особо над ней не размышляя, — и у меня кончается терпение!

— У меня тоже, но это, несомненно, моё дело, потому что мне хочется последствий вашего упрямства избежать.

Мягкий и немного игривый тон Дона на мгновение стал ледяным, выделив холодом «моё дело», и вот уже он, словно даже извиняясь, разводит руки в стороны: дескать, поймите меня правильно, а кто бы на моём месте не пытался.

— И сбежать? Не думаю, что у тебя это выйдет! — фыркнул самый молодой разбойник и добавил с вопросительной интонацией: — Старик?

Здесь Рина, наблюдавшая всё это время за ситуацией без малейшего испуга (в конце концов, разбойникам с неё просто нечего было взять), с удивлением поняла, что не может определить возраст Дона. Стариком можно назвать мужчину с первыми признаками чахлости, чтобы намекнуть на неизбежно подступающую немощь. Увядания в Доне не было, впрочем, как не было и расцвета; он не находился ни в зените, ни в закате, ни в восходе.

«Как определить возраст дерева, не разрезая его и не пересчитывая кольца? — подумала Рина. — По грубости коры? По размеру?» Ростом Дон был примерно с человека. Разбойникам же было не больше тридцати.

— Всё-таки грабёж?

— Грабёж! — радостно подтвердил долговязый.

— Жаль, конечно, но пусть будет по-вашему!

Расстёгивая левой рукой кобуру, Дон одновременно выставил правую вперёд, словно фокусник, управляющий вниманием аудитории, сжал кулак, поднял большой палец

вверх, указательный выставил вперёд, в сторону главаря, кашлянул и драматически провозгласил:

— Пиф-паф!

* * *

Лагерь разбойников, состоявший из походных домиков, которые можно при желании быстро собрать и разобрать, имел тем не менее довольно оседлый вид. Расползшееся кострище, утопанные тропы, вросшие в землю ящики со скарбом — все мелочи говорили, что разбойники давно не снимались с места.

Снаружи самого большого тента, стоящего в центре лагеря, раздался глухой голос:

— Босс?

— Йохан, я же просил не отвлекать меня по пустякам!

— К вам Дон с происшествием.

Влад оживился, встал с кровати, на которой отлёживал бока последние две недели, пересел на стул в центре палатки и провёл рукой по волосам, зачёсывая и приглаживая длинные пряди.

— Пусть заходит.

Вошли Дон, Рина и Йохан — человек лет сорока пяти, имеющий вид уставшего от службы добермана.

— Какими судьбами?! — расплылся в улыбке Влад.

— Шёл мимо — и дай, думаю, зайду, — разулыбался в ответ Дон.

— Так и шёл бы себе дальше.

— Так и шёл бы, конечно, — кивнул Дон. — Молодцы твои на меня позарились.

— Да ла-а-адно! — с удивлением протянул Влад. — Йохан?

— Эй, идиоты! — рявкнул доберман.

Снаружи послышалась возня, и внутрь нехотя вошли уже полюбившиеся нам герои — трое разбойников, всё это время ожидавшие, видимо, особого приглашения.

— Это кто такие? — брезгливо спросил Влад.
— Новенькие. Неделю назад появились.
— Мы уже всех подряд берём?
— Уже давно, — недовольно ответил Йохан — мол, не я решаю.

— И действительно. Ты набирал?

— Да, — кивнул Йохан.

— Инструктировал?

— Что я вам говорил? — грозно спросил Йохан у парней.

Долговязого среди них не было, и после недолгих колебаний в попытке определить новую иерархию отвечать решил толстенький:

— Ну, это... Промышлять по мелочи, далеко от лагеря. На рожон не лезть. Не жадничать. Третью оставлять себе.

— Что ещё?

— Вроде всё.

— Кого не трогать?

— Постоянных торговцев. Знатных господ.

— Ещё?

— Вроде всё.

— Ещё? — ледяным тоном повторил Йохан.

Толстенький задумался.

— А, ещё алхимика сказали обходить стороной.

— Ну?!

— Так... это, что ли... он? А я думал... ну... — промямлил разбойник и обрисовал в воздухе круг над своей головой.

— Что ты думал, идиот? Что это? — Йохан повторил жест.

— Колпак со звёздами.

— Это астролог, — шёпотом подсказал второй разбойник.

— А я вообще считал, что про алхимика это шутка, — попытался поддержать третий, — но теперь-то сразу всё понятно стало!

В наступившей тишине раздался смех Влада.

— Ох, только ради этого и стоило! Так, и что произошло? — обратился Влад к Дону.

— Пришлось по самому ушлому из нейромодулятора пальнуть.

— В смысле?

— Ну то есть проклятие наслать, конечно. Остальные тут же решили сотрудничать.

— И что же с ним, бедным, стало? — с любопытством спросил Влад, ожидая сочных подробностей.

— Пока без сознания, скоро очнётся. Ожидаются глубокие, но обратимые потери памяти, спутанность мыслей, обильный понос и рвота. Ребята его до лагеря дотащили.

— Парней я, конечно, накажу.

— Конечно, — деловито кивнул Дон. — Вполне достаточно назначить их присматривать за пострадавшим — с целью сплочения команды и поднятия боевого духа. В первые часы, как очнётся, понос уже будет, а память о том, что при этом надо снимать штаны, ещё не вернётся.

— Годится! — хохотнул Влад и взглядом отдал распоряжение Йохану, в глазах которого промелькнуло неудовольствие от мягкости наказания, но он молча поклонился и вышел из шатра, подталкивая разбойников в спины.

— Алхимик, значит, — заметил Дон.

— Ну а кто ты?

— Франшиза тебя погубит, как мне кажется. Раньше стандарты были несколько повыше. Один Йохан десятерых стоит.

— Повыше, да... — задумчиво сказал Влад. — А это?.. — кивнул он в сторону Рины.

— Моя подопечная.

На этих словах Влад почему-то выдохнул и заметно ослабился.

— Поужинаете? — предложил он.

— И даже позавтракаем, — согласился Дон.

Принесли анисовую водку и еду. Влад изображал гостеприимного хозяина, Дон подыгрывал, Рина выступала в об-

разе прекрасной гостии. Постепенно Влад стал размягчаться и распушать хвост, сначала в рамках игры, потом всё более и более искренне.

Найдя в лице Рины заинтересованного слушателя, разбойник обрушил на неё поток залихватских историй из прошлого, складывающихся в общую картину приключений четвёрки парней, которые не захотели жить по-старому. На разбой их толкнула не острая нужда, а упрямство и свое нравность. «Не надо работать на идальго» — было их негласным девизом. «Свободные люди» — так называли они себя. В отличие от остальных, Влад получил образование — ровно такое, чтобы подняться на следующую социальную ступень, где обнаружилось, что одежды и нравы поменялись, а свободы не прибавилось.

Грабежом занялись почти сразу, как единственно доступной нетрудовой деятельностью. В ход пошли воспоминания о первых налётах, самых волнительных. Рина была, конечно же, впечатлена.

— Это только кажется, что разбойничать легко!

— Почему же, только сегодня видела пример полного провала, — мило улыбнулась девушка.

— Ха, ты всё понимаешь! — восхитился главарь.

Шайка выигрывала исключительно благодаря дерзости и сообразительности Влада и расчётливой, хладнокровной жестокости Йохана, который никогда не перегибал палку с насилием; в результате даже самые упрямые жертвы уходили чаще живыми, чем мёртвыми, но всегда без вещей.

Вскоре их банда доросла до семи человек. Новеньких набирали прямо во время промысла, когда удавалось признать своих, если, например, жертва начинала талантливо сопротивляться. Гласным и негласным лидером банды стал Влад.

— А Йохан? Он просто прирождённый офицер. Я решил называть их офицерами, как в армии, его и всех старичков, — пояснил Влад.

— Остальные, выходит, бойцы? — поинтересовался Дон.

— Получается, что так.

Влад начинал выдыхаться. Или просто истории стали заканчиваться, хотя Рина, привыкшая к отсутствию сна, могла бы слушать всю ночь.

— Вам не кажется, что грабить людей — это несколько эгоистично? — спросила Рина то ли серьёзно, то ли в попытке подлить масла в огонь беседы.

— Конечно, кажется! — отозвался Влад.

— Но?..

— Никаких но. Я забочусь о себе больше, чем о других. Все так делают, просто кто-то перегибает палку, а кто-то — нет. Если я получаю от... хе-хе... общения с людьми больше, чем они, то для них это хороший повод быть недовольными или даже избегать встречи. Я не против и всё понимаю. Просто буду более настойчивым.

— А как вы познакомились с Доном? — сменила тему Рина, поняв, что разговор о добре и зле не клеится.

Влад зачем-то вопросительно посмотрел на алхимика, тот пожал плечами — мол, это тебя спрашивают.

— Дон мог бы стать свободным человеком, — сказал Влад сухо и замолчал.

— А почему не стал? — не выдержала паузы Рина.

— Не захотел. Сначала мы пытались делить с ним лес, это было глупо, особенно когда выяснилось, что Дон просто здесь живёт. Мне потребовалось долгое время и много усилий, чтобы понять, что принцип «Кто не со мной, тот против меня» в этом случае не работает. Потом выяснилось, что Дон — маг и волшебник. Кто же откажется дружить с таким! — сказал Влад с едва заметными нотками сарказма и замолчал.

Рина покосилась на Дона. Наконец тот открыл рот и спросил:

— А чем свободные люди заняты сегодня?

— Вот именно. Вот именно, Дон, сука ты! — подскочил на месте Влад. — Свободные люди заняты! Грабежи — дело

опасное, а мы всё-таки хотели жить по-другому, а не умереть, пытаюсь. И всегда есть парни типа вон тех придурков, — Влад кивнул в сторону выхода, — которые будут вместо тебя каштаны из огня таскать. Мы стали идалго, Дон.

— Но свободы не прибавилось? — посочувствовал Дон.

— Нет. Даже наоборот. Большая организация, головная боль, логистика, дисциплина, все эти многочисленные отношения — это всё можно терпеть, когда ты главный. Или нет? — Влад посмотрел на невозмутимое лицо Дона и продолжил: — Господи, ну что я могу сделать? В лес от них уйти? Или грабить сам, как в старые добрые времена? А зачем? Зачем рисковать, когда можно не рисковать? Твой босс — ты сам — смотрит на тебя с высоты собственного опыта и говорит: «Вот так правильно». И ты отвечаешь: «Да, согласен!» Не будешь же голосу разума перечить всего лишь из-за какой-то свободы! Как же так вышло-то, Дон?

— Ты решил всё бросить и начать новую жизнь на свой страх и риск.

— Ну да.

— Так вот же он, твой страх и риск.

— Что же, получается, от неё не уйти?

— От кого?

— От системы, Дон.

— Ах, от неё... Нет никакой системы, есть просто куча людей, каждому из которых ничто человеческое не чуждо. Все они ищут свой путь наименьшего сопротивления. Когда их траектории совпадают, кажется, что есть какая-то «система», а это просто колея.

Для ночлега Рине и Дону выделили два соседних шатра, освободив их от награбленного хлама. Посреди ночи девушка вскочила — снова приснился единорог — и долго глядела в потолок, где сходились в одной точке тканевые треугольники крыши. Встала, скрутила постель, перебралась вместе с ней в палатку Дона, вызвав его понимающее сонное мычание, и тут же уснула.

Снился Влад. Он лежал в комнате отца Рины на детской кровати. Горела свеча, воткнутая в пустую консервную банку на полу. Влад ворочался во сне. Рядом на табуретке тихо сидел Дон. Каждый раз, когда разбойник почти полностью выбирался из-под одеяла, Дон скупыми движениями укутал его вновь и опять замирал. Внезапно Влад открыл глаза и тихо взмолился:

— Можно я пойду с вами?

— Нет.

— Почему?

— Во-первых, это некрасиво.

— Дон, мне очень надо.

— Во-вторых, мы идём, а не бежим, и не в одну сторону, а туда и обратно.

— Ну пожалуйста.

— Ну и, наконец, дорога наша не вымощена жёлтым кирпичом. Рина облегчила задачу пойти туда, не знаю куда, хотя бы знанием того, что надо найти. А ты что бы попросил у волшебника? Храбрость или сердце?

— Так что мне делать?

— Спи. Я расскажу тебе сказку. Жил-был разбойник, сущий демон. Он отбирал добро у богатых и отдавал бедным. Звали его Максвелл...

Утром следующего дня герои снова собрались под тентом у Влада на завтрак. Тон беседы был совсем другим: вместо прежней неторопливости — мол, вся ночь впереди — он больше походил на «заканчиваем дела — и нам пора». Занесли два сундука. Дон кивнул, встал из-за стола, вытер мокрые от фруктов руки о штанины, подошёл и начал изучать содержимое.

— Что это? — шёпотом спросила Рина у разбойника.

— Всякий мусор.

— А зачем он?

— Ну, знаешь, как говорят, хлам для одного человека — сокровища для другого. Раньше мы такое просто выбра-

вали. Когда грабишь, некогда разбираться: отдавай что есть и иди с миром. Потом появился Дон. Иногда он забирает часть мусора и взамен приносит что-то ценное.

— Дон покупает у вас награбленное? — ужаснулась Рина.

— Скорее превращает дерьмо в золото. Совершенно неизвестно, что и когда он принесёт взамен. Да-да, именно поэтому — алхимик.

«Так вот откуда у Дона все полки уставлены всякими штуками», — подумала девушка. Дон тщательно перебирал содержимое сундуков и не слышал — или делал вид, что не слышит — разговора Рины с разбойником.

— А тебе что от него надо? — вполголоса спросил Влад.

— Мне снится один и тот же сон — фигурка единорога. Дон сказал, что поможет её найти.

— Найти что-то из сна? Он и такое может? Она драгоценность? Золото? — заинтересовался вдруг разбойник.

— Вроде бы нет, — смутилась Рина.

— А единорог — это что? — уже без особого интереса спросил Влад и, выслушав краткие объяснения, добавил: — Что-то поганское, видимо.

Вдоволь изучив содержимое сундуков, алхимик подошёл к столу со стопкой карточек и сказал:

— Я заберу.

— Ты знаешь, что это? Шумца ограбили, обычно у них всякий шлак.

— Это Ккхи.

— Похоже на игральные карты или открытки с видами. Так ни к чему и не приспособили, какие-то они бестолковые. Но пусть будут Ккхи, раз ты так говоришь. Что ещё?

— А тебе нужен осёл? — поинтересовался вдруг Дон.

— Нет, спасибо.

— Я видел, там на улице стоит. Даже, скорее, мул. Значит, мы его заберём. Ещё нам понадобятся пайки в дорогу, соль, спальные мешки и прочее. Наверняка к мулу всё это

прилагалось — стандартный набор, вы же много путешественников грабите.

— А что мне за это будет?

— От осла избавишься, вы с ним не пара. Даже и не делай такое лицо! Да, денег стоит, а я обычно менее ходовой товар беру. И да, у тебя не лавка «Всё в дорогу». Но кто-то должен спонсировать наше предприятие. Отец девушки вложилась как мог. К тому же твои ребята на меня напали, хотя мы так не договаривались. Мне пришлось потратить заряды. Ну же: «Дорогой Дон, прими в качестве извинений это прекрасное животное».

Влад замялся.

— Неужели вам жалко? — удивилась Рина.

— Точно! Благородному разбойнику жалко девушке осла! — подхватил Дон.

— Конечно же нет! Если ей, то пожалуйста! — поспешно отозвался Влад, недобро посмотрел на алхимика и вышел наружу отдать распоряжения.

— Неплохо, — подбодрил Дон Рину, — это ещё не единорог, но мула вы себе уже нашли.

Замечание смутило девушку, она погрузилась в свои мысли и поэтому пропустила горячее прощание, пару раз кивнула, подала руку, улыбнулась и вышла вместе с Доном из-под тента, где их уже ждал полностью экипированный для путешествий мул.

Всю обратную дорогу Рина терзалась чем-то смутным, и это явно имело отношение к ослу. И, наверное, к Дону. Чтобы определиться, Рина попыталась завести разговор:

— А вот осёл...

— Мул.

— Да, мул. Он зачем?

— Возить тяжести.

— А зачем нам?

— Тоже возить тяжести.

— Мы что, будем это делать? — напирала Рина.

— Ну конечно, у нас и мул есть.

— А какие тяжести?

— Меня. Вас. Наши вещи. Еду.

Рина не могла точно решить, издевается ли Дон над ней или правда не понимает, что она хочет сказать. Если издевается, то смутные терзания становились ещё сильнее. Если не понимает, то как у него это получается?

«Совершенно же понятно, что я хочу сказать! — подумала Рина. — Так, подождите, а что именно я хочу?»

— Мы куда-то далеко пойдём? — спросила она.

— Думаю, что придётся. По крайней мере, мул у нас есть.

— Но вы же говорили, что не знаете, куда идти, и мы направляемся в деревню. — Рина попыталась поймать спутника на противоречии.

— И это правда, но у меня есть подозрения, что дорога будет дальней, хотя и начнётся в деревне.

«Нет, всё равно не то».

— Вы постоянно так странно говорите, не очень понятно! — с опаской сообщила Рина.

Если бы она прислушалась к своим ощущениям, то поняла бы, что Дон напоминает ей иностранца, прожившего в чужой стране лет двадцать и ставшего почти неотличимым от местного жителя, если специально не присматриваться.

— Мне даже заявляли, что я дурю людям головы, — сознался Дон.

— Правда?

— Чистая правда. Но я бы на вашем месте не стал обсуждать это с человеком, про которого такое говорят.

— Ну вот, вы опять!

— Некоторые люди так считают, это правда. Дурю ли я головы на самом деле? Надеюсь, что нет! Но я могу понять людей, которым так кажется, — пояснил Дон.

Видя, что её собеседник спокойно признал свою странную манеру изъясняться, Рина пошла дальше:

— Вышло, как будто это я мула выпросила. Вы так всё хитро повернули!

— Вы на меня за это сердитесь?

Убеждение, что надо говорить правду, встретилось с убеждением, что злиться на людей нехорошо.

— Я не знаю, — решила признаться девушка и умоляюще посмотрела на Дона.

— Что именно вам не нравится?

— Теперь у меня есть краденый мул, полученный нечестно.

— Дважды краденный мул?

— Да, наверное.

— И всё это организовал я?

— Получается, что так.

— Мул действительно краденый, но он был бы таким и без нас. Можете думать, что мы просто избавили его от неприятного общества Влада. Что же касается «нечестно», то вы всю ночь слушали его болтовню, хотя никто не принуждал. Мне кажется, мула вы заслужили.

— Но это было интересно! — возразила Рина.

— Несомненно, было. Как вам, так и ему. По крайней мере, у этого индюка появилась возможность распустить перья и побыть какое-то время павлином. Сделать девушке щедрый подарок в виде мула было вполне в духе нашей беседы.

— Это же неправда, не щедрый же!

— Влад, конечно, уцытакль тот ещё, но главное, чтобы он сам в это верил. Не могли же мы ограбить грабителя!

— Нет?

— Нет, обменяли мула на хорошее настроение.

Во всём этом логическом построении ощущался подвох, но Рина никак не могла его ухватить и выразить.

— Но мы же на это повлияли!

— Конечно, мы же там были.

На этом тема казалась исчерпанной. Дон молчал. Рина блуждала в мыслях, цепляясь ими за детали проползающего

мимо пейзажа и возвращаясь время от времени к мулу и Дону. Ощущение чего-то неправильного и неуместного постепенно растворилось, и, когда через несколько часов Дон предложил выбрать для животного кличку, Рина с облегчением согласилась и предложила имя Фёдор, потому что «ну вы посмотрите на эту морду».

С появлением имени мул ещё меньше стал восприниматься как краденое имущество и превратился в субъекта путешествия, хотя для самого Фёдора мало что поменялось, разве что дни на привязи сменились привычным размеренным шагом под грузом навьюченного добра.

Дон, как и Рина, тоже проехался на Фёдоре, но не от усталости, а скорее удовлетворяя желание девушки. Единолично пользоваться мулом ей было неловко, но она согласилась на честную очерёдность.

В ДЕРЕВНЕ

На подступах к деревне Дон неожиданно притормозил Фёдора и спешил. Рина уже успела подумать, что дальше она пойдёт одна — неизвестно почему, — но Дон продолжил путь уже пешком.

— Не хочу въезжать в населённый пункт на осле, — ответил спутник на незаданный вопрос. — Дурная примета.

Деревня никак не отреагировала на появление Дона; про отшельника в соседнем лесу ходили смутные слухи, но никто точно не знал, как он выглядит.

Смит нашёлся в кузнице. Он уныло выстукивал какую-то железку и, увидев Рину, с радостью бросил работу и кинулся обнимать дочку.

Счастью кузнеца не было предела. До тех пор, пока не стало понятно, что за две минувшие ночи никакого исцеления не произошло. И тут же за пределами счастья обнаружилось тихое недоверие.

— Но я наконец-то выпалась! — радостно сообщила Рина. — В присутствии Дона мне почти не снится тот сон.

— Значит, всё хорошо?

— Нет, без Дона кошмары начинаются опять.

— Теперь — всегда с ним, что ли? Это какой-то дешёвый трюк? Как это понимать? — В голосе отца слышались привычные для Рины нотки бешенства, которые она умела сразу распознавать и сглаживать до того, как они превращались в симфонию.

Дон, стоявший рядом и совершенно не возражавший, что о нём говорят в третьем лице, решил наконец высказать и своё мнение:

— Мы только начали нащупывать решение, но уже сами поиски могли обнадёжить... мнэ... пациентку. На фоне купирования тревоги произошла релаксация, и торможение стало преобладать над возбуждением, отсюда нормализация сна и временная ремиссия. Возможно, ситуация примет перманентный характер и моё присутствие больше не понадобится.

— Ты мне голову не дури! — нахмурившись, сказал Смит, но выставлять себя дураком и переспрашивать не стал, хоть не понял и половины сказанных Доном слов.

— Даже если это и трюк, это не то, о чём мы договаривались, — сказал Дон. — Окончательная помощь, но без чётких сроков — помните? Процесс идёт, или вам было бы спокойней, если бы никаких изменений не было?

Рина вспомнила этот тон, именно так Дон недавно спрашивал: «Всё-таки грабёж?» Во фразе читалось: «Я вас правильно понял?» — и открытый конец.

— Нет-нет, конечно же, нет, — пошёл на попятную Смит.

— Мне надо осмотреть место проживания и сна Рины.

— Но зачем?

— Могут обнаружиться инвайронментальные факторы, — уклончиво ответил Дон.

Маленькая веранда с мухами на окнах. Пустая гостиная со столом посередине, соединённая с кухней. Из гостиной — две двери, первая надёжно заперта на ключ.

— Ничего стоящего, кладовка, всякий хлам, — пояснил кузнец, хотя дверь была большая, межкомнатная.

Вторая вела в спальню, разделённую простой тканевой занавеской на две неравные части: в большей — кровать кузнеца, стол и шкаф, в меньшей — кровать Рины и сундук, выполняющий роль шкафа и тумбочки одновременно.

— Вы так и живёте? — спросил Дон отца.

— Что, простите?

— Так. — Дон сначала обвёл руками комнату, потом ткнул в занавеску.

— Живём хорошо. Я — второй кузнец на деревне, грех жаловаться. Оно и понятно: у первого — трое сыновей, а у меня всего лишь дочка. Всё, что могу, отдаю ей.

— Кому-кому отдаёте? — зачем-то уточнил Дон, рассеянно рассматривая несколько пустых бутылок на кухонном столе.

— Так Рине же. Больше у меня никого нет.

Дон кивнул. Отца это не успокоило, он попросил девушку ненадолго оставить их одних и несколько минут о чём-то гудел Дону в спальне. Когда мужчины закончили разговор и вышли в гостиную, Рина уже прибралась на кухне и готовила обед. Смит бросил на дочку одобрительный взгляд и отправился в кузницу.

— Что бы вы ни захотели взять с собой из ваших вещей, всё легко уместится на Фёдоре, — заметил Дон.

Рина молча резала овощи и никак не отреагировала на реплику.

— Я вернусь через два часа, буду ждать на улице, — оповестил её алхимик и получил в ответ лёгкий кивок.

* * *

— Составишь мне компанию? — спросил Дон.

Мул не ответил. Очевидно, он был одним из тех сказочных ослов, которые не разговаривают.

— Молчание — знак согласия, — интерпретировал его реакцию Дон, отвязывая мула от ограды. — Пойдёмте, Фёдор Михайлович, посмотрим, как живут эти бедные люди.

Деревня была нанизана на главную улицу, как бусы на нитку; это не так бросалось в глаза, если заходить в неё со стороны леса, но, побродив немного, нетрудно было понять, что заблудиться здесь практически невозможно.

«Какая проходная деревня!» — подумал Дон.

Рынок и площадь были прикреплены к бусам отдельным узелком, тут движение закружилось и ненадолго вовлекало путника в происходящее, но всё равно деревня оставалась топологически неотличимой от пищеварительной системы червя. Шла вторая половина дня, рынок был уже пуст, и на площади было безлюдно.

— Правая задняя! — вдруг услышал Дон.

Повернув голову в сторону голоса, он увидел поджарого мужчину лет сорока пяти, без дела сидевшего на крыльце дома, самого ладного во всей деревне.

— Простите?

— Правая задняя подкова, ухналь выпал.

Мужчина поднялся с крыльца, отворил калитку и вышел к Дону.

— Хотите посмотрю?

Дон кивнул. Мужчина успокаивающе погладил мула, легонько тронул за ногу, и Фёдор, словно понимая, что от него хотят, сам приподнял копыто. В подкове в самом деле не хватало одного гвоздя.

— Могу подковать. Делов на две минуты.

— Вы кузнец, — догадался Дон.

— Ковач, — представился кузнец.

— Дон, — представился Дон.

Мужчины пожали друг другу руки. Ковач объяснил, что надо свернуть в соседний проулок и обойти дом вокруг — там обнаружилась кузница, которая занимала всю его заднюю часть и была не видна с парадного входа.

Дело действительно заняло не больше пары минут, хотя обычно выполнение подобных обещаний растягивается минимум на семь. Кузнец не торопился, производя каждое движение текуче и в своём темпе. Шевелился он чуть быстрее, это выглядело бы как суета, медленней — как неуверенность или леность. Это не был танец, понятный ритм и внешняя красота отсутствовали, но за всем его действием ощущалось проявление невидимого постороннему глазу высшего порядка.

— Сколько я вам должен?
— За один гвоздь? Нисколько. Я ведь сам предложил.
— Этак вы разоритесь, — пошутил Дон.
— Горе мне как кузнецу, если я на гвоздях прогорю! — ответил Ковач без тени улыбки.
— То есть дело спорится?
— Можно сказать и так. Мне хватает, а жадничать зачем?
— Вам? А семье?
— Остались только сыновья, но они большие уже, зарабатывают сами. Жена меня оставила.
— Умерла?
— Нет, зачем же сразу так, — махнул рукой Ковач, — просто оставила. Ушла к другому.
— Сыновья помогают?
— Старший заказывает у меня обручи для бочек. Бондарь он. Средний — пекарь, от него никакой пользы, — усмехнулся кузнец. — Младший — офеня, промышляет по ярмаркам, раз в несколько месяцев приходит за мелочовкой.
— Дети берут у вас товар?
— И платят честную цену.
— Неужели не пошли в подмастерья?
— У них своя жизнь, к тому же тут не так много работы, мы справляемся.
— Вы?
— Я и другой кузнец.
— И как он?
— Я на коллег не наговариваю, — сказал Ковач, едва заметно скривив рот.
— А по-человечески? Ну, если не как мастер о мастере, как человек он как?
— На людей я тем более не наговариваю, — произнёс кузнец мрачно.
Дон, очевидно, задел большое место, но дальнейшие расспросы были бессмысленны, хотя можно было попробовать зайти и с другой стороны:

— Дочка его, говорят, захворала.
— Жених? — недоверчиво покосился Ковач.
— Нет, что вы.
— Лекарь?
— Нет. А ловко вы гвоздь обнаружили, — решил всё же сменить тему Дон.

— Ерунда! — смутился кузнец. — Просто намётанный глаз.

— Это сколько же метать надо, чтобы вот так?

— Лет тридцать, — пожал плечами кузнец. — Приходит человек с лошадью, поднимаешь ей ногу, смотришь — подкову пора менять. И так тысячу раз. В тысяча первый приходит человек с лошадью, смотришь на копыто сбоку и понимаешь, что ногу можно не поднимать, и так всё понятно — подкову надо менять. И так десять тысяч раз. В конце концов человек просто проходит мимо с мулом...

— ...и ты понимаешь, что гвоздь выпал.

— Верно! — улыбнулся Ковач.

— Понятно! — сказал Дон, его лицо утратило юношеский интерес и на мгновение стало очень старым, после чего вернулось в обычное невозмутимое состояние.

— Приятно было с вами повстречаться, и я действительно это имею в виду, — сказал Дон, подчёркивая слово «действительно». — Всегда приятно, хотя и грустно, найти жемчужину в навозной куче.

— Простите?

— Это не шпилька в ваш адрес, хотя шпилька на гвоздик — вполне равноценная замена. Вам очень скучно.

— Что?

— Вам очень скучно.

— Скучно ли мне?

— Это не вопрос. Поднимите копыто и посмотрите.

Ковач задумался. Разговор неожиданно резко свернул от привычных небольших тем куда-то в густой непролазный туман чувств. Какое, к чёрту, копыто?

— Последняя неделя была довольно спокойной, — медленно, с сомнением в голосе ответил Ковач.

— Обычно я так не делаю, но... проклятый неоплаченный гвоздик. Вы местный?

— Да.

— В последние годы рядом ничего не построили? Новую деревню, дорогу?

— Лет семь назад появился мост новый в шести лье отсюда.

— А старый что?

— Говорят, тролли захватили.

— Серьёзно? — На мгновение лицо Дона снова озарилось интересом, но он продолжил: — Путешественников стало меньше?

— Ну да, пожалуй.

— Жена ушла когда?

— Лет... семь назад.

— Кузница, объединённая с домом, — редкий случай. Вы буквально живёте на работе, понимаете? Были востребованным мастером в деревне, которая когда-то стояла на проезжей дороге, иначе откуда опыт? Теперь она в стороне, все едут через новый мост. Жизнь остановилась, огонь в горниле угас, поэтому ушла жена. Вам хватает денег, но вы бросаетесь на каждый выпавший гвоздь. Вам нужно снова в дело.

— Да, но...

— В вашем возрасте ещё не поздно.

— Подождите...

— Вам очень скучно. Не эту неделю, а последние лет семь.

Изумлённый кузнец стоял, хватая ртом воздух, вены на его лбу пульсировали.

— Как вы это?.. — выдавил он наконец.

— Намётанный глаз, — ответил Дон.

— Но кто вы?

— Сказочник, — махнул рукой Дон, прощаясь.

Оставалось ещё одно дело, и, посетив ведьму, вскоре он вернулся к дому Рины. Два часа уже прошло, но девушка не выходила. Постояв на улице ещё минут пятнадцать, Дон вздохнул, легонько постучал в дверь и, дождавшись приглашения, вошёл. Рина убиралась в доме, в котором и так было пусто и чисто.

- Ой, что, уже? — спросила она Дона.
- Прошло два часа, — кивнул он.
- Но я не успела всё сделать.
- Например, что?
- Все обязанности по дому.
- Есть какой-то конкретный список?
- Нет, но...
- Как вы тогда узнаете, что всё закончили?
- Обычно к вечеру.
- Неудивительно, — буркнул под нос Дон.
- Что?
- Единорог или мытьё полов?
- Единорог.
- Берите свои вещи — и пойдём.

Рина собралась за пять минут, во второй раз попрощалась с отцом, который уже даже не скрывал своего недовольства тем, что Дон увозит дочь, как будто именно алхимик был виноват в её недуге, и путешественники отправились в дорогу.

— Мне кажется, вы чем-то расстроены, — сообщила Рина, отметив, что губы Дона сжаты чуть напряжённее, чем обычно.

- Неужели так заметно? Да, беседой с кузнецом.
- А что не так?
- Кажется, я наговорил лишнего.
- Понятно, — кивнула девушка.

РАЗВИЛКА

Рина остановилась и посмотрела на Дона. Дон остановился и посмотрел на Рину. Они вышли из деревни, дошли до первой развилки — и никуда не повернули.

— Почему вы остановились? — спросила Рина.

— А почему *вы* остановились? — спросил Дон, делая упор на «вы», а не на «почему», как его собеседница.

— Я остановилась потому, что вы остановились.

— А я — потому что вы.

Рина вспомнила, что, по мнению некоторых людей, Дон мастер дурить головы, но решила сейчас об этом не упоминать.

— Вы шли, я шла за вами.

— Могу сказать то же самое.

— Но вы вели.

— Я сопровождал, — парировал Дон.

— Так куда мы идём? — спросила Рина.

— Мне кажется, я понимаю, о чём вы. Если я скажу «за единорогом», это будет похоже на издевательство. К тому же «за единорогом» — это ответ на вопрос «за чем?», а вовсе не «куда?». Я не знаю, куда идти за единорогом.

Рина стояла, подыскивая слова. Дон ждал.

— Что делать? — смогла она наконец выдать из себя.

— Это большой вопрос. Вы бы могли его как-то сузить?

— Как?

— Чтобы сузить большой вопрос, его надо развернуть. Скажите что-нибудь ещё.

— Как мы найдём единорога?

— Мне никогда не снился единорог в чужих избушках, поэтому я не знаю, какие шаги следует предпринять дальше. Подозреваю, что у вас такое тоже впервые, так что мы в равном положении.

— Но я думала, вы мне поможете.

— Не исключено.

— Так куда идти?

— Я не знаю.

— Какой от вас тогда толк? — сказала Рина и осеклась.

— Ещё один хороший вопрос! Думаю, я смогу быть полезен. Помните это эпическое «пиф-паф»? А мула? И в конце концов, пока мы вместе, вам спится спокойно. Этого мало? — спросил Дон, сделав жалобное лицо.

— Но...

— Мало? — Лицо Дона перестало быть жалобным и стало лукавым.

— Я ожидала большего... Но нет, подождите, это неправда. Я ожидала не для себя, то есть я от вас ничего такого не хотела.

Дон понимающе кивнул.

— Просто я думала, что вы не такой... Ой, это тоже неправильно звучит. Я думала, что вы можете больше, чем просто достать осла.

— Надеюсь, это не грубая лесть! Возможно, это ещё не вся польза, но единорога ищите вы, а я помогаю — вас устроит такой расклад?

— У меня разве есть выбор?

— Конечно.

— Например?

— Вернуться в деревню.

— Но это не выбор.

— Это выбор — возможно, не самый лучший.

— А что-нибудь ещё есть?

— Конечно! Например, вы можете решить, куда нам сейчас идти — направо или налево.

— Как же я могу это сделать?

— Как свободный человек.

Рина нахмурилась:

— Мне сложно! Неизвестно, куда ведут эти дороги!

— Обычно на развилках бывает камень с инструкцией: мол, направо пойдёшь...

Дон несколько картинно осмотрелся вокруг; было совершенно очевидно, что никакая это не развилка, а обычный перекрёсток, по которому ходит множество людей, и камень ему не положен по статусу.

— Направо пойдёшь — в лес попадёшь, налево — в город, — сообщила Рина, немного повеселев, сказки она любила. — Если до самого конца идти.

— Мы не побоимся пойти до самого конца, — подтвердил Дон. — А что ж тогда говоришь, что не знаешь, куда они ведут?

— Ну я же не в том смысле! Единорог-то где?

— Где его проще представить, в лесу или в городе?

Рина вспомнила, что Влад почему-то назвал единорога поганским. Это не особо помогло: всё становилось таким, если идти до конца. В самой глуши леса жили шумцы — существа, по выражению батюшки, поганые. К счастью, до их деревни они никогда не доходили; по крайней мере, Рина за свою жизнь так ни одного и не увидела.

Город тоже считался местом бесовским; торговать с ним разрешалось, даже особо приветствовалось торговаться, чтобы, значит, им поменьше доставалось, а нам побольше, но праздно посещать город было делом позорным.

Следующие дни Рина держала ушки на макушке, смотрела спутнику в рот и всячески изображала пустой сосуд, готовый вместить чужую жизненную мудрость, но почему-то

ничего не происходило. Обычно это случалось гораздо быстрее: любой мужчина, который ей попадался, как только видел, что Рина готова слушать, открывал рот и рассказывал о себе всё, начиная с самого впечатляющего и заканчивая самым постыдным. Дон, однако, излить душу не собирался, но, истолковав подобострастное поведение девушки как-то по-своему, внезапно сказал:

— Предлагаю перейти на «ты».

— А вы хотите?

— Ну я же зачем-то это предлагаю, — улыбнулся Дон. — Я не люблю, когда ко мне обращаются на «вы», а вы?

— Я к этому не привыкла, и ты первый, кто ко мне так обращался.

— Тогда что нам мешает называть друг друга на «ты»?

— Думаю, что ничего, — улыбнулась в ответ Рина.

Спутники шли вдоль бесконечных полей пшеницы, по которым то и дело на ветру пробегали золотистые волны. Зрелище вдохновляло и успокаивало, но рано или поздно должно было наскучить. Рина забралась на Фёдора и впала в полудрёму, не забывая, впрочем, вежливо кивать редким встречным путникам.

Наконец девушка окончательно провалилась в сон. Ей снилось, что она находится среди огромного количества людей, где-то в большом модном доме, и является там главной, что-то вроде королевы.

Царство собралось выпустить новую коллекцию гвоздей, и принять решение, что пойдёт в серию, должна была она. Кланяясь, придворные подносили ей на красных бархатных подушечках новые образцы: гнутые, верчѐные, колечками и зигзагами.

— Это всё не то! — недовольно морщилась Рина, и сон начинался с самого начала.

Солнце медленно садилось, а поля всё не кончались. Наконец впереди показался небольшой перелесок.

— Там можно переночевать, — указал Дон рукой в сторону деревьев, — не топтать же поля.

Пока Дон готовил стоянку, Рина обошла всё вокруг и нашла приличное количество грибов с ягодами, из которых на костре соорудила некое блюдо с ягодным соусом.

Когда стемнело, Дон достал соль, рассыпал её вокруг лагеря и сообщил:

— Всё, можно спать.

Рине, успевшей подремать днём, было не до сна. У неё накопилось много вопросов, о чём хотелось бы узнать, но разговоры с Доном по-прежнему не клеились, даже после перехода на «ты». На корректно сформулированный вопрос Дон давал исчерпывающий, но лаконичный и словно издевательский ответ, а услуга по использованию исчерпывающей лаконичности Дона записывалась ей на какой-то невидимый счёт в виде растущего со временем долга — так, по крайней мере, Рине казалось.

Возможно, её излишнее любопытство Дона тяготило, но, поразмыслив, Рина решила, что упрекнуть своего спутника в том, что он нехотя открывал рот, всё-таки нельзя. Продолжив размышления, Рина пришла к выводу, что Дон хоть и болтлив порой, но старается «не говорить лишнего». Девушка помнила, как он расстроился из-за случая с кузнецом, но что такое «лишнее», она не знала.

Ей хорошо было известно то облегчение, которое наступает, когда даёшь человеку полностью выговориться. На вопрос «Что не так?» отец сначала надувался, словно увеличиваясь в размерах, потом долго и в подробностях рассказывал о своих тревогах, постепенно теряя объём и обмякая, а потом и вовсе спокойно шёл спать — подобные разговоры обычно случались за ужином, в конце рабочего дня.

Также ей было известно и что такое помалкивать: когда у отца дела шли совсем плохо, лучше было вести себя тише воды. Это, конечно же, совсем не похоже на «не говорить лишнего».

Дон тоже не спал, он сидел у костра и выкладывал в виде разных узоров карты, добытые у разбойников. Рина подо-
двинулась ближе и спросила:

— Что это?

— Это Ккхи.

— А что такое Ккхи?

— Это такие деньги.

— И кто ими вообще пользуется?

— Ккхи.

— Ккхи пользуются Ккхи?

— Да, они. — Казалось, Дону нравилось её замешательство. — Ккхи — это одновременно и способ торговли, и валюта, и торговцы, и стиль жизни, который они ведут, если его можно так назвать.

— Они ценные?

— Ккхи не имеют объективной ценности. Всё зависит от того, как у тебя получится сторговаться.

— А можно их посмотреть?

— Конечно, я как раз изучаю, что удалось добыть.

Ккхи были похожи на игральные или гадальные карты — небольшие плотные прямоугольники, но вместо понятных рисунков на них было наслоение хаотичных деталей, выдающее вмешательство разума. Картинка не выглядела природной, как рисунок древесной коры, но и в понятные образы или симметричные узоры тоже не складывалась.

— Не надо рассматривать каждую линию на карте, постарайся увидеть изображение целиком.

— Как?

— Не мельтеши. Сядь, расслабься, направь взгляд как будто сквозь карту.

Рина заелозила, усаживаясь удобнее, и замерла, пытаясь «не мельтешить».

Несколько секунд ничего не происходило, потом цветной фон равномерно поплыл, как рисунок из множества веточек, находящихся на дне тихого ручья. Вода прибывала,

а дно уходило всё ниже и становилось всё темнее. Что-то неуловимое начало всплывать наверх из самых глубин Рины, наслоение деталей сложилось в нечто понятное и очень простое.

Золотая волна пробежала по картам, и вместо чёточек проступили светящиеся рисунки. Некоторые карты оказались тусклее, чем другие, некоторые и вовсе были тёмные, без изображений.

Пытаясь получше разглядеть очередную картинку, Рина судорожно впиалась в неё взглядом, вздрогнула — и тут же всё рассыпалось и стало безжизненным нагромождением полос. Девушка жалобно и растерянно посмотрела на Дона.

— Второй раз проще, — подбодрил он.

Рина снова расслабилась и постаралась увидеть картинку. На этот раз они всплыли гораздо быстрее, но некоторые карты продолжали оставаться тёмными.

— Что ты видишь? — поинтересовался Дон.

— Вот здесь скошенная пшеница, здесь человек сеет зёрна, здесь птица клюёт жука, чтобы тот не съел запасы.

— Прекрасно! — чему-то обрадовался Дон и широко развёл руками. — Сцены из сельской жизни.

Широкий жест Дона, видимо, подразумевал поля вокруг, хотя путешественники и находились в маленьком перелеске.

— Впрочем, я зря так поспешно обобщил, — тут же поправил он себя.

— Это всё про пшеницу, — подсказала Рина.

— Да, можно объединить и по этому признаку.

— И кто-то использует их как деньги? — удивилась девушка.

— Конечно, это же волшебные карты! — сказал Дон и подмигнул.

Рина недоверчиво посмотрела на него, пытаясь понять, шутит он или нет.

— Мастерски сделанная вещь. Очень! — Дон цокнул языком. — Так мастерски, что даже не верится. «Достаточно

развитая технология неотличима от магии». Ты же видишь пустые карты?

— Тусклые?

— Да, их. Возьми одну и зажми между ладонями. И снова постарайся не мельтешить. Теперь подумай... Впрочем, нет, не думай. Представь, чем можно дополнить этот ряд. Ты хорошо переносишь боль?

— Что?

— Я совсем забыл! — поспешно выкрикнул Дон.

— Ой! — вскрикнула Рина и выронила карту.

На её ладони проступила капелька крови.

— Прости, иногда просто не успеваешь рассказать всё! Хочешь, я покажу тебе, какие Ккхи волшебные? Будет немного больно, но оно того стоит, — выпалил Дон. — Хотя, конечно, теперь-то что уже — поздно! Смотри.

Рина подобрала упавшую карту и обнаружила, что на ней появился рисунок в тех же золотисто-солнечных лучах, что и картинки с пшеницей. Теперь на нём женщина кормила грудью ребёнка, нежно прижимая его к себе, и во всём этом было что-то очень знакомое.

— Мне кажется, я помню этот момент! — после недолгого замешательства удивилась Рина.

— Какой момент?

— Как мама... кормила меня грудью! — смутилась девушка.

— Там изображено это?

— Ну да! — сказала Рина и поднесла карту к самому носу Дона, чтобы он рассмотрел.

— Хм, — сказал Дон.

— Это... удивительно, — произнесла Рина с восторгом в голосе. — Значит, здесь можно записывать свои картинки!

— Нет, это ещё не всё. Можно записывать свои картинки, ты права. Но каждый воспринимает их по-своему.

— Как?

— Ну, например, я не вижу тут тебя и маму, я вижу...
вскармливание.

Рина помолчала и спросила:

— И для кого-то это ценно?

— Это может быть... *информативно.* Когда-нибудь мы доберёмся до Ккхи, и я расскажу подробней. Потом.

— Откуда ты знаешь, что это случится?

— Помимо законов драматургии? Это несложно, смотри!

Дон выложил картами на земле простенький рисунок, чёточки на картах вздрогнули и равномерно поплыли в одну сторону.

— Ближайший Ккхи — вон там, — показал Дон в ту же сторону. — Направление указывает... хм... направление — удивительно, правда? Скорость движения — расстояние до другой ближайшей колоды. Совершенно случайно мы идём как раз туда. А теперь — спать. Там в мешке есть неплохой походный плащ, не желаешь в него завернуться?

— Желаю, — ответила Рина с улыбкой.

Быстро укутавшись, Рина легла неподалёку от костра. Где-то вдалеке стрекотали цикады. Дон медленно собирал карты по одной, каждый раз делая минутную паузу и всматриваясь в узоры. В одну из таких пауз Рина и заснула.

ТРОЛЛИ

- Что, опять? — вздохнула Рина.
- Да, развилка, — подтвердил Дон. — Второй раз проще.
- Что будем делать?
- Направо — мост, налево — мост. Налево дорога короче, но там тролли.
- Как? Настоящие? Правда?
- Надеюсь, — улыбнулся Дон.
- Идём направо, чтобы поскорее попасть в город! — деловым тоном сказала Рина.
- Дон пожал плечами.
- Что не так? — Девушка почувствовала, как ей показалось, лёгкое разочарование.
- Тебе неинтересны тролли?
- Очень интересны, но я думала, мы в город.
- Город никуда не денется, а тролли... Впрочем, они тоже не убегут. Тебе нужна причина, чтобы посмотреть троллей? Неужели не любопытно?
- А они нам помогут?
- Ну как же. Единорог — существо сказочное, тролли — тоже. Совпадение?
- К троллям? — просияла Рина.
- С другой стороны, мы ищем статуэтку единорога, а это уже вещь обыденная, и она ещё не сам единорог — вероломство образов, вот это всё. Не думаю, что тролли разбираются в скульптуре.
- Значит, не идём к троллям? — не поняла Рина.

— Мы можем прийти в город и ничего там не найти, а можем потратить лишний день на троллей и не найти ничего и там тоже.

— Я не понимаю.

— Мы не идём к троллям потому, что торопимся в город?

— Ну да.

— А мы и правда спешим?

Бесконечные поля пшеницы всё-таки оказались конечными — и прекратились. Местность вокруг с каждым шагом становилась всё более каменной и высохшей. Постепенно дорога вывела путешественников к глубокому пустынному ущелью, через которое был переброшен поржавевший раздвижной мост, две половинки которого застряли в полувыдвинутом положении.

Безжалостно палило солнце, нагревая металл конструкции, как сковородку. Здесь совсем не было тени, если не считать пары жухлых деревьев футах в шестидесяти от ущелья, которым тоже изрядно доставалось от солнца.

— И где же они? — спросила Рина.

Дон обошёл мост со всех сторон и обнаружил тоненькую, едва заметную тропинку, сбегаящую змейкой вниз, к небольшой площадке со входом в пещеру. Не став спускаться, Дон поднял с земли камень и несколько раз громко стукнул по мосту.

Послышался шорох, и из дыры выползли два сонных лохматых существа. Ростом на голову ниже Рины, они были похожи на бородатых старичков, только растительность покрывала всю поверхность их тела и была, скорее всего, шерстью, нежной пушистой шерстью белого цвета. Один из них оказался толстоват — по крайней мере, относительно другого, второй — более лохмат, опять-таки относительно первого. Лохматый расплылся в благой улыбке:

— Са'аш, у нас гости!

— Гости, Ми'иш! — эхом отозвался толстенький и тоже просиял.

Существа смотрели на путников, демонстрируя ровные зубы. Рина бросила взгляд на Дона — тот скалился в ответ и молчал.

— Вы тролли? — наконец поинтересовалась Рина.

— Мы хранители моста, — не теряя улыбки, ответил Са'аш.

— Нам бы на другую сторону перебраться. Что для этого надо?

— О, это просто! С вас два су.

— С каждого, — добавил Ми'иш и удостоился укоризненного взгляда напарника.

— Мула считать? — шутливо поинтересовался Дон.

— Можно не считать, — ответил Са'аш, щедро махнув рукой.

Рина посмотрела на Дона — тот продолжал улыбаться троллям и платить не собирался. Она подошла к Фёдору, достала четыре су и протянула Са'ашу.

Троль взял деньги и торжественной походкой проследовал к краю моста, где на вкопанной в землю трубе висела ржавая железная коробка с прорезью. Са'аш спустил в неё все четыре монеты, которые с затухающим грохотом одна за другой долго катились куда-то вниз, как будто к самому дну ущелья.

— Всё! — с помпой объявил Са'аш.

Ничего не происходило. Дон всё так же рассматривал троллей, а Рина начинала волноваться. Только она собралась раскрыть рот, как что-то щёлкнуло — и половина моста дрогнула, осыпая дно ущелья облаком ржавчины и пыли. Несколько мгновений спустя раздался ещё один щелчок — и в воздух поднялось второе облако пыли и принялось медленно оседать вниз. Потом — ещё одно. И ещё.

— Что происходит? — с тревогой спросила Рина.

— Мост сходится, — пояснил троль.

— Как-то не очень заметно!

— Я понимаю ваше нетерпение! — участливо заметил Ми'иш. — Но это долгий естественный процесс, и мы не в силах ускорить его. Очень старый мост.

— Что же делать?

— Придётся подождать несколько часов, — подтвердил Са'аш. — Вы сильно расстроены?

— Я? — удивилась Рина. — Вовсе нет!

— Вы, — кивнул Са'аш и посмотрел на Дона. — И вы.

— Мы скорее заинтересованы мостом, чем расстроенны, — сознался Дон. — Раньше не видел подобного механизма. А на что идут деньги?

— На содержание моста, — отмахнулся Са'аш, — чтобы не сильно проваливался.

— Вы не возражаете, если я его осмотрю?

— Коли вам это интересно, то пожалуйста, — пожал плечами Са'аш. — Наша работа здесь окончена.

Дон отвёл Фёдора под деревья — в тень, её как раз едва хватило на одного мула, легонько хлопнул его по боку — мол, дружище, не страдай — и полез в сумку. Тролли дружелюбно помахали на прощание руками с длинными когтистыми пальцами и стали спускаться по тропинке вниз. На полпути Са'аш обернулся и невзначай поинтересовался у Рины:

— Не хотите ли зайти в пещеру? Там прохладно.

Рина снова посмотрела на Дона, а тот опять выглядел совершенно безучастным к происходящему, ковыряясь в своей сумке. По его виску стекла капелька пота и проскользнула под воротник.

Девушка согласно кивнула Са'ашу и пошла вслед за троллями. Пещера была обставлена очень уютно — насколько это слово вообще применимо к дыре в скале. Там даже были диван, кресло и два стула, что поначалу удивило Рину. Дальний угол был оборудован под кухню со столиком и миленькой жёлтой скатертью. Вход закрывали несколько

слоёв тонких штор, создающих надёжную завесу от палящего солнца. Полумрак дополнял и завершал ощущение уюта.

— Не желаете ли чаю? — предложил Са'аш.

— Желаю, — кивнула Рина.

Са'аш занялся приготовлением напитка, Ми'иш указал на диван и сел в кресло напротив. Привычная благостная улыбка вернулась на его лицо. Рина не сдержалась и тоже засияла.

— Куда путь держите? — поинтересовался Ми'иш.

— В город.

— О, вам там обязательно понравится!

— Вы там были?

— Нет, что вы, у меня просто такое чувство. А вы были?

— Тоже нет.

Сначала Рина отвечала из вежливости — неприлично же сидеть в чужой пещере и молчать, — но довольно быстро завязалась милая беседа. Са'аш принёс готовый чай, разлил на всех и тоже сел рядом. Девушка рассказала о проблемах со сном и хотела сразу же перескочить к единорогу — в надежде, что, может быть, тролли что-то знают, но Ми'иш мягко сказал, что торопиться некуда и ему интересно всё с самого начала.

— Должно быть, это очень изматывает — вот так не спать, — сочувственно произнёс он.

— Да, очень, — подтвердила Рина, обрадованная тем, что кто-то наконец оценил её страдания.

— А что, отец не замечал?

— Сначала нет.

— Вас это расстраивало?

— В каком смысле? — не поняла Рина. — Это же отец. У него свои дела, он занят в кузнице.

— Вы бы хотели, чтобы папа знал, как вам тяжело? — проникновенно спросил Са'аш.

— Конечно, хотела бы.

— Как бы вы ему об этом сказали? — вкрадчиво продолжал тролль.

— Что значит «как»? — смутилась Рина. Она много говорила с отцом. Вернее, он много говорил, а она слушала.

— Ну, представьте, что он сейчас здесь. Вот, например... — Са'аш огляделся по сторонам. — Вообразите, что вот этот стул и есть ваш отец. Что вы ему скажете?

— Стулу? — сделала большие глаза Рина.

— Вашему отцу, — мягко поправил Са'аш.

— Я ему скажу, что...

— Нет-нет, говорите сразу ему! — приглашающе улыбнулся Са'аш и указал на стул.

Рина робко попробовала что-то сообщить стулу и, обнаружив, что тот никак не реагирует, но зато и не отмахивается, продолжила говорить дальше.

Стул не перебивал.

В голосе Рины начали проскальзывать обвиняющие нотки. Она готовит еду, убирает дом, выслушивает жалобы отца на его бесконечные проблемы в кузнице, а сама валится от усталости — и папа понял, что её состояние серьёзно, только тогда, когда она начала терять сознание!

Са'аш ликовал:

— Вот видите, вы всё-таки сердитесь!

— Пожалуй, и правда, я немного раздражена. Но разве так вообще можно?

— А почему нет? — удивился Са'аш.

— Отец так много для меня делает. Растит меня один, без матери, работает не покладая рук, печётся о моём благополучии. Ну подумаешь, не заметил, что я бледная, уставшая, он разве всматриваться должен?

— Так ты, выходит, неблагодарная скотина, раз сердишься? — с ужасом воскликнул Са'аш, всего несколько мгновений до этого сочувствовавший девушке.

Попадание было очень меткое.

— Я... я... — растерялась Рина.

Дыхание перехватило. «Откуда они знают *правду?*» — кольнула в самое темечко мысль, и голову словно сдавили огромные тиски. Именно так, неблагодарной и избалованной, она ощущала себя время от времени, но всеми силами старалась убедить себя и других в обратном, пытаясь быть почтительной, заботливой и угождающей.

— Нет! Нет! Не держи в себе, — поспешно крикнул Са'аш. — Пусть это всё выйдет, не держи в себе! Расскажи нам, какая ты неблагодарная тварь.

— Но я...

— Говори! — рявкнул Ми'иш, потом смягчился и добавил: — Мы же просто хотим тебе помочь.

Рина разрыдалась.

Са'аш тут же бросился обнимать и утешать. Рина уткнулась в мягкую белую шерсть на его груди и разрыдалась ещё громче. Проплакавшись, девушка подняла голову и обнаружила, что к её мокрой щеке прилип клочок шерсти Са'аша.

— Ой, простите, — пробормотала она, попыталась вернуть шерсть обратно, но, поняв, что это невозможно, сунула её себе в карман.

Са'аш едва заметно подрагивал, но Рина совсем не обратила на это внимания и, немного успокоившись, продолжила:

— Я же хотела спросить про единорога!

— А что же твоя мама? — не заметил вопроса Са'аш.

— Моя мама?.. Нет, подождите, я хотела про единорога.

— Одна с отцом живёшь? — нетерпеливо повторил Са'аш и дёрнулся сильнее обычного.

Рука девушки всё ещё лежала на плече Са'аша, и, когда тролль вздрогнул, Рина от неожиданности отпрянула. На ладони осталось несколько прилипших шерстинок, девушка поморщилась и незаметно вытерла руку о диван.

— Перестань! — зло сказал Ми'иш. — Она хочет спросить про единорога, это тоже может быть интересно.

— Но ведь...

— Да тихо ты! Простите его, — обратился Ми'иш к Рине. — Он ещё очень молод и близко к сердцу принимает чужие страдания. Переволновался, с кем не бывает.

— С кем не бывает, — повторила Рина.

— Он сопереживает!

— Сопереживает, — опять повторила девушка.

— Вот и хорошо. Так что единорог?

Рина пересказала сон про фигурку и обстановку избушки, упомянув вкратце о своём знакомстве с Доном.

— Это чрезвычайно интересно, — напыщенно сказал Ми'иш.

— А этот Дон... — попытался встрять Са'аш.

— Я тоже хочу поговорить! — осадил его Ми'иш. — К тому же девушка ищет ответы!

— А они у вас есть? — обрадовалась Рина.

— Конечно, — важно сказал Ми'иш. — Через нас знаешь сколько путешественников прошло!

— Так вам известно, где найти единорога?

— А как он вообще тебе поможет?

— Я... не знаю. Но Дон сказал, что мы должны пойти искать единорога.

— И он не сообщил, что всё это символизирует?

— Символизирует?

— Бедное глупое дитя! Не может же это быть просто фигурка. Единорог — это, по сути, животное дикое, необузданное. Рог — это пронзающее оружие, протыкающее, проникающее, символ мощи и задора, то есть фаллус.

— Что?

— Фаллус. Взяв фигурку, ты поранилась и выронила её — иными словами, тебе и хочется и колется. В твоей жизни вообще мужчины, кроме отца, были?

— Я...

— О, не трудись отвечать, — раздувался Ми'иш, потирая руки, — до инцестуальных мотивов мы ещё дойдём! Этот Дон со своим бластером посреди сказки. Оружие помощнее

рога, фаллус, трусливо отсиживающийся в кобуре. Тебе не кажется, что он от тебя что-то прячет? Что ты там хотел узнать про Дона, Са'аш?

— Тебе известно, что ему от тебя надо? — подключился второй тролль. — Ой, не уберезёт отец своё сокровище!

На мгновение Рина очнулась и обнаружила, что давно уже сползла с дивана и сидит на полу, обнимая колени руками.

— Дон! — прошептала она.

— Я разобрался, в чём дело, — сказал Дон, вовремя возникший в дверях, как бог из машины.

Он вошёл в пещеру, отодвигая шторы локтями, чтобы не запачкать, в руках у него были комки чего-то чёрного.

— У вас всё хорошо?

— Мы просто разговариваем, — чинно сказал Ми'иш.

— Не очень-то похоже, — бросив быстрый взгляд на Рину, оценил обстановку Дон. — Давайте-ка прольём здесь немного света.

Он отбросил чёрные сгустки и грязными руками сорвал шторы. В пещеру хлынули лучи солнца, и Рина наконец заметила, что, пока они сидели и общались, шерсть клочками слезала с троллей, обнажая зелёную кожу и противные зубастые морды, покрытые бородавками, и теперь недвижимо висела в пространстве пещеры гигантскими нитями. Послышался визг, тролли заметались, натываясь друг на друга и поднимая в воздух ещё больше шерсти, которая пришла в неторопливый круговорот. Запахло жареным мясом: обнажённые участки кожи, на которые попадало солнце, начинали дымиться. Наконец троллям удалось найти на кухне тёмный угол и забиться туда.

— Что здесь было? — спросила Рина, поднимаясь с пола.

— Я не знаю, ты расскажи, — сказал Дон.

— Мы просто разговаривали, а потом они стали задавать разные вопросы, им было интересно про мою жизнь, и они хотели помочь.

— Помогли?

— Мне стало страшно. Я ничего не понимаю, я запуталась!

Лицо Рины скривилось, нижняя губа начала подёргиваться.

— Так, стоп, — твёрдо сказал Дон. — Это тролли. Они питаются слезами маленьких девочек. Не корми троллей.

Он подобрал с пола комки и показал Рине:

— Шерсть. Чёрная от смазки. А вообще, — он взял одну волосинку и протянул через сложенные вместе указательный и большой пальцы, очищая, — она белая. Ей были забиты шестерёнки моста, поэтому он так медленно выдвигался. Я вытащил самые большие куски, этого было достаточно, мост сведён, и мы можем идти. Если вы не возражаете, я помою руки, — обратился Дон к троллям, проходя на кухню. — Бестактность за бестактность, уж простите.

Тролли молчали. Дон использовал остатки воды и вытер руки о скатерть, полностью её испортив.

— Сделай им «пиф-паф», — зло сказала Рина.

— Нам ничто не угрожает. В этом есть и моя вина: оставить тебя одну с троллями было довольно неосмотрительно, хотя я и не сразу понял, какие именно это тролли. С другой стороны, я тебе не нянька. Впрочем, достаточно сожалений. Вы договорили? — спросил Дон, обращаясь ко всем участникам беседы.

Тролли молчали. Рина обиженно спросила:

— Так ты ничего с ними не сделаешь?

— Зачем?

— Ну... наказать.

— За то, что ваше общение не сложилось?

— Ты же сказал, что они питаются слезами маленьких девочек.

— Я переоценил твой размер, — сознался Дон.

— Так они же плохие!

— Прежде всего, тролли не люди, хотя и похожи. Было бы опрометчиво судить их людскими мерками. Впрочем, зачем останавливаться здесь? Как будто людей можно судить по этим меркам! Вот, например, Влад — человек. Плохой ли он?

— Плохой, — уверенно сказала Рина.

— Ну привет, я всё-таки участвую в разговоре о добре и зле, — развёл чистыми уже руками Дон, — да ещё практически над трупами поверженных врагов. Если у тебя есть претензии к троллям, то давай не прятаться за «плохое» и «хорошее». Ребята, помогите девушке определиться с чувствами в отношении вас, — обратился он к троллям, загораживая своим телом солнце и увеличивая тень на кухне.

Са'аш неуверенно посмотрел на Дона и сказал, обращаясь к Рине:

— Ты чувствуешь обиду?

— Да ещё какую! — вспыхнула девушка.

— Тебе кажется, что мы тебя обманули? — проникновенно сказал тролль.

— Ещё бы! Я думала, вы хотите мне помочь.

— А Дон тоже хочет тебе помочь? — вставил Ми'иш.

Рина снова почувствовала, что пол пещеры уходит из-под ног.

— Ой, молодцы, — засмеялся Дон, аккуратно подхватывая девушку под локоть и одновременно делая шаг в сторону, снова открывая солнечным лучам доступ к троллям. Значит, ты обижена и тебе хочется отомстить троллям, а не наказать их. Я на них не зол, поэтому порча скатерти меня вполне устроила! Скорее, раздосадован, что переоценил твою самостоятельность, но это не повод для самоистязаний. Реши, что вернёт тебе чувство справедливости, сделай это — и пойдём.

— Я?

— А кто тут пострадавший? И мне кажется, ты вполне дее-способна. Кстати, так и не спросил: ты-то хороший человек?

Са'аш тихо, но довольно хрюкнул в углу. Подумав какое-то время, Рина подошла к троллям и сказала:

— Отдайте четыре су.

* * *

Путники перешли мост, и местность вокруг постепенно становилась всё более и более зелёной. Складывалось ощущение, будто кто-то выжег или выел всё живое вокруг моста, и теперь природа возвращалась обратно. Фёдор увидел траву и начал плавно сворачивать с дороги. Дон, заметив это, замедлился и дал животному поесть.

Рина сидела верхом и о чём-то усиленно размышляла.

— Тебя не волнует, что произошло? — поджав губу, поинтересовалась она.

— Пожалуй, нет, — задумался Дон. — Спасибо, что спросила.

— Ты не хочешь об этом поговорить?

— Ах вот оно что! Так и говори: «Я хочу поговорить».

— Ну а ты-то как?

— Я всегда готов поддержать разговор.

— Что не так с троллями? Почему ты мне помогаешь? Почему мы ищем именно единорога? Добро и зло ещё это. Ну и наконец, что такое фаллус? — выпалила Рина одним махом, получив разрешение.

— Так много вопросов! Можно подумать, что тролли — просто садисты и им нравится, когда другой человек испытывает боль. У троллей нет собственной эмоциональной жизни, и они «торчат» на чувствах, присасываясь к другим, но не могут ничего дать взамен, потому что нечего — кроме перехода через мост, метафорически говоря, хотя он им тоже не принадлежит. Чтобы получить эмоции от людей, их надо сначала расшевелить, что тролли умеют делать прекрасно. Видишь, тебя растормошили — и сколько сразу вопросов появилось! Троллям интересен сам процесс дёрганья за ниточки души, им кажется — возможно, совершенно

справедливо, — что это и есть сама жизнь, которой им так не хватает.

— Так они не питаются слезами девочек?

— Думаю, радость их тоже устроит, но слёзы вызвать проще.

— Они выглядели такими милыми, а оказалось, что обманывают. Что, теперь никому нельзя верить?

— Я бы сказал, что доверять можно тому, с кем ты предварительно договорился, до тех пор, пока он тебя не подвёл. По крайней мере, при нарушении контракта обман будет очевиден.

— А как же доброта? Ты не веришь в доброту?

— Верю, но ещё больше — в честность. Если человек (или тролль) и добр, и честен, то с ним можно прекрасно пообщаться и выяснить, на каких это, собственно, основаниях его благорасположение вдруг снизошло именно на тебя.

— Но есть же просто доброта, наверное.

— Есть, есть. Бывает мотив что-то давать и не просить взамен. Если он приемлемый, это называется доброта.

— А ты добрый?

— Думаю, что нет, — пожал плечами Дон.

«Как же так?!» — пронеслось в голове у Рины. Девушка собралась уже было запаниковать, но вспомнила о важном уточнении.

— А честный? — спросила она.

— Думаю, что да.

— Ну хорошо, раз так, то что тогда тебе от меня нужно?

— Твоё активное участие в поисках.

— Я имею в виду, зачем ты мне помогаешь? Если ты мне действительно помогаешь, конечно!

— У меня контракт с отцом.

— Какой?

— Не могу этого сказать.

— А как же твоя честность?

— Это наше с ним дело, — пожал плечами Дон.

- Деньги?
- Нет.
- У отца больше ничего нет. Кузница?
- Зачем она мне?
- Ну... продать.
- Тогда это тоже деньги.
- Больше у него ничего нет.
- Ну а, например, душа?

— Пф-ф, — изобразила недоверие Рина, но на всякий случай ещё раз окинула взглядом Дона. На дьявола её спутник всё-таки не тянул. — Ты можешь взять плату с отца за проход через мост, метафорически говоря, а на самом деле хотеть ещё что-то от меня, — предположила девушка, повернув оборот «метафорически говоря», как ей показалось, к месту.

Дон хмыкнул, заметив расширение словарного запаса попутчицы, и спросил:

— А что у тебя есть?

— Ну, я девушка, — смутилась Рина. — А ты — мужчина.

— Так.

— Ну вот.

— Я не очень понимаю.

— Ой, да всё ты понимаешь! Всякие... непотребства.

— Непотребства, — мечтательно повторил Дон и замолчал.

— Я тебе нравлюсь? — поинтересовалась она после долгой паузы.

— Да.

— Я тебя привлекаю? Как женщина, — решила уточнить Рина.

— Да, ты довольно мила. Как женщина.

— Но ты честный мужчина и не воспользуешься?

— Господи, из какой деревни... — начал Дон, но осёкся. — Какие вообще могут быть основания верить человеку,

который утверждает, что он честный, если суть сомнений именно в этом?

— Я не понимаю.

— Ты мне не веришь. Я говорю, что я честный. Почему ты должна в это поверить?

* * *

— Почему единорог?

— Заткнись и иди.

Ей шесть. Мама умерла четыре года назад, но «шесть» и «четыре» — ничего не значащие узелки в клубке шерсти. Она стоит на площади и смотрит сверху вниз на отца. Почему-то не осталась дома.

— Почему ты не осталась дома?

Рина, насупившись, молчит.

— Раз снова увязалась — значит, заткнись и не мешай. Я покупаю нам продукты на неделю. Впрочем, нет. Возьми... Хотя стой, деньги я тебе не дам. Помнишь, где я в прошлый раз сидр брал? Попроси бутылку, скажи, чтобы записали на мой счёт. Не разбей.

Вздыхнув, Рина плетётся на другой конец площади, к прилавку с бутылками, от которого постоянно пахнет гнилыми яблоками.

— А почему единорог?

Рина бредёт вдоль рыночных рядов, едва переставляя ноги. Дон, шаг которого больше шага девочки раза в три, и вовсе как будто стоит на месте. Он вздыхает и отвечает:

— Когда-нибудь придётся тебе объяснить разницу между буквальным и символическим. Почему бы не сейчас? Что такое единорог?

— Животное.

— Какое?

— С одним рогом.

— Слишком буквально.

Рина проходит прилавок с колбасами, останавливается

и начинает рассматривать их странную форму — и тут же представляет, что это нечто живое, сдавленное обручами, но рвущееся наружу. Если бы не эти верёвки...

— Единорог, — напоминает Дон.

— Ах да. У него один рог, — выдавливая из себя Рина, продолжая глазеть на колбасу.

— Это самоочевидно. Какой он?

— Сказочный.

— Уже лучше. Сказочный — это какой?

Следующая остановка — прилавок стекольщика. Бутылки похожи на толпу. Вот эта — потолще и с пузиком, эта — верзила, а вон та — бабка формой и размерами как тумба. Все такие разные.

— Но все одинаково полые внутри, — раздаётся над ухом голос Дона.

Рина вздрагивает, вспоминает про единорога и оборачивается — рядом никого нет. Показалось. Сложно понять, откуда идёт запах яблок — от прилавка, бутылок или от продавца.

— Папа просит бутылку сидра. Запишите на счёт.

— Рина, — узнаёт её торговец, — что-то твой отец сдаёт. Как бы спиваться не начал. Но какая славная девушка у него растёт, помощница. Присматривай там за ним. А сидр — на, возьми, конечно.

Рина берёт бутылку и тащится обратно так же медленно, но уже не потому, что глазет по сторонам, а потому, что не спускает взгляда с бутылки — как бы не разбить.

Она проходит мимо прилавка с тканями, не глядя на узоры и не трогая текстуру; мимо прилавка со специями, стараясь не вдыхать воздух, не отвлекаясь от запаха тухлых яблок, постепенно заполняющего площадь, не гадая, какая специя пахнет какой дальней страной и какие люди могут там жить. И не только люди.

Единорог.

Рина останавливается и обводит глазами площадь, ища Дона. Пока она крутится, глядя по сторонам, кто-то налета-

ет на неё: «Смотри, куда прёшь!» — бутылка падает из рук и, оправдывая предсказание отца, разбивается.

Не став дожидаться, пока её выпорют, Рина просыпается и оглядывается вокруг.

Фёдор спит стоя, привязанный к дереву, — Дон снова нашёл небольшой лесок, чтобы остановиться на ночёвку. Костёр погас, но непонятно, зачем было вообще его разводить, кроме как для того, чтобы сжечь опавшие ветки; ночь была тёплой, а сухой паёк на ужин не требовал подогрева. Сам Дон лежал рядом с кострищем, обнимая сумку, и спал. Рина змейкой подползла к нему поближе, ткнула рукой в бок.

— М-м-м? — Открыв один глаз, Дон посмотрел на Рину.

— Единорог редкий, не из этого мира, необычный — у него один рог, а не два, как у всех. И дело не в роге. То есть дело, конечно, в нём, но не как в предмете. Рог острый, длинный, находится впереди... Ой, кажется, я поняла про фаллус!

— М-м-м, — одобрительно промычал Дон и снова закрыл глаз.

— И мы ищем не его, это было бы слишком... слишком...

— Буквально.

— А оно такое... «Метафорически говоря», да?

— Ага.

Рина облегчённо выдохнула и мгновенно уснула, улыбаясь.

В ТАВЕРНЕ

По левой стороне дороги обозначился съезд и показался довольно крупных размеров посёлок. Дон предложил свернуть, найти таверну, пообедать (или, скорее, поужинать), переночевать и даже принять ванну «в этом скромном оазисе цивилизации». Рина согласилась.

В поисках постоянного двора путешественники упёрлись в толпу.

— Только сегодня и завтра! Уникальное представление! Дикий человек-ящер и его чудесное укрощение! Настоящий, не голограмма, не папье-маше. Три су с каждого зрителя, набираем сотню — начинаем шоу! Желающие найти подвох смогут бесплатно посетить клетку зверя! Сохранность не гарантируется!

Посреди базарной площади стояла длинная низкая телега, возле неё — разборные передвижные подмости, на каких обычно дают представления бродячие артисты. Рядом нарезали круги двое: смуглый мужчина прекрасно поставленным голосом зазывал толпу, размахивая тростью, а темнокожая женщина подносила к каждому новому зевাকে перевёрнутую шляпу, пытаясь собрать деньги на представление. Оба были одеты в белые просторные рубахи, сохранившие свою чистоту в условиях странствий не иначе как чудом, заправленные в облегающие брюки, которые подчёркивали длинные стройные ноги как мужчины, так и женщины.

На сцене стояла огромная клетка, похожая на ту, в которой возят заключённых, накрытая плотной тканью, прячу-

щей от любопытных глаз всё, кроме полоски в одну кабду внизу — там накидка заканчивалась, словно штаны не по размеру, намекая на нечто массивное и живое, лежащее на полу.

— Что тут происходит? — шепнула Рина.

Дон пожал плечами, наклонился к соседу в толпе и шепнул ему на ухо:

— Что тут происходит?

— Эльфы деньги собирают, обещают показать человека-ящера, — прошептал сосед в ответ.

— И как?

— Кто же им поверит!

— А что не так?

— Это же эльфы! — удивлённо ответил человек и посмотрел на Дона как на слабоумного, потом в глазах его промелькнуло понимание: «А, не местный!» — и он добавил: — Многие скидываются не на ящера, а на обман и мордобой.

Дон кивнул, достал шесть су и помахал ими над головой, призывая девушку со шляпой.

— Так что происходит-то? — опять прошептала Рина.

— Краудсорсинг с последующим линчеванием.

— Что?

— Эльфы обещают показать человека-ящера, толпа собирается развлечься, даже если он ей не понравится.

— Эльфы?

— Ага! А почему ты шепчешь?

— Я не знаю!

Вклад Дона, казалось, стал решающим — и представление началось. Артисты взялись за ткань с двух сторон и потянули вперёд. Накидка упала на подмости, пара симметрично изобразила одинаковые жесты: мол, всё внимание — на клетку! Хотя и без этого было предельно очевидно, куда смотреть.

Кто-то лежал на полу, свернувшись калачиком, и дремал, но опознать в нём ящера, а уж тем более человека-яще-

ра было очень сложно. Толпа мгновенно напряглась. Эльф нетерпеливо настучал тростью по прутьям огрызок какого-то ритма, ящер выдохнул, пружинисто раскрутился из калачика и поднялся в полный — человеческий — рост.

У толпы не было единодушного мнения, что делать в таких случаях. Кто-то ахнул, кто-то ойкнул, кто-то затаил дыхание.

В клетке определённо была рептилия, больше похожая на огромного кенгуру, чем на человека, с довольно зубастой мордой, на манер укороченной крокодилей, развитыми передними лапами (или руками?) с пятью пальцами, заканчивающимися длинными, но обстриженными когтями (или ногтями?), массивными задними конечностями и огромным хвостом, выполняющим роль третьей опоры. Низ живота украшала набедренная повязка, прикрывавшая туловище только спереди и похожая поэтому на сползший фартук. Впрочем, сзади прикрывать было и нечего, кроме хвоста.

Ящер покрутил головой по сторонам, осматривая толпу, распахнул пасть и разродился громким рыком.

— Самые смелые могут подойти и посмотреть поближе! — предложил эльф. — Только берегите пальцы!

Услышав слово «поближе», ящер бросился на прутья клетки и зарычал ещё громче. Желающих не оказалось.

— Найденный охотниками в джунглях у берегов Укаяли в пятилетнем возрасте и с любовью воспитанный людьми, этот гигантский ящер понимает простые команды, но так и остаётся диким зверем! — огласил эльф и, сделав паузу, чтобы толпа успела усвоить сказанное, скомандовал: — Сидеть!

Ящер продолжал рычать, стоя на задних лапах и по-человечески держась за прутья передними, раскачивая клетку туда-сюда так сильно, что её дно выстукивало дробь о подмости.

— Сидеть! — повторил эльф и помахал перед носом ящера тростью.

Чудовище свернуло громкий рык в короткий скулящий звук, отпустило прутья и село на собственный хвост, широко расставив задние лапы по обе стороны от набедренной повязки. И если бы не она, то поза выглядела бы совсем неприличной.

— Кто ж так сидит? — делано ужаснулся эльф.

— У-у-у-у? — наклонив морду в сторону в ответ и глядя одним глазом, заинтересовался ящер.

— Мужики в бане! — радостно догадался ведущий.

В толпе раздалась жидкие смешки.

— А покажи, как девки на выданье сидят!

Ящер собрал ноги вместе и подпёр одной рукой морду в районе щеки (если бы она была), после чего по просьбе ведущего изобразил, как «жена на крыльце сидит, мужа ждёт» (лапы, упёртые в бока). Толпа такой поворот сюжета восприняла благосклонно.

Постепенно программа перешла к пантомимам в полный рост и динамическим номерам: катанию по полу, танцам и прочей беготне. Всё это сопровождалось комментариями эльфа, придававшими происходящему понятный человеческий контекст.

Дон краем глаза посмотрел на Рину: всё её лицо выражало детский восторг. Девушка была настолько вовлечена в происходящее на сцене, что не заметила любопытства Дона, чем он тут же воспользовался и начал любоваться уже игрой эмоций, а не ящером.

Когда выступление было закончено, Рина вспомнила о существовании своего спутника, повернула к нему голову и спросила:

— Здорово, правда?

Дон отвёл взгляд от Риной и тихо улыбнулся. Эльфийка снова обходила толпу со шляпой в надежде собрать уже добровольные пожертвования, эльф сворачивал подмостки.

— Правда здорово. Я рад, что тебе понравилось. Мы сначала пообедаем и потом выясним причины вождения за нос?

— Что?

— Да, ты совершенно права! Сейчас, подожди.

Дон пересёк рedeющую толпу и направился к эльфу, вокруг которого уже собралась группа человек из пяти.

— Нет, поближе рассмотреть нельзя, зверь устал, оферта действует только на время выступления, — объяснял эльф. — Приходите завтра и вставайте в первые ряды. Приводите знакомых.

Дон дождался, пока каждый в очереди попытается удовлетворить своё любопытство, получит «нет» и, постояв ещё минуту, пойдёт прочь. К этому времени Рине надоело ждать в стороне, и она тоже подошла к эльфу.

Когда любопытные разошлись, Дон кашлянул и сказал:

— Здравствуйте!

Эльф молча собирал подмости, всем своим видом давая понять, что выступление закончено.

— Знатная зверюга, — продолжил Дон.

— Вы всё слышали. Приходите завтра, будет ещё одно представление.

— Слово «Ккхи» вам не знакомо?

Эльф оторвался от своего занятия, внимательно посмотрел на Дона, потом огляделся по сторонам и тихо ответил:

— Приходите вечером.

— Замечательно, а теперь мы можем поесть, — обратился Дон к девушке. — Пойдём.

Таверна оказалась довольно непритязательным заведением, выдержанным в тёплых тонах засаленного дерева. Дон выбрал столик в углу, сел спиной к стене и стал рассматривать нескольких одиноких посетителей — вероятно, алкоголиков, потому что трудно было себе представить желание сидеть здесь ради эстетического удовольствия или тёплой компании.

— Давай я сразу проясню: Ккхи — это ящер. Можно было бы подумать... Впрочем, нет, ты могла бы подумать, что Ккхи — это эльфы, но Ккхи — это ящер, — сообщил Дон.

— Но он ведь совсем дикий.
— Так я и говорю: вождение за нос!
— Что это такое опять? — с едва заметным раздражением сказала Рина.

Девушка уже привыкла к тому, что заметную часть произнесённых Доном слов она просто не понимает, потому что слышит их впервые, но сейчас-то что? «Вождение» и «нос» она знала, но смысла в их сочетании не находила вообще никакого.

— Цыгане водили медведей на потеху публике, продев им в нос кольцо и заставляя их делать всякие фокусы. Медведь — большой и сильный, но цыгане — народ хитрый. Понимаешь?

— То есть ящер не дикий?
— Да, нам подсунули гораздо лучший мех.
— Какой мех? Это опять «метафорически говоря»?
— На этот раз нет... Так, стой. Давай по порядку. Медведи у вас есть?

Рина кивнула.

— Цыган у вас нет?

Рина отрицательно покачала головой.

— Но есть эльфы. Значит, за нос никого не водят, а когда кого-то дурят, то так и говорят?

— Да, а ещё мы используем выражение «дёргать за ногу». Получается, водить за нос и дёргать за ногу — это одно и то же? — догадалась Рина. — А мех?

— Тоже присказка из другой местности. Жил да был большой плут, и не было у него ничего, кроме собственной хитрости. Отправились они как-то с героем за фамильными сокровищами, которые были спрятаны от доброго людоеда, да так хорошо, что потерялись. Кота в сапогах у вас тоже нет?

— Нет.

— И ничего история не напоминает?

— У нас есть сказки про хитрого койота.

— При очередной сделке койот убеждает простофилю в том, что купился на его поддельный мех, — и проворачивает торги в свою пользу. Территория меняется, а сказки — никогда.

— Чего хотим? — прервала их разговор хозяйка таверны, упитанная женщина, такая же засаленная, как и само заведение. «Интересно, кто кого засалил: таверна хозяйку или хозяйка таверну?» — промелькнуло у Рины.

— А чего есть? — ответил в тон Дон.

— Свиная рулька есть.

— А что-нибудь поострее? — залихватски поинтересовался Дон, растягивая «о».

— Свиная рулька с перцем.

— Ну, красавица, это как-то скучно!

— Красавица! Скажете тоже! — хрюкнула хозяйка и на мгновение расцвела, но быстро вернулась в привычное суровое состояние: — Скучно ему, а! Здесь у меня таверна, а...

— ...не эльфийский притон, — продолжил фразу Дон.

— Да, здесь у меня не... Ой! — снова хрюкнула хозяйка. — Хи-хи!

Спустя минуту шуток, прибауток и глупых похрюкиваний Дон выяснил, что если в этой деревне и можно что-то назвать притоном для чёрненьких, то наверняка конюшню. «Кто же их в нормальное место пустит». А конюху лишняя монета не помешает.

— Ну хорошо, а цыплятина есть?

— Дорогая, — недоверчиво ответила хозяйка, мол, а что не так со свиной-то?

— Давайте её. Девушке тоже. Я угощаю.

Хозяйка пожала плечами. Какой-то чудак решил «угостить» даму цыплятиной, считавшейся диетическим блюдом, которое лекари прописывали мающим животом.

— Ну, я бы не отказалась и от свинины, — сказала Рина, когда хозяйка уже отошла.

— Да, прости. Я её не ем из этических принципов. Не то чтобы я хотел их на тебя возложить, просто забываю.

— Ты постишься, что ли? — удивилась девушка.

— Хм... Да, пожалуй, что-то вроде того. Духовная практика. Критерии воздержания у всех разные, но я стараюсь не есть существ, способных демонстрировать игровое поведение. Но если будет выбор, я или они, тогда уже совсем не до игр. К счастью, пока вопрос так сурово не стоит.

— А это паясничанье с хозяйкой сейчас было зачем? — спросила Рина с брезгливостью и заметной ноткой ревности.

— Бытовой расизм. Нельзя просто так взять и с порога спросить: где тут эльфы остановились? Это было бы не очень дальновидно. Я решил обыграть ксенофобию. А всё почему?

— Почему?

— Потому что свиньи способны на игровое поведение.

Рина смущённо почесала нос — ей показалось, что если она этого немедленно не сделает, то Дон глупо улыбнётся, ткнёт ей пальцем в нос и скажет: «Пуп!»

Принесли цыплятину. Разговор вернулся к Ккхи.

— Значит, ты просто хотел сообщить мне, что эльфы морочат голову?

— Дёргают за ногу. Эльфы всё-таки обдурили народ, но не так, как люди предполагали. Здорово, правда?

— Но ведь это обман!

— Это не обман, а сказка про то, как дикого маленького ящера нашли охотники, приютили и очеловечили. Если бы он действительно был обычным человеком-ящером, то просто принимал бы определённую заученную позу, когда эльф произносил «девки» и «сидят», при этом ничего не понимая. Но все согласны на этот обман и ради веселья готовы поверить, будто ящер и вправду знает, как девки сидят. Шесть су хорошо потрачены.

— А на самом деле?

— Я думаю, он скрывается. Путешествует инкогнито, не привлекая внимания. Принц в изгнании, переодетый в нищего.

— Такие сказки у нас тоже есть, — кивнула Рина.

Мысль о том, что её обманывают, но ничего плохого в этом нет, казалась ей странной.

ЭЛЬФЫ

Эльф расслабленно полусидел на куче сена с трубкой в правой руке, рядом калачиком лежала эльфийка, отвернувшись к стене.

— Тридцать лет курю трубку, — пояснил он в ответ на приподнятую бровь Дона.

— Из них?.. — заинтересованно бросил Дон.

— Из них десять — на сене, — улыбнулся эльф, дескать, волноваться не о чем, и жестом предложил сесть в кучу напротив. — Курить в кровати — не самое опасное занятие. Даже за сегодняшний день.

— Люди?

— Люди опасней, — кивнул эльф, во второй раз удовлетворённый репликой Дона. — Таким, как мы, место в хлеву, и пока мы в нём остаёмся, все счастливы! — Привычным театральным жестом эльф обвёл пространство вокруг себя и воздел руки к потолку.

Хлев был чистым и совершенно пустым, не считая их четверых, накрытой клетки Ккхи и Фёдора, которого путешественники привели с собой.

— Осёл может остаться, — подтвердил эльф. — Это всё равно хлев, даже если и подпольная гостиница для «тех, кому место только в хлеву».

— А что же лошади? — спросила Рина, вспомнив пару жеребцов, привязанных на улице к эльфийской телеге-подмосткам.

— О, это такие породистые создания, что просто побрез-

гуют с нами под одной крышей спать, — усмехнулся эльф, — и уж тем более стоять рядом с вашим ослом.

Эльф неторопливо затянулся и пристально посмотрел на Дона, что-то мысленно примеряя.

— Вы пришли за Ккхи? Ящер спит. Но мы же куда не торопимся?

— До утра мы абсолютно свободны, — подтвердил Дон.

Ответ почему-то заметно порадовал эльфа, продолжавшего пристально рассматривать собеседника.

— Тоже кто-то из странствующих? — наконец ткнул он в сторону Дона концом трубки. — Подожди, сейчас угадаю. Фокусник?

— Сказочник. Дон.

— Джефендор, но вы можете называть меня Джеф, — представился в ответ эльф. — А её — Керис. Тебя можно так величать, о дочь эмпу?

— Всякий йамур можно есть, — с презрительным фырканьем заметила эльфийка, не поворачиваясь.

— Но не всякий — два раза, — продолжил Дон.

Снова послышалось фырканье, явно довольное. Керис вытянула руку, не глядя схватила Джефа за бок, легонько ущипнула, привлекая внимание, и показала какой-то непонятный жест.

— Это Рина, — представил попутчицу Дон и спросил с улыбкой: — Ну что, я прошёл тест?

— Тёмный тип, да, — рассмеялся в ответ Джеф. — Из наших. Трубку?

— Не откажусь.

Пока Дон затягивался и кашлял, Керис развернулась в его сторону и с интересом принялась разглядывать, а когда сказочник возвращал трубку Джефу, потянулась навстречу и перехватила кисть. Одной рукой эльфийка выудила из неё трубку и тоже затянулась, а другой продолжала держать ладонь Дона, неторопливо разглаживая её большим пальцем. Выдохнув, эльфийка с минуту рассмат-

ривала линии на руке Дона, после чего они курили уже втроём.

Рина чувствовала себя крайне неловко. Происходило нечто очень обыденное, из чего она была почему-то исключена. И эльфов, и трубку она видела первый раз в жизни, самым знакомым из всей обстановки был сарай, но всё это вместе воспринималось как нечто само собой разумеющееся.

Счёт времени окончательно потерялся. Раньше — вне хлева (или без Дона) — время можно было отсчитывать, например, по репликам людей и по длительности молчания между ними, которое по достижении определённой границы становилось «неловким» и заполнялось болтовнёй. Обычный разговор длился не больше часа, чего хватало на обсуждение всех свежих деревенских сплетен.

Тут же стояла тишина, но одновременно происходило что-то беззвучное, помимо курения трубки, — и никого это не смущало.

— Почему тридцать лет? — прервала тишину Рина. И все тут же удивлённо повернулись в её сторону.

— Почему что? — переспросил Джеф.

— Вы курите трубку тридцать лет.

— Да! — подтвердил эльф.

— Но вам... лет тридцать пять? — неуверенно заявила Рина.

— Плохо сохранился, — печально сказал эльф.

— Я имею в виду, что вы делали до этого?

— До этого — капал в глаза слизь ватной жабы, лет десять. До этого — втирал в дёсны сушёных сверчков, лет семнадцать. А ещё до этого — даже стыдно сказать.

— Так сколько вам лет?

— Больше пятидесяти восьми — это точно! — улыбнулся эльф.

— Это в собачьих годах, — подсказал Дон, из-за чего Керис не сдержалась и впервые за вечер закашлялась.

Происходил какой-то невидимый глазу и неслышимый уху разговор; иногда Рине казалось, что она понимает отдельные слова и улавливает жесты, но как только она пыталась ухватить происходящее, всё пропадало. Девушка вспомнила, как однажды ей снилось, что она читает книгу: страницы были полны мудрости, но каждая строчка оборачивалась вереницей букашек на бумаге, и смысл их можно было передать словами «что-то очень важное», но дальше этого дело не шло.

Остальные явно наслаждались происходящим; по крайней мере, они улыбались, никуда не спешили и были как бы все заодно. Девушке даже показалось, что они перемигиваются, и она начала пристально вглядываться в лица, но ничего такого не обнаружила.

— Обменяемся жёнами? — предложил Джеф, обращаясь к Дону. — Эй, ну кто-то же должен был это сказать! Керис просто менее болтлива. Сорок лет женат, из них сорок — на ней. В людских годах.

— Жаб надо иногда менять на сверчков, — подтвердил Дон и получил в награду восхищённый взгляд Керис, полный радостной злости. — Но Рина мне не жена.

— Оу. Надо же так обознаться! — охотно выразил сожаление Джеф.

— Что значит — обменяться жёнами?! — вспыхнула Рина.

— Господи, ты весь вечер так глазеешь на мою трубку, что это невозможно было не заметить. А эти жаба с гадюкой, — эльф махнул в сторону Дона и Керис, — точно общий язык найдут. Хотел бы я на это посмотреть — с обоюдного согласия сторон, разумеется!

— Дон, это же свинство! — возмущённо крикнула Рина.

Джеф радостно улыбнулся, оценив шутку на животную тему, но быстро переменялся в лице и сказал:

— Подождите, она это серьёзно?

— Сейчас выясню. Всем оставаться на своих местах! — сказал Дон с преувеличенной важностью в голосе, словно

произошло убийство или какое-то другое незаурядное происшествие, а он берётся всё расследовать.

Все замерли и продолжили сидеть там, где сидели.

— Значит, так. Поправьте меня, если ошибусь — всё-таки я не курил трубку тридцать лет, привычки нет, поэтому реальность может немного ускользать от меня. Джеф предложил обменяться жёнами — при условии, что все согласны?

— Ага.

— Вопросов больше нет! Хотя нет, подождите. Рина, ты как?

— Да как вообще?! Что ты обо мне думаешь! — прошипела девушка, побледнев.

— Поэтому и спрашиваю! Я не думаю, что ты согласна. С другой стороны, что ты не согласна, я тоже на всякий случай не думаю. Короче, да или нет?

— Нет же!

— Вопросов больше не имею.

Рина требовательно уставилась на Дона.

— Ах да. Вердикт! Когда тебя спрашивают, можно просто сказать «нет». Это всё трубка или я правда сейчас звучу словно кладезь мудрости?

Рина покраснела и какое-то время тихо глотала воздух, как выброшенная на берег рыба, а потом развернулась и побежала на улицу. Керис вздохнула, поднялась и вышла вслед за ней.

— Так вы не партнёры? — спросил после небольшого молчания Джеф.

— И. о. и подопечный.

— И. о.?

— Исполняющий обязанности.

— За двоих работаешь?

— Стремлюсь к честному распределению.

— А зачем тебе это?

— А тебе жабы зачем?

— Скука. Года эльфийские, а скука — человеческая.

— А жёнами меняться?

— Обмен опытом. Или наоборот: жёнами — от скуки, а жабы — для обмена опытом. Ещё дунешь?

— Мастерская работа, — сказал Дон, рассматривая переданную ему трубку, испещрённую вырезанными рунами. — Из чего? Кость?

— Рог.

Выбежав из сарая, Рина завернула за угол и почти разрыдалась, но сначала стоило убедиться, что вокруг никого нет. Уже наступили сумерки, и футах в семидесяти отсюда горело окно хозяйского особняка, но самого владельца в нём не было видно. Соседние дома выглядели нежилыми и не светились вовсе — сарай стоял на краю деревни, вдалеке от главных улиц.

И тут наконец Рина снова почти разрыдалась, но её остановили скрип двери и вышедшая из-за угла Керис. Привычный комок вернулся в горло и сполз вниз, в живот. Рина опустила голову и отвела взгляд. Эльфийка с ногами залезла на перевёрнутую вверх дном бочку, стоявшую неподалёку от Риной, и сделала это с таким невозмутимым видом, как будто именно ради этого она и вышла на улицу.

«Что ей надо? Когда она уйдёт?» — со злостью подумала девушка.

Завернуть за ещё один угол и скрыться от Керис было бы невежливо, оставалось стоять с опущенной головой и ждать требований. В лучшем случае это будет «успокоение» — самый безобидный вид требований, когда собеседник понимает, что произошло нечто неловкое, и хочет, чтобы ты перестал на это реагировать.

«Пожалуйста, не волнуйся». Или: «Ну что же ты?» Или даже: «Я за тебя тревожусь».

Батюшка что-то говорил о том, что женщины должны давать мужчинам успокоение, но Рина никак не могла взять в толк, зачем им это надо. Неужели женщины предназначены только для этого?

Вместо «успокоения» можно получить «указания» — самый распространённый вид требований. «Пойдём обратно». «Расскажи, что случилось». «Перестань такой быть». «Успокоение» считается успешным и человек наконец оставляет тебя в покое, как только ты замираешь и прекращаешь что-то изображать на своём лице. «Указания» же требуют большего — активных действий по исправлению ситуации.

Дальше по силе воздействия идут «обвинения», которые весомее «указаний», их нельзя искупить просто исправлением текущей ситуации; чтобы загладить вину, требуется что-то ещё.

В этот раз ничего особенно ужасного не произошло, поэтому Рина рассчитывала на «указания». «Ну же, давай побыстрее покончим с этим и вернёмся в сарай», — думала Рина, глядя на эльфийку. Но Керис молчала и с интересом рассматривала Рину, как будто это нельзя было сделать раньше, в светлом хлеву.

«Ну же!»

Эльфийка продолжала молчать.

Рина подумала, что если просидеть так достаточно долго, то уйти за угол или обратно в хлев снова станет вежливо, как будто никому от тебя ничего уже не надо, ведь если было бы надо, то попросили бы.

Рина выждала некоторое время и, решив: «Ну, наверное, можно», — шевельнулась в сторону, но Керис спросила:

— Как называется эта сцена?

— Что, прости?

— «Оскорблённая невинность»?

— Я не оскорблённая невинность!

— А кто ты?

— Я та, которая хотела побыть одна, — сообщила Рина, ответив таким образом и на вопрос, кто она, и на вопрос, который, как ей казалось, подразумевался с самого начала: «Почему ты вышла?»

— Ох, наверное, это было так бестактно с моей стороны! — с ухмылкой ужаснулась Керис. — Если ты ещё не побыла одна, то я пока посижу тут.

— Что тебе надо? — спросила Рина, стараясь, чтобы вопрос звучал не слишком резко, но и не испуганно.

Секрет был, конечно, в тоне. Дон, например, каким-то неведомым для Рины образом мог задать любой очень простой вопрос, в котором не было никаких примесей.

Когда люди спрашивают: «Ты голодна?» — они никогда не имеют в виду: «Скажи, пожалуйста, голодна ли ты?» На самом деле это может означать всё что угодно: от «Достерпишь до вечера?» или «Нам дома нечего есть, ты же знаешь» («Скажи, что не голодна») до «Не хочешь ли поужинать?» или «А почему ты до сих пор не начала готовить еду?».

Когда Дон спрашивал её: «Ты голодна?» — он имел в виду именно это, и в воздухе повисало нечто странное. Рина долго думала, но иначе чем «ожиданием ответа» не смогла это назвать. Дон задавал вопрос и просто ждал ответа.

«Какая глупость, если вот так, словами!» — подумала Рина и постаралась сделать то же самое: спросить у эльфийки, что ей надо.

— Мне ничего не «надо», но мне «хочется» удовлетворить своё любопытство. Но если ты не перестанешь строить из себя терсингу, то я, пожалуй, обойдусь. Слишком много возни.

— Я не...

— Не обязана никого удовлетворять, — подтвердила Керис.

— Но я...

— Но ты всё равно это делаешь. Да соберись уже, оран-малан!

«Я не обязана никого удовлетворять, но всё равно это делаю, — вспыхнуло в голове у Рины ярким шариком, растеклось по телу и отозвалось комочком в груди. — Так, по-

ждите. Конечно, не обязана. Обязана — это слишком громко сказано. Но есть же, например, правила приличия. Соблюдать их человек обязан... Так, подождите. Человек должен? Это почти то же самое. Давайте так: будет всем хорошо, если... Это своего рода взаимное обязательство. Чёрт».

— Я не обязана никого удовлетворять, но всё равно это делаю! — с ужасом повторила Рина.

— Это ровно то, что я сказала тебе пять минут назад! — подтвердила Керис. — Так что нет смысла скрываться.

«Нет смысла скрываться, — снова вспыхнуло у Риной, уже совсем в другом месте. — Я скрываюсь? Что за глупость? Я просто не высываюсь. Я скромная и знаю своё место. Или что, нет смысла прятать то, что я не обязана никого удовлетворять? Или нет смысла скрывать, что я это делаю?» Рина жалобно посмотрела на эльфийку.

— Господи, детка, да ты, похоже, надышалась, — прочитала её взгляд Керис. — Или всегда такая?

— Я ничего не понимаю. Я не обязана никого удовлетворять, но всё равно это делаю. Что это вообще значит?

— Подожди, ты всё ещё об этом? — удивилась эльфийка. — Ну тебя и крутит. Я сказала, что ты совершенно не обязана удовлетворять моё любопытство, но всё равно удовлетворяешь. Ты всё равно находишься здесь, и всё равно я тебя вижу! Можно было бы поговорить или сделать это ещё более простыми способами. — Керис похотливо подмигнула и кивнула в сторону сарая. — Но раз ты хочешь так, то пусть будет так.

— А общественный договор?

— Какой? Что у тебя там вообще происходит?

— Где? — не поняла Рина.

— Там, внутри.

— Ох, — выдохнула Рина и разревелась.

Через полчаса дверь открылась и девушки зашли в хлев, обнявшись, как лучшие подруги.

— Два способа расширения, да, — продолжал вещать эльф. — Ты либо расширяешься за счёт того, что плодишь себя в мире...

— По образу и подобию, — вставил Дон.

— Верно, по образу и подобию. Делаешь мир таким же, как ты. Формально ты расширяешься. Либо ты принимаешь в себя кусочки мира...

— Захватываешь? — уточнил Дон.

— Нет, именно принимаешь, они при этом не пропадают из мира, и ты говоришь: «Эти кусочки мира теперь во мне». Тогда ты тоже расширяешься. При первом способе ты обогащаешь мир собой, при втором мир обогащает тебя. Первый способ называется «насилие», а второй — «адаптация».

— Интересный выбор слов. Первое также может называться «творчеством», а второе — «воровством», — улыбнулся Дон.

— Ты совершенно прав, — улыбнулся ему в ответ Джеф. — Как только мы определили две разные вещи, на каждую надо повесить ярлык, чтобы не потерялись, что в худшем случае ведёт нас к протоярлыку — «плохое» и «хорошее».

Эльф затаился трубкой и замолчал.

— Но мы-то знаем... — подсказал Дон.

— Да, но мы-то знаем, что самое интересное происходит на границе, и необязательно «хорошего» и «плохого», это было бы просто пошло, — продолжил эльф. — Но и там тоже — как частный случай. Где, например, начинается «насилие», а где «адаптация»? Или «творчество» и «воровство»?

— Сейчас про трение затрёт, смотри, — шепнула Керис Рине.

— «Дай мне силы изменить то, что могу, спокойствие — принять то, что не могу, и мудрость, чтобы отличить одно от другого», — добавил Дон.

— Изменить — «насилие», потерпеть — «адаптация». О, неплохо. Это откуда?

— Кто-то сказал.

— Ни разу не слышал. Но да.

— Тогда ещё: «Хорошие художники копируют, великие художники воруют», — если про границу между творчеством и воровством.

— А это?

— Тоже кто-то сказал, ты его не знаешь, — примирительно махнул рукой Дон.

— Хм. Так вот, самое интересное случается там, где две разности — я специально не говорю «противоположности» — соприкасаются и начинается трение.

— Я смотрю, вы спелись, — ехидно заметила Керис.

— А вы — нет? — парировал Джеф.

Рина отлепилась от эльфийки, шагнула к эльфу и неожиданно попросила:

— Можно мне тоже трубку?

— Угощайся, — протянул руку Джеф.

После затяжки по горлу побежала волна щекотки, расширяющаяся и захватывающая всё тело.

— Почему трение? — спросило горло.

— Ну а как это ещё назвать? — поинтересовался в ответ Джеф, проявляя полную открытость к чужому мнению.

Вопрос застал девушку врасплох. Она вдруг обнаружила, что стоит в центре комнаты, а все присутствующие повернули головы в её сторону, словно ожидая ответа. Всё это требовало немедленного обдумывания. Рина оглянулась и села к Дону на колени — чтобы далеко не ходить.

Сделав паузу, она произнесла:

— Я всего лишь хотела поучаствовать в разговоре! — и опустила глаза.

— Это нетрудно, — шепнул ей на ухо Дон, пользуясь тем, что она сидит у него на коленях. — Просто говори всё, что приходит в голову, подбрасывай ассоциации.

— У меня были ботинки, которые трут, — сообщила Рина.
— Все ботинки трут, — подтвердил Джеф.
— Но не все натирают, — кивнул Дон.
— А ещё папа говорил, что между ним и другим кузнецом — трения.
— Между всеми трения, — развёл руками Джеф.
— Но не все натирают! — сообразила Рина. — Ага, понятно. Ещё говорят, что жена притирается к мужу.
— Зависит от абразивности, — подал реплику Дон и пояснил: — Или муж к жене — кто более тёркий, тот и притирается.

Рине понравилось перебрасываться словами. На любую реплику, которую она подавала, собеседники находили что-то ответное, связанное невидимыми нитями, разбегающимися в стороны — как глаза. Смотреть можно было в любую точку, и всё везде было одинаково интересным и красочным.

— Что в трубке? — проявила любопытство Рина.

— Румпунт Кудис, — буркнул Джеф.

Рина вопросительно посмотрела на Дона — название было ей незнакомо; тот встретил её взгляд, на его лице на секунду промелькнуло выражение лёгкой досады, как если бы его попросили о неуместной услуге. Он поднял глаза вверх, что-то вспоминая — или с чем-то сверяясь в своей голове, — и произнёс:

— Скабиоза Импета. — И потом, пару мгновений помедлив, заглянув ещё в другое место: — Чесоточная трава.

Это название Рина знала: вредный сорняк, в заросли которого лучше не заходить — начинаешь невыносимо чесаться. Судачили, что в соседней деревне пара мужиков зачесала друг друга насмерть — правда, там не обошлось без выпивки.

— От неё же чешутся, — почти без испуга удивилась Рина.

— Так мы и чешемся, — ответил Дон. — Вот, языки чешем. Лясы точим. Ткём полотно разговора, а нитки, между

прочим, исключительно за счёт трения держатся. Вот ты меня сейчас гладишь или шлифуешь?

Рина проследила за взглядом Дона и внезапно обнаружила, что водит своей рукой по его руке.

— Ох, — смутилась девушка и поспешно оглядела комнату.

Джеф довольно шурился, как пригревшийся около печки кот, Керис сидела возле него мелким чертёнком, который вдоволь сегодня побесился и уже почти задремал, но которого лучше всё равно лишний раз не будить. Ничего страшного не происходило.

— Мы весь вечер чешемся! — догадалась Рина.

— Об этом и разговор, — кивнул Дон. — Джеф говорит, что самое интересное происходит на границе. Моя чесотка начинается там, где заканчивается твоя.

— Почеси мне спину — и я почешу тебе, — добавил эльф.

— А мы с Керис говорили, — Рина указала рукой в сторону двери, — о том, что я — пустое место, и это тоже может кому-то не нравиться, хотя я всю жизнь думала, что наоборот.

— Тереться не обо что. И положиться нельзя, — согласился Дон.

— Что?

— На пустое место не опереться. С пустым местом вообще мало что можно делать.

— Его можно занять, — предложила Рина.

— Тогда оно пропадёт, — пожал плечами Дон.

Разговор потёк куда-то дальше, уже без Риной, девушка выпала из него, обдумывая сказанное и прислушиваясь к ощущениям в собственном теле, продолжая при этом поглаживать чью-то руку, оставляя таким образом маленький кусочек контакта, с помощью которого можно было бы вернуться в компанию.

— Это всё трава? Мы из-за неё... чешемся? — Рина перестала гладить руку и подёргала за неё, привлекая к себе внимание.

— Мы всегда чешемся, — грустно улыбнулся Джеф, на этот раз рука оказалась его. — Просто сейчас делаем это сильнее, чем обычно.

Рина взглянула на Дона, который сидел теперь напротив. В глазах её читались растерянность и желание получить второе мнение. Или разрешение на первое.

— Продолжая метафору — да, все люди чешутся, так как все трутся снаружи обо что-то. Все люди чешутся снаружи, — сказал Дон.

— Неправда, — подала голос Керис, подходя к Дону сзади, улыбаясь и запуская руки в его волосы, — вот *этот* чешется изнутри.

И всё завертелось.

ККХИ

Дон выпал из дрёмы от возни под боком. Источником беспокойства оказалась Рина, нежно тормошившая своего попутчика, желая одновременно и разбудить его, и особо не потревожить, — от этого противоречия Дон и проснулся.

— Эльфы ушли! — выпалила Рина, увидев, что Дон открыл один глаз и тут же зажмурил его опять, пытаясь скрыться от солнечного света, падающего на лицо через большую дыру в крыше сарая.

— Ушли, — подтвердил Дон с закрытыми глазами, вспомнив, как он уже просыпался от другой возни под тем же боком несколько часов назад. Это была Керис, пытающаяся выползти из его объятий.

— М? — спросил тогда Дон.

— Нам пора, — извинилась она.

— М-м-м, — согласился он, перевернулся на другой бок и поглубже зарылся в сено, словно стараясь сохранить тепло эльфийки.

— Мне опять снился единорог! — сообщила Рина с тревогой в голосе.

— Угу, — подтвердил Дон, — этого следовало ожидать, учитывая вчерашнее. Я...

— И меня обокрали! — перебила его она.

— О господи, ты сама согласилась, — простонал Дон, представив очередной разговор о девичьей чести.

— На что?!

— Отдать свой цветок, или какая ещё природная метафора используется в этой местности? Поздравляю с первым сексом! Надеюсь, Джеф был неплох, такие обычно пытаются произвести хорошее первое впечатление... Так, подожди, я сейчас проснусь — дай хотя бы глаза раскрыть! — и стану более приветливым. Ненавижу недосыпы. А мне недосыпали ещё часа два сна!

Рина дождалась, пока Дон проворчится, и отчеканила:
— Это не первый секс.

— Нет? — Дону всё-таки пришлось приоткрыть один глаз — только для того, чтобы удивлённо поднять бровь. — У тебя с кем-то уже было? А с кем?

— Они украли мои вещи и увели Фёдора! — ледяным тоном продолжила девушка.

Дон нехотя встал, и вместе они оценили ущерб. Не считая мула, эльфы взяли ровно столько, чтобы у них с Риной не возникло желания гнаться за ними неизвестно куда или даже вставать утром ради этого, по крайней мере на взгляд Дона: из его сумки не исчезло ничего такого, к чему владелец был привязан; что же касается Рины, то её пропажи были ей дороги только потому, что ничего другого у девушки не было.

— Если обобщать, всё это называется словом «барахло», — подвёл итог Дон.

— Зачем они это сделали? — спросила девушка.

— Какие будут гипотезы, дорогой Ватсон? — поинтересовался Дон и пожалел: теперь быть не в духе пришла очередь Рины, и уж тем более она не была в настроении для игривого тона.

От девушки исходило неслышное пыхтение. «Можно сказать, она готова взорваться», — подумал Дон, подбирая правильное выражение, дабы описать состояние попутчицы. «Впрочем, нет, — поправил он сам себя, — она совершенно ещё не готова взорваться, хотя именно это бы ей сейчас не помешало». «Кипящий чайник» — слишком за-

тасканно. «Закипающий фарфоровый чайник династии Мин». Стало ли от этого сравнение более изящным?

— «Какого, к чёрту, Ватсона» можно пропустить, — подсказал Дон, — и перейти к тому, что тебя волнует.

— Нас ограбили, а ты опять со своими сказками!

— Это я уже понял, ты злишься. Злишь. Можешь делать это вслух.

Дон подождал ещё некоторое время и, ничего не получив от Рины, вышел из сарая. Вернулся он минут через десять с каким-то свёртком.

— А ты ничего не сделал! — встретила его Рина.

— Принимается, — кивнул Дон, садясь в кучу сена и кладя пакет рядом. — У меня ещё были варианты: «назвал мои вещи барахлом», «не расстроился, как я», «опять втянул нас куда-то, как с троллями». Ты злишься на меня за то, что нас ограбили.

— Но ты же должен был знать!

— Вижу этих эльфов первый раз в жизни. Как и ты, впрочем.

— А чесоточная трава?

— Увлекался в детстве ботаникой. Ты могла бы её не курить и с эльфом не спать.

— Нас всё равно бы ограбили.

— Могла бы переночевать в таверне, тогда ограбили бы только меня.

— Но ты спросил: «Пойдёшь смотреть Ккхи?»

— Можно было ответить «нет».

— Но мне было интересно узнать. А ещё ты сказал: «Хочешь, покажу, какие Ккхи волшебные?» — и уколол мой палец. Что, можно было отвернуться? — передразнила Рина.

— А ты спросила: «Что это?» — когда я рассматривал Ккхи, — улыбнулся Дон, — но да, да, об этом я тебя вовремя не проинформировал, уж прости.

Происходящее почему-то веселило его, что раздражало Рину ещё больше.

— Почему ты смеёшься? — зло поинтересовалась она.

— Улыбаюсь. Это весёлая игра — поиски виноватого, хотя и не думаю, что они здесь есть. Но давай доведём её до конца: а ты могла бы не идти искать единорога со мной.

— Но тогда бы я умерла! То есть ты что же, предлагаешь или умирать, или терпеть вот это?

— Я предлагаю несколько снизить градус моего всемогущества. В рамки моих возможностей не входит предсказывание будущего.

— А что входит?

— Осмысление прошлого и настоящего. Я не знал, что нас ограбят, и не в моих силах это предотвратить.

— Но ты можешь объяснить, почему нас ограбили?

— Что-то в этом духе, да.

— И почему?

— Я не знаю. И не должен был. Но объяснить могу, — добавил Дон после небольшой паузы и хитро улыбнулся.

Рина замолчала, но было видно, что это временное перемирие и она ищет новые пути атаки. Ей было совершенно ясно, что Дон просто издевается. Конечно, знания его не безграничны, Рина на этот счёт не обольщалась, но не могла же граница знаний проходить именно здесь и сейчас.

Всемогущество? «Смешное слово», — подумала Рина. Ну конечно же, никакое не «всё-могущество», но определённо «что-то-могущество». Он скрытный, не показывает всё, что может, и якшается чёрт пойми с кем. Эльфы опять-таки ограбили не полностью, как будто знают что-то.

Просто по каким-то причинам Дон в этот раз совсем не постарался. Возможно, ему было безразлично, что их ограбят. «Возможно, и я ему безразлична? — предположила Рина. — Если ему почему-то не обидно за свои вещи, но хотя бы за мои должно».

Поразмышляв ещё немного, девушка решила, что Дона выдаёт спокойствие. Когда человек чего-то не знает, он пе-

реживает и волнуется. Дон же почему-то расслаблен, но не так, как будто ему всё безразлично, а спокоен и внимателен одновременно. Словно что-то знает и ждёт. Всё-таки знает!

— Я и спросил, какие будут гипотезы, потому что не знаю, — примирительным тоном сказал Дон. — То есть как ты думаешь, что произошло?

— Эльфы, — пожав плечами, сказала Рина, тут ей было всё понятно.

* * *

Дон потянулся к свёртку и развернул его, расстилая бумагу на полу сарая.

— Лучшее средство от недосыпа — еда. Угощайся, — сказал он.

«Сбегал, значит, за жарочкой», — подумала Рина. Внутри неё начало смутно klokотать привычное: «Еда, значит, ему не безразлична!» — но она решила не давать этому ход. Рина покосилась на Дона: тот ел лепёшку с завёрнутым в неё сыром так, будто никто и никогда на него не косился. Доев, он встал, стряхнул крошки с живота на пол, потёр руки и сказал:

— Ну, посмотрим.

Ккхи спал, даже когда Дон стянул ткань с клетки, поэтому пришлось постучать по прутьям и снова насладиться разворачиванием ящера в полный рост, которое уже не так стильно захватывало дух, как в первый раз, но всё равно внушало трепет.

Дон оказался на голову ниже Ккхи. Они встретились взглядом — и ничего не произошло. Дон шмыгнул носом. Ящер с шумом втянул воздух в ноздри, принюхиваясь, — и снова ничего не произошло.

— Удивительно воспитанный! — с восхищением сказал Дон. — Какая сила Ккхи!

— Воспитанный эльфами? — не выдержала недосказанности Рина.

— Воспитанный Ккхи. Удивительно воспитанный Ккхи Ккхи. Самовоспитанный. Ккхи, воспитывающий самого себя за хвост.

— Значит, можно войти в клетку! — догадалась Рина.

— Я бы не стал так рисковать.

— Почему?

— Если бы к тебе без спроса... — начал Дон, но осёкся, вспомнив дом Рины, где у неё даже не было своей комнаты. — Ну, прежде всего, это невежливо. Он сам выйдет, надо его только заинтересовать.

Дон оторвал восхищённый взгляд от ящера, залез в сумку, достал оттуда колоду карт и показал её Ккхи жестом, каким обычно показывают пропуск (в тех мирах, где они существуют).

Ящер хрюкнул и дёрнул хвостом. Решётки исчезли — неожиданно и без всяких спецэффектов, — и все трое оказались в одном пространстве. Рина отпрянула, Дон отступил в сторону, давая ящеру пройти. Ккхи оценил мизансцену, несколько раз отпружинил от пола, перемещаясь по сараю, и развалился на той же охапке сена, где ещё вчера сидел эльф.

Широко расставив ноги, ящер задрал набедренную повязку. Тут же пасть его обмякла, а зрачки покрылись увлажняющей матовой слизью, заменяющей им моргание век. Вероятно, это было аналогом человеческого закатывания глаз. Между ног что-то зашевелилось и с усилием выплонуло комок слизи — тем же манером, как кошки срыгивают шерстяные шарики.

— Я твою маму ел! — сказала «что-то» скрипучим голосом.

«Оно» торчало между ног ящера и выглядело как увязнувший там по хвост ещё один Ккхи, раз в девять поменьше, в три раза морщинистее и в невыразимое число раз вертлявей и живее.

— Я твою маму ел? — повторило «оно» медленней, под-

крепив высказывание жестами, запихивая маленькими ручками в рот большие невидимые куски.

Рина прыснула в кулак.

— Я твою маму рвал! — отозвался Дон, изображая челюстями отрывание кусков от чего-то массивного.

Ккхи-младший оценивающе развернулся к девушке и произнёс, обращаясь явно к ней:

— Не болей.

Это она поняла и смущённо ответила:

— И вы здравствуйте.

— Хорошо. Обезьяний язык. Предвкушаю беседу, — сообщил ящер, делая заметные паузы между фразами.

— Обезьяний хорош ваш, — уважительно кивнул Дон.

— Ах, — махнул лапкой Ккхи и с очень сильным, почти совершенно непонятым акцентом прокаркал: — Не гворим обзьяний.

— Смысловой слизень, — догадался Дон, указывая на срыгнутый комок.

— Дон? — шепнула Рина, требуя подробностей.

— Фруктовые мухи едят фрукты, — после паузы сообщил Дон.

— И чего?

— Смысловые слизни едят смысл. — Снова пауза. — Аналогично.

— И чего?

— И весь не съедают.

— И чего?

— Охотничий ястреб. Аналогично.

— Ну Дон! — жалобно возмутилась Рина.

— Ловит, но не ест. Сама попробуй. Скажи много слов.

Рина не понимала, издевается ли Дон, и сейчас, и вообще — всегда. Иногда он говорил много, но чаще — мало и непонятно, и мотивы такого поведения были Рине неизвестны. Часто казалось, что он её дразнит, скрывая смысл, заставляя дёргать и канючить, как будто ему нравится, что

его постоянно теребят; но ещё чаще казалось, что он пытается выставить её полной дурой, лишний раз указав на её непонимание или спровоцировав его.

Девушка открыла рот, чтобы выразить мысль, и услышала собственный голос.

— Перестань, — сказал он.

«Подождите, я совсем не то хотела сказать!» — подумала она.

— Но это не точно, — добавил голос.

Какое-то время Рина переваривала свои ощущения, после чего проникновенно сообщила:

— Лезет медленно.

— И плохо клеится, — согласился Дон, сделал паузу и просуммировал: — Говно вомбата.

«Кубики!» — сообразила она. То, что раньше выглядело неразрывной линией, оказалось теперь ожерельем, бисером нанизанных друг за другом кубиков. Сейчас звенья стали огромными и неподъёмными, как моаи, но поэтому и видимыми.

«Перестань», — попробовала Рина ещё раз выкатить тот же куб. «Мне не нравится», — после паузы дотащила она второй, пытаясь прояснить контекст. Конструкция продолжала выглядеть неустойчивой, две эти фигуры оказались вообще никак не связанными, что стало неприятным сюрпризом. «Потому что!» — сообразила девушка.

— Перестань, потому что мне не нравится!

Следующие пару минут Рина провела в глубоких, но пространных размышлениях как о связности «перестать» с «мне не нравится», так и об их отдельности, не спуская тем не менее немигающего удавьего взгляда с мини-Ккхи.

«Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, конечно, чем одному человеку пропихнуть смысл к другому, — думал Дон. — Два игольных ушка. Три. Слизня не считаем, он скорее ушная пробка. Ушная пробка в бутылочном горлышке. А где узко, там и рвётся. Слизень, значит, кусает по линии

разрыва и тащит в другое место, работая переносчиком смысла. Перевозчиком. Переводчиком. Муха переносит холеру, но понимает ли муха холеру? Пусть слизень будет „переносчиком“, хорошо. Занятная животиночка, я про таких слышал, но сталкиваюсь в первый раз. Впрочем, это неважно — сейчас мы адаптируемся к новому размеру дырки и начнём общаться более плавно».

— Скоро пройдёт, — успокаивающим тоном произнёс Дон.

«Девушка, очевидно, раздражается, — отметил он про себя. — Сейчас-то ладно, допустим, спишем на слизня, но вообще... Твоя коммуникационная стратегия, похоже, не очень успешна».

«Моя стратегия, — хмыкнул про себя Дон. — Я назову её расходящейся спиралью: от главного к второстепенному». Дон понимал, о чём идёт речь — хотя речь ни о чём и куда не шла. Поэтому-то у стратегии и не было имени: её никогда не надо было никому представлять.

Часто Дон выражал свои мысли так, словно за каждое слово приходилось платить. Если количество слов ограничено, то разумеется. «Разумеется!» — ехидно подумал Дон. Лучше всего начинать с конца: сначала сообщать вывод — на случай, если получится отделаться этим, а потом, когда собеседнику непонятно, рассказывать всё в обратном порядке, и так до самого начала.

Откуда у него взялась такая манера общаться, было неизвестно. Фонетика зависит от окружения: например, абруптивные согласные чаще встречаются в языках жителей горных районов, так как требуют меньше дыхания.

— Т'ап'ат, — сказал Дон.

— Ч'в? — встрепенулся Ккхи.

«В горных диалектах обезьяньего, конечно», — поправил себя Дон, так как сильнее всего она зависит от строения речевого аппарата. Другие особенности языка отражают среду не меньше, просто их сложнее уловить. В какой атмосфере

находился Дон, чтобы вырасти таким, было загадкой. Может, он просто талант. Или, например, любимой репликой его отца в диалогах было «Короче!». Или, скажем, он просто живёт в лесу и редко видит людей. Так или иначе, Дон отметил раздражение девушки и, разумеется, решил меняться.

Ящер коротал время за хищным (и только потому, что Ккхи — хищники) рассматриванием Дона и Рины и оценкой того, какие их части наиболее съедобны.

Наконец все трое справились с переполохом в своих мыслях, устроенным слизнем, и вернулись к Ккхи. Большой ящер всё так же оставался без движения, маленький скрутился колечком, залез куда-то под набедренную повязку и вынырнул уже с колодой карт в лапках.

— Портоомния, — сообщил Дон до того, как Рина что-то спросила, и пояснил: — *Omnia mea mesum porto*. Червоточина у него там. Пространственный карман... Склад у него там, склад. Волшебный безмерный склад. Повязка-самобранка, ну.

Взяв колоду в левую лапу, жестами правой ящер нарисовал в воздухе пару кругов. Помост клетки сложился в несколько раз, превратившись в небольшой деревянный столик с низкими ножками, и, окончив трансформацию, беззвучно заскользил в сторону ящера, чтобы услужливо встать напротив. Ккхи положил колоду на стол, Дон зеркально повторил этот жест.

— Что в меню? — поинтересовался ящер.

Дон достал свою сумку и вывалил содержимое на стол. Ккхи-старший шумно вдохнул воздух, словно вынырнув из воды, подался тазом вперёд, помогая младшему зарыться в вещи, и снова впал в оцепенение.

Ккхи несколько раз ловко пересортировал предметы и сгрёб их кучей в сторону Дона, оставив кобуру с бластером ближе к себе. Дон кивнул и принялся методично складывать всё обратно в сумку; ящер тем временем совершил несколько нырков под повязку, выуживая оттуда

каждый раз какую-нибудь неведомую вещь и кладя её на стол.

«Ккхи — это способ торговли», — вспомнила Рина. Ей стало понятно, что ящер хочет бластер — купить или выменять на что-то другое.

— Предметы, имеющие огромную сентиментальную ценность, — прокомментировал коллекцию ящера Дон, взял что-то, по форме напоминающее соусницу из матового металла, и протянул в сторону Рины. — Но как ты смотришь, например, на джинна?

— В каком смысле — джинна?

— А какие смыслы ты знаешь?

— Как в сказках только.

— Ну, значит, джинн как в сказках. Выполняет три желания.

— В обмен на бластер?

— На возможность его потерять. Точный исход мы выясним после битвы.

— С кем? — Рина с опаской покосилась на бластер.

— С ним, — кивнул Дон в сторону ящера. — Воображаемой, конечно. Торги — это конфликт. Каждый хочет урвать себе кусок побольше, но в данном случае надо, чтобы никто не ушёл обиженным. Победитель съедает побеждённого, но проигравший забирает себе товар, или наоборот. Я тебе потом всё объясню, ладно?

— Кушать подано, — сказал Дон, обращаясь к ящеру.

— Я напал неожиданно, — оживился тот, выкладывая на стол карту и подталкивая её в сторону Дона. Верхняя морда Ккхи расплылась в довольной улыбке, капелька слюны вязко сползла с пасти и повисла на подбородке. «Да он скалится!» — догадалась Рина. Только сомнамбулическое состояние ящера позволяло ошибочно принять это за улыбку.

— Ты *попытался* напасть неожиданно, — поправил Ккхи Дон, выкладывая в ответ свою карту. — Но я был подготов-

лен, поэтому, — вторая карта легла на стол, — твой удар попал в хорошо защищённое место.

Благоразумно стоявшая всё это время за плечом мужчины Рина пробралась бочком поближе к столу и принялась рассматривать карты. Увидеть получилось опять не сразу, но ничего нового она там не обнаружила: всё те же «сценки из деревенской жизни», по выражению Дона.

Дон выложил изображения покоса и сарая, которые девушка уже знала. На карте же Ккхи вырисовывался град, уничтожающий посеvy. «Кажется, был разговор, что все видят по-разному, может, в этом дело?» — подумала Рина и попробовала представить, как ещё можно воспринять то же самое. Но как она ни всматривалась — ничего не выходило. «Как вообще могут быть связаны град и внезапное нападение?» — недовольно подумала она и тут же сообразила, что вопрос поставлен правильно: и то и другое действительно связано, потому что «внезапно». Покос и подготовка? Подготовка к зиме! Сарай и защищённое место — ещё проще: сарай и есть это место! Только если сказать: «Ты ударил и попал мне в сарай», — будет смешно.

Ещё немного подумав, девушка решила, что Ккхи, наверное, никаких «покосов» не видит, потому что хлеб почти точно не ест — такой-то пастью. А град? Возможно, он бьёт не посеvy, а просто траву. И это плохо, потому что... ну, например, Ккхи в этой траве живёт и мёрзнет. Шерсти-то у него нет. Тогда, конечно, он способен понять укрытие — сарай. Интересно, он у них так же выглядят? Рина покосилась на стол, который раньше притворялся клеткой. Ни один местный кузнец не мог бы создать такое.

«Кузнеца, впрочем, и не волновали бы посеvy», — отметила девушка. Как, наверное, и его дочь. «Филя!» — тут же всплыло в её голове. Сын конюха с широко посаженными глазами и постоянной улыбкой. Все разговоры — только о лошадиной доле: таскание плуга, перевозка тяжестей, потеря подков. Когда Рине надоедало, она заты-

кала ему рот поцелуем; он застывал и не сопротивлялся, а потом радовался этому так же, как лошадям. Они провели вместе целое лето, и конюх наконец-то заподозрил неладное, но никому ничего не сказал: что бы люди ни болтали — что Фил попортил девку или что она использовала юродивого для потех, — всё было одинаково позорно.

Рина попробовала посмотреть на карты взглядом дочери кузнеца, надеясь увидеть там что-то соответствующее, но ничего, кроме отца, не открылось. Его лицо было перекошено, как в те моменты внезапной ярости, которые случались у него несколько раз в месяц.

«Неожиданное нападение?» Какая ерунда. Отец просто был недоволен, при этом совершенно ожидаемо и даже заслуженно: в сущности, Рина была та ещё дрянь. Вслух это никогда не говорилось, но только потому, что никто не утруждал себя очевидностями.

От попыток смотреть на карты с другой стороны Рина устала, возможность сдвигать точку сборки была на какое-то время утрачена, и теперь на картах снова пестрели бессмысленные узоры. Оставалось только прислушиваться к разговору игроков, не отличающемуся особым разнообразием: Ккхи нападал, а Дон всегда ему перечил, практически не атакуя в ответ. Дон заметно потел, движения ящера временами вместо плавных становились дёргаными, колоды подходили к концу.

— Я найду тебя в следующем иц'к'л, — пригрозил ящер, сгрёб использованные Ккхи и стал втасовывать их в свою колоду. Эта карта, видимо, позволяла забрать со стола сыгранные и использовать заново. В том, что это просто странная версия карточной игры, у Рины уже не было никакого сомнения.

— Pardon? — переспросил Дон и повторил: — Иц'к'л?

— Я уйду. Я пойду на круг. Круг... — запнулся Ккхи. — Круг... перерождения, — нашёл он правильное слово, вер-

нее, пропихнул через слизня то, что получилось. — А ты — нет. Я буду молодой, а ты — нет. Понятно?

— Круг перерождения?

— Великий круг охоты-жрачки-случки.

— Ах, вот ты о чём. К тому времени я уже выращу сыно-вей, — улыбнулся Дон, выкладывая карту.

— Накормишь будущих себя землёй? — усомнился ящер. — Зачем так говоришь?

— Я говорю, что, когда ты придёшь, у меня будут сыно-вья.

— Нет, это не перерождение, а поедание, — сказал Ккхи, указывая на карту, — и ты сказал «выращу». Кормить зем-лём. Выращивать цветы.

— Кормить детей собой, а не землёй, хотя и дети — цве-ты жизни.

«Вскармливание!» — вспомнила Рина карту, которую она заполнила вместе с Доном. Это вполне могла быть она. Оба игрока были явно чем-то недовольны, наверняка Рина что-то напортила.

— Да, перерождение, — подтвердил Ккхи.

— Рождение детей, — возразил Дон.

Завязалась долгая беседа, из которой Рина мало что по-няла. Тема показалась ей слишком физиологичной, к то-му же эти двое постоянно переходили на какие-то третьи и четвёртые языки, за которыми сложно было уследить, по-этому Рина даже и не пыталась; но зато именно она первой заметила, как слизень на полу вдруг начал извиваться, свер-нулся калачиком и замер.

Ккхи перешёл на щёлканье, Дон попытался прочирикать что-то в ответ, но особого успеха не добился. Маленький ящер собрал карты, свои и Дона, в одну кучу и засунул её се-бе в портоомнию. Каркнув что-то на прощание, он скрылся за набедренной повязкой, большое тело рептилии ожило, встало и огляделось по сторонам. Заметив слизня, оно раз-давило его небрежным движением лапы, прыжком забра-

лось на стол — и беззвучно исчезло вместе с ним, словно никакого Ккхи и не было.

Дон убрал джинна в сумку, а бластер повесил на пояс, как он всегда делал перед выходом куда-то; и тут Рина поняла, что это, наверное, победа.

Девушку прорвало. Она открыла рот, и оттуда полилось множество звуков. Они складывались в слова, слова — в предложения, которые, в свою очередь, не складывались ни во что, но помогали пережить произошедшее. Дождавшись, пока из Рины выйдет весь воздух, Дон сказал:

— Давай не сейчас? Собирайся, нам надо отойти от слизи.

На улице они увидели мула. Фёдор невозмутимо щипал травку, привязанный к ограде. «Мог бы сказать раньше!» — кольнуло девушку, но упрёк тут же был похоронен под грузом последних впечатлений.

Постояв у сарая некоторое время, словно пытаясь запомнить его таким, Дон кивнул. Фёдор тоже зачем-то кивнул, и они молча отправились в путь. «Может, и правда недосып?» — подумала Рина, украдкой разглядывая серое лицо спутника. Похоже, Дон был не дурак поспать, по крайней мере, часто он просыпался позже девушки. Сейчас Дон страдал от последствий слизи, но решил оставить эту информацию при себе: чем больше у тебя в голове разных смыслов, тем дольше приходится восстанавливаться.

— Ну что ты маешься? Сядь на мула и подремли, — не выдержала она спустя час пути.

— Да как же я тебя одну-то брошу?! — притворно ужаснулся Дон.

— Как-нибудь справлюсь, вдоль камней идти много ума не надо.

Встречных путешественников становилось всё больше и больше, а вдоль дороги появились мильные камни, отсчитывающие расстояние до города (в лье); и хоть сама дорога

безбожно петляла по горной местности, можно было сказать, что они вышли на финишную прямую.

Взаимоотношения дороги и гор завораживали девушку. Дорога никогда не спускалась к подошве — наверное, потому, что ей оттуда потом не выбраться — и не взбиралась на самую верхушку — потому что лезть вверх дураков нет, если тебе надо вперёд; вместо этого она цеплялась виноградной лозой за бок горы, изгибаясь множеством поворотов. Сейчас, конечно, всё выглядело так, будто дорога была здесь всегда, но Рину особенно интересовало, как же всё-таки та узнала правильную высоту и нужные выступы, когда её прокладывали? А вот два встретившихся туннеля совершенно не впечатлили: подумаешь, дырка в горе, так любой сможет.

Дон проснулся. Привязав Фёдора внизу, они залезли на огромный, в четыре человеческих роста, камень, нависающий над дорогой, и устроили там обед. После трапезы Рина привычно оценила состояние мужчины. Мудрость о том, что человека следует сначала напоить, накормить и уложить спать, а уж потом расспрашивать, упустила главное: требовалось ещё уловить правильное настроение. Еда и сон в этом помогали, но ничего не гарантировали.

— О чём ты думаешь? — рискнула она спросить.

— О киноцефалах. Это люди с человеческими головами, — пробормотал Дон, находясь глубоко в своих мыслях, но тут же поправился: — С пёсьими, конечно же, с пёсьими! Хотя антропоцефалы — это тоже интересная идея. Как раз об этом и размышляю: сколько головы ни меняй, от антропоморфизма не убежать. Люди воображали неведомых жителей дальних земель существами с собачьими мордами и туловищем человека, однако же пёсеголовые были одеты, пользовались инструментами, и всё остальное у них тоже было как у нас.

— Получалось придумать только уродливых людей?

— Да, но, может, в этом и заключалась задача. «Где-то там живут чужеземцы, но другие. Наверняка страшень-

кие!» А вот ты попробуй придумать существ, совсем непохожих на ближнего своего. Вообрази, например, цивилизацию кошек, а не собак, и без человеческих тел. Так и хочется нарядить их в одежду, да?

Рина вспомнила банду кошек, живущих через улицу от неё. Красота их волновала меньше всего, именно поэтому они и были прекрасны. Банда делила общее пространство вокруг дома мясника, где ей регулярно перепадала требуха. Наевшись, кошки раскладывались на земле сложными конstellациями, без труда решая задачу N тел, каждая соблюдала определённое расстояние до любой другой, отражающее степень взаимной приязни. Как была бы организована цивилизация таких животных без обществообразующего мясника, Рина не знала.

— До одежды надо дорасти, если не культурно, то хотя бы технологически. А у кошек — лапки, — заметил Дон. — Понимаешь?

— Ага.

— Вот и хорошо. А ты о чём думаешь?

— О дороге.

— Да?

— О том, как её укладывают.

— Ага. Хорошая тема, — после паузы ответил Дон.

— Да нет, ты не понял, не как они это делают, лопатами или чем ещё, а как именно находят...

— Дорога как будто живая?

— Да.

— А жизнь — удивительная.

Рина поджала губы. Всё было правильно, но это не доставляло никакого удовольствия, скорее, наоборот: ей хотелось рассказать самой, а он бы послушал и только после этого пусть понимал бы. Переживания девушки были впихнуты в несколько слов, и как выбраться из этой тесноты, было непонятно. Скажет она: «Да ты послушай!» — а потом выразит что? Что дорога — живая? Вот именно.

— Солнце ещё высоко. Если поторопимся, то почти успеем дойти до города, — сказал Дон, вставая.

— А если не поторопимся?

— Тогда тоже не дойдём, но по-другому.

Быстро собрались. Рина села на мула, Дон пошёл рядом.

— Люди с пёсьими головами — это Ккхи? — продолжила разговор девушка.

— Всё так. Они с другой планеты, и весь их мир...

— Так, подожди-подожди... Откуда?

Дон осёкся. «Девушка не видела ничего дальше соседней деревни, а ты вываливаешь на неё известие о том, что она не одинока во Вселенной», — вздохнул он про себя.

— Планета — это что? — переспросила Рина.

— Отдельный мир, как этот, — осторожно сказал Дон.

— Понятно, это как другая страна, только ещё больше, — быстро сделала вывод Рина, пока Дон обдумывал, как лучше разрешить ситуацию. Другие страны были для его спутницы так же недосыгаемы, так что какая разница?

— Умница! — с облегчением и удивлением сказал он и продолжил: — И вся их планета — одна большая пустыня. Каждый Ккхи живёт на своей территории, которую охраняет насмерть, потому что иначе не прокормиться. Того, кто проиграл битву за землю, съедают — не пропадать же добру. Рожают редко и мало — всё тот же дефицит еды, да и спариваться опасно: могут сожрать. При таком подходе каннибализм может стать проблемой, да? У одних людей-людоедов было поверье, что если съесть сердце поверженного врага, то станешь таким же храбрым, как он. Глупости, конечно, а вот у Ккхи это действительно так. Мясо поверженного врага уходит не просто на пропитание, но ещё и на то, чтобы отрастить нового Ккхи, как потерянную конечность, между ног «старого». Ккхи-ребёнок похож на «маму» и на «папу», перенимает их свойства, как и у людей. В таком случае помурить не так страшно.

— Получается, «я твою маму ел» — это ругательство?

— Нет, что ты! С каких пор родство считается оскорблением? По-человечески это будет что-то типа «мы с тобой одной крови».

— Но у нас-то попробуй сказать, что драл маму!

— Так у вас-то неравенство полов, и кто кого драл — тот и молодец. У Ккхи спаривание — обоюдно опасный процесс, а когда ты гермафродит, эмансипация не нужна. Любой Ккхи может рожать, — пояснил Дон.

— А карты им зачем?

— Потому у Ккхи появился разум, но не у всех.

— Подожди, как — потом? — удивилась Рина.

— Бог создал их неразумными, очевидно же! Я начал рассказ с сотворения мира. Маленьким Ккхи пришлось думать головой, чтобы не сожрали. Знаешь, как говорят: «Сила есть, ума не надо». Или, по другой гипотезе, они просто скушали кого-нибудь разумного и присвоили это качество себе.

— Кого?

— Ну, мало ли, залетел в гости кто. Тем не менее до сих пор по мере взросления ящера его разум отмирает за ненужностью. Людям это знакомо в виде классического конфликта отцов и детей: вторые совершенно справедливо считают, что они умнее первых.

Рина недоверчиво покосилась на Дона, но его лицо оставалось абсолютно серьёзным.

— Маленький Ккхи, пока растёт, берёт под контроль большого. Этот процесс по-нашему называется «воспитанием», и благодаря этому, например, большой Ккхи нас не сожрал. Позже маленькие спиногрызы нашли способ подольше не взрослеть и не покидать, простите, родительское гнездо, так и болтаясь там. И наконец, я просто не могу не пошутить, что Ккхи на самом деле думают тем, что у них между ног. Всё как у людей!

— Это совершенно не смешно!

— Ну нет так нет, — ответил Дон и замолчал.

— Может быть, немного смешно, — создалась Рина, решив, что Дон обиделся и не хочет продолжать. — И что дальше-то?

— А дальше они стали не самой продвинутой, но одной из самых мирных цивилизаций в галактике.

— В галактике — это где?

— В мире.

— Они же хищники и людоеды!

— Да, именно поэтому. Разуму очень не нравится быть съеденным, пусть даже и сородичами, и он выкручивается. Ккхи как торговля — вершина эволюции Ккхи как вида. В китайском трактате... — Дон покосился на Рину и добавил: — Это такая страна... В трактате «Тридцать шесть стратагем» описаны, как легко догадаться, тридцать шесть способов победить: например, такие, как «грабить во время пожара», «извлечь нечто из ничего» или «пожертвовать сливой, чтобы спасти персик». Думаю, Ккхи были бы от него в восторге! Именно этим они и занимаются: путешествуют по свету и собирают военные стратегии.

— Но ты же только что сказал, что они мирные.

— Разумные хищники, да. Они весь мир осмысливают через метафоры битвы и еды. И тебе лучше не знать, через что и каким местом действительно думают люди, — сказал Дон куда-то в сторону и замолчал.

— «Грызи знания, а не существ!» — Дон вскинул руку вверх, изображая какой-то жест и продолжил рассказ: — Иными словами, раньше они путём поедания усваивали гены, а теперь с помощью карт — мемы. Ох, долго объяснять.

— Получается, что ты проиграл? — Рина решила перевести разговор в более практическое русло. — Но ведь нет, джинн достался тебе.

— Получается, что чистая идея выигрыша и проигрыша тут не особо применима. Я же только что рассказал про их отношение к балансу «брать — давать»: тебя съедают, но за-

то ты получаешь потомство. Ккхи мне просто поддался — и проиграл.

— И каждый получил то, что хотел.

— Да. Ящера очень впечатлила твоя карта, поэтому он обменял её на джинна, можно сказать и так. «Победитель» забирает товар, «проигравший» — все карты, участвующие в «торгах». Или наоборот.

— Но вы же о чём-то спорили?

— Мы искали понятные и точные аналоги среди известных стратагем Ккхи, но не нашли. Цель торговли разве не в этом — получить то, чего нет?

— Так что же, ему так сильно понравилось кормление грудью? — смутилась девушка.

— Скорее, идея отдельного потомства или, может, заботы старшего о младшем. Большой Ккхи не воспринимает маленького как продолжение: нет мозгов. А малому надо поскорее свинтить от «инкубатора» куда-нибудь по-умному — так, чтоб не съели. Сейчас, конечно, уже никто никого не жрёт, воспитанные стали.

Всё это было довольно удивительно и требовало дальнейшего обдумывания, но у девушки оставалось ещё два вопроса:

— Откуда у разбойников Ккхи?

— Ограбили кого-нибудь.

— Кого, например?

— Я правда пока не знаю, — со вздохом произнёс Дон. — Кого-то с другой планеты, поэтому могу предположить, что тут торговцев с Ккхи не особенно много, если вообще есть, и наш ящер хотел встретиться именно с этой колодой. Это также может объяснять внезапное исчезновение эльфов: у них явно была договорённость о сотрудничестве до тех пор, пока не произойдёт встреча.

— А ты откуда с ящерами знаком?

— У меня была бурная молодость, — смущённо улыбнулся Дон и незаметно поправил на ходу кобуру.

Разговор закончился, а путь нет. Потребовалось ещё несколько часов молчания, прежде чем Дон остановился и сказал:

— Смотри.

Всё это время путешественники медленно и незаметно взбирались вверх и теперь стояли на вершине огромного холма. Дальше дорога только спускалась, продолжая всё так же петлять вокруг холмов поменьше, но постепенно местность разглаживалась, превращаясь в равнину, изрезанную паутиной дорог. В её центре виднелась огромная башня, окружённая строениями поменьше, потом — ещё меньше, потом — россыпью домиков, сливающихся на таком расстоянии в неразличимый муар, и, наконец, огромной стеной, за которой тоже находились какие-то кварталы, издали похожие на наросты плесени. «Вот он, город», — поняла Рина.

— Почти дошли, — кивнул Дон.

Девушка с удвоенной энергией ринулась в сторону города.

— Эй, стой, ты куда? Да стой ты, неугомонная! Тут ещё полдня пути, а уже темнеет. Утром неторопливо спустимся с холма, и никуда твоё счастье не уйдёт.

Утащив Рину с дороги, Дон разбил лагерь в пещере неподалёку и, чтобы как-то унять энтузиазм девушки, приказал ей собирать дрова. Вернее, попросил:

— Ты не могла бы набрать немного хвороста? — сам же отправился вглубь, прихватив с собой «светлячка» — маленький светящийся шарик.

Когда он вернулся, хоровод теней на стенах сопровождался мягким потрескиванием костра.

— Ты запачкался.

— А ты развела костёр. Посмотри, мы уже разговариваем как женатая пара: обмениваемся очевидностями.

Дон сел ближе к огню, положил полуразряженного «светлячка» заряжаться и стал осматривать повреждения. Вдоль

штанины была размазана длинная полоска красноватой грязи, но порвано ничего не было.

— Скользко и узко, — пояснил он, пододвигая ногу ближе к костру, чтобы грязь подсохла. — Как и в любой пещере. Футов триста в глубину, пустая, так что можно спать спокойно. У нас ещё инжир остался — будешь?

— Буду.

— Хорошо мула собрали, толковый у него был хозяин.

— Да? — задумчиво отозвалась девушка.

Весь этот уют на привалах Рина приписывала Дону. Любимый уже походный плащ, сделанный из неведомой шерсти, который позволял спокойно спать на земле и не впитывал росу, а утром сворачивался в тугую трубочку и убирался в свой собственный капюшон; механическое огниво, сразу производящее огонь, а не просто высекающее искры; пузырёк с неизвестным сиреневым порошком, с шипением превращающий любую воду в чистую; набор металлической посуды и котелок, вкладывающиеся друг в друга; «светлячки» — три небольших шара, разгорающиеся, если их потрясти; сушёные фрукты и вяленое мясо — всё это извлекалось Доном по мере необходимости из сумки за седлом и, возможно, вовсе не было его заслугой. Он же только пополнял запасы свежей воды и провизии в деревнях, заваривал чай из трав, разогревал деревенскую пищу и морочил голову.

Кроме того, каким-то неведомым образом Рине удавалось высыпаться в его присутствии (а вот ему, похоже, не очень), но поднимать эту тему она не решалась: ну должна же в мужчине быть какая-то загадка. Вопрос был слишком важным, а о таком говорить всегда страшно.

Всё это время украдкой следившая за Доном Рина заметила, как он стряхнул засохшую грязь и внимательно к чему-то принялся. Тут же снаружи послышался лёгкий шорох, переходящий в мягкое пошлёпывание. Дождь. Дон достал котелок и выставил его наружу, подперев камнем, а сам вы-

шел на промысел, пока ливень не набрал полную силу. Ещё через пятнадцать минут чай из чабера был готов.

«Прошедшую ночь обсуждать тоже невозможно, — думала Рина, наблюдая за приготовлениями. — С другой стороны, о чём там говорить? Он мне не отец, а эльфа я больше не увижу». Рина поучаствовала в сексуальной жизни Дона только тем, что слышала стоны эльфийки из противоположного угла, но они тоже больше не встретятся... Ах, джинн же ещё!

— Дон, а что джинн? Что мы будем с ним делать? — спросила Рина, беря протянутую ей кружку с чаем.

— Я что-то должен привезти Владу взамен карт и содрать с него комиссию, хоть это будет и нелегко. Карты я обменял на джинна, — пожал плечами Дон. — С другой стороны, по меркам Ккхи джинн скорее твой, без помощи я бы не справился. Как-то поделим. — С этими словами мужчина поднялся и насыпал узенькую дорожку соли, отрезающую вход в пещеру. — Можно спать.

Дон ещё долго сидел у костра, потягивая чай, потом помыл под дождём кружки и, вытерев руки о штанины, достал джинна. Девушка уже давно спала, поэтому не видела, как Дон провёл по «лампе» в специально отведённом месте, обозначенном для ясности пиктограммой в виде ладони, и тут же из носика повалил синеватый дым, в котором появились контуры головы. Джинн что-то говорил, а Дон долго и молча слушал, после чего скользнул рукой по лампе в обратном направлении — и всё исчезло.

Бросив короткий взгляд на Рину, он убедился, что та спит, расстегнул кобуру и достал бластер. Пристроив его к голове девушки, Дон нажал на курок.

ВХОД В ГОРОД

Вблизи город был похож на особняк гиганта, огороженный плотным недружелюбным забором, раз в десять превышающим человеческий рост, за которым мало что было видно, кроме, пожалуй, центральной башни и некоторых особо высоких построек. Вокруг — ров, заполненный водой из городского канала. Через ров перекинут небольшой мостик, ведущий к воротам, обитым железом при помощи гвоздей, шляпки которых были размером с человеческую голову.

— Э-ге-гей! — крикнул Дон, когда путники подошли к воротам.

Слева в стене открылось маленькое окошечко, в котором показалась голова в помятой фуражке.

— Чего орём?

— Нам бы в город попасть, — сказал Дон.

— Ярмарка третьего числа, — сообщила фуражка, захлопывая окошко.

— Нам не на неё! — крикнул Дон вдогонку.

Окошко снова открылось.

— Торговцы?

— Не торговцы.

— А осёл зачем?

— Путешествуем.

— Экспедиция? — недоверчиво поинтересовалась фуражка.

— Что-то вроде того.

— Руку.

— И сердце.

— Что?

— Что?

— Руку, говорю, давай сюда, юморист.

Дон протянул ладонь, как для рукопожатия, человек в окошке протяжно вздохнул, взял руку за запястье, втащил внутрь, рассмотрел её там и отпустил обратно.

— Так, а ты? — обратился он к Рине.

Проделав ту же процедуру с рукой девушки, охранник с удивлением спросил:

— Вы что, не городские?

— Не особо.

Теперь из окна высунулась не только фуражка, но и половина туловища, оказавшаяся парнем лет двадцати с заспаным лицом.

— А чего говорите, что экспедиция? Вы не геодезисты? Нет? Голову вперёд наклоните, пожалуйста. Так, хорошо, а кругом повернитесь. А теперь вы, девушка, — почему-то перешёл парень на уважительное обращение. — Так, понятно. Подождите.

Окошко закрылось, внутри что-то загремело и стихло. Через пару минут послышались шаги и два голоса. «Хвостов нет вроде», — донеслась изнутри последняя фраза диалога. Окно ещё раз открылось, и в нём показался мужчина постарше. Он придирчиво осмотрел путников и спросил:

— Кто такие?

— Путешественники, — ответил Дон.

— Цель путешествия?

— Мы ищем единорога, — подала реплику Рина, не дождавшись, пока Дон сформулирует что-то обтекаемое, в своей манере.

— Ого, туристы, что ли? — Во взгляде охранника вспыхнула радость узнавания. — Руки давайте. — К их запястьям приложили что-то мокрое — по крайней мере, Дону так показалось, — но, рассмотрев руку, он ничего необычного

не заметил. — У вас есть две недели на посещение. Не забудьте встать на учёт в отделе странцев.

— А что потом?

— Как хотите. Добро пожаловать в Новобургоградск.

Окошко в очередной раз захлопнулось. Зато дрогнули и медленно поползли вверх ворота, приоткрывшись ровно настолько, чтобы путешественники смогли свободно пройти под ними, не задев головой.

Сразу за воротами начиналась площадь — огромный полукруг свободного пространства, упирающийся вдалеке в ровную стену домов и растекающийся вглубь города десятками улиц. Площадь пустовала, спутники молча пересекли её и подошли к зданиям, которые могли бы считаться уродливыми, если рассматривать их по отдельности: большие кубоиды, похожие на буханки чёрного хлеба, они не имели ничего лишнего, и даже окна были проковыряны экономно и словно с какой-то неохотой, — но вместе дома создавали ансамбль, вызывающий трепет своей однородностью. В деревне Рины никогда не было одинаковых жилищ; даже если два брата решили построиться рядом, дома могли быть похожи, но никогда не копировали друг друга.

— Площадь Висельников, — вслух прочитал Дон табличку, — дом шесть.

С обратной стороны, во дворах, обнаружилась жизнь: двери в парадные были потрёпаны каждая по-своему и различались вывесками, росли разношёрстные газоны и стояли сараи, вокруг которых валялись остатки телег, навесов и разный прочий хлам, как будто кто-то сгрёб всё это с площади и спрятал за дома, наведя порядок и чистоту. Впрочем, людей во дворах также не было видно, не считая стайки детей, играющих в войну, и старика, ковыряющегося в хламе.

— Любезный, где мы можем тут остановиться? — поинтересовался Дон, подойдя к старику.

Тот, не оборачиваясь, махнул рукой в сторону одного из домов, продолжая разбирать что-то в куче. Здание оказа-

лось, судя по вывеске, постоянным двором. В приёмной за стойкой сидела подвядшая женщина неопределённого возраста и читала какую-то книгу, шевеля губами. Оценивающим, но не любопытным взглядом она окинула сначала Дона, потом Рину и качнула головой, утыкаясь обратно в книгу:

— Тридцать су.

— За неделю?

Женщина снова оторвалась от чтения и, не мигая, уставилась на Дона как на очень скучного и тупого человека.

— За ночь. По часам не сдаём.

— Не думаю, что мы так быстро управимся. Нам ещё мула надо куда-то пристроить.

— Мула? — В глазах женщины блеснул интерес. — Вам точно не на ночь?

— Нет, мы тут поживём какое-то время. У вас есть номер с двумя спальнями?

Хозяйка ещё раз задумчиво оценила пару. Животное никак не укладывалось у неё в голове.

— Мы не здешние, — подсказал Дон.

— Давайте, показывайте вашего мула.

Фёдор стоял на улице. При виде него в голове женщины что-то перещёлкнуло, она вернулась за стойку, проворно шевеля увесистым задом, и стала чуть более приветливой.

— Пятнадцать су. Если сразу за неделю, то пятьдесят. Мула в сарай можно. Ключ я вам дам. А вы вообще откуда?

— Ключи, — сказала Рина.

— Да, сейчас. Комната двадцать три, второй этаж, слева по коридору. И вот ещё от сарая.

— Село Ключи, — улыбнулась Рина.

— Нет, не слышала, — печально сообщила женщина. — Значит, вы деревенские. Переселяетесь в город?

— Путешествуем. Туристы, — добавила Рина.

— Надо же. К нам вообще деревенские редко заходят, разве только на ярмарку. Батя не разрешает... Да, и не забудьте встать на учёт.

— А если не вставать?

— Из города не выпустят. — Хозяйка снова взглянула на Дона как на умственно заторможенного. — Так вы с какой целью в город?

— Культурный обмен. Поесть где-нибудь можно недорого? — спросил Дон, отсчитывая пятьдесят су и протягивая их хозяйке.

— Обед с четырнадцати до шестнадцати, входит в стоимость, — тяжело вздохнув, сообщила та. — Завтракать и ужинать можете в городе.

Дон сгрёб ключи со стойки и ушёл отводить Фёдора в сарай. Хозяйка снова уткнулась в книгу.

— Вы тут одна? — спросила Рина, пытаясь быть приветливой.

— Угу, — буркнула женщина.

— Не тяжело?

— Нет, знай только простыни меняй.

Хозяйка откинулась на спинку стула, отчего тот жалобно скрипнул, положила ногу на ногу, взяла книгу, лежавшую поверх раскрытого журнала посетителей, в руки и выставила её перед собой, окончательно отгородившись от Рины. На мягкой двухцветной обложке рядом с силуэтом единорога заковыристым шрифтом залихватски завихрялось название: «Единорожки и священная гора».

МАМА РИНЫ

Фигурка единорога была тяжёлой и уютно помещалась в миниатюрной ладони девушки как орудие убийства. Рог был туповат — видимо, специально сточен, чтобы ничего ненароком не пропороть. Рина несколько раз провела по нему подушечкой пальца, ощущая приятную округлость на конце, и наконец, когда торговец отвлёкся, процарапала дерево прилавка.

— Скорее всего, потин, — оценила материал дочь кузнеца.

— Похож? — спросил Дон.

— Нет.

— А остальные?

Литьё, причём довольно грубое, но облой зашлифован достаточно хорошо. Другие фигурки выглядели, конечно, по-разному, безымянный автор старался передать характеры всех двенадцати персонажей, но это совершенно ничего не меняло по сути. Просто вместо одной формы для литья использовалась дюжина, но сам технологический процесс... Как объяснить это Дону?

— Всё не то. И потом, семнадцать су за фигурку? — Рина укоризненно посмотрела на продавца. — Правда?

— Здесь не ярмарка, чтобы торговаться, — равнодушно пожал плечами тот, — но отдам за десять. Коллекционная серия для фанатов книги. Лимитед йедишн.

— Я и не торгуюсь. За сколько вы их берёте у мастера? Су за комплект?

— У мастера? — не понял продавец. — У оптовика, что ли? Два су за фунт.

— Какого тогда чёрта вообще? — со стуком поставила она на прилавок фигурку.

— Эй, эй, — осторожно взял её за плечи Дон. — Я тебя та-кой ни разу не видел.

— А чего они халтуру гонят?! Но да, ты прав, — сказала Рина, немного успокоившись. — Дело совсем не в фигурке.

Они вышли на улицу; колокольчик, привязанный к двери, звякнул на прощание, и владелец лавки растворился в полумраке за прилавком.

— У нас кончаются деньги, — озвучила Рина то, что и так было известно. — И единороги совсем не те!

В остальном же город Рине скорее нравился. «Внушает», — сказала она. В Новобургоградске чувствовалась рука какого-то могущественного — но далеко не всемогущего — сумрачного гения, перед которым словно поставили задачу расселить семьдесят тысяч человек за неделю. Он успел, заставив всё одинаковыми коробками. Люди потом доделали и облагородили жильё где смогли: в свободных местах проросли живые дома, чуть менее квадратные, похожие на загородные особняки, а стены коробок были раскрашены в радостные цвета, но всё равно Н-ск выглядел так, словно пчёлы заняли кем-то заранее построенный для них улей.

Удивило то, что здешние жители, казалось, лишены памяти: за последние недели девушка несколько раз натыкалась на одних и тех же людей, бродивших по городу как по расписанию, и пыталась с ними здороваться, узнавая. Безуспешно. В ответ она получала в лучшем случае недоумённый взгляд, в худшем — вообще ничего.

Сегодня что-то неуловимо поменялось, прохожие начали замечать их, обращали внимание больше, чем обычно, но всё ещё не здоровались. Вернувшись в гостиницу, Рина поняла, что случилось. Их хозяйка, которую звали Софья

и которая, как выяснилось, была не владелицей постоянного двора, а всего лишь смотрительницей, приколачивала к стене рамку со вставленной под стекло вырезкой из «Наблюдателя».

— Напечатали! Напечатали! — радостно замахала она гостям, как только те вошли. — Я и вам экземпляр взяла!

Путешественники встали на учёт на следующее утро после прибытия, посетив башню. Там их расспросили о цели визита, очень тепло отреагировали на информацию о поисках единорога, чем-то посветили на запястья и поставили невидимые влажные отметки, которые быстро впитались, не оставив следов. Процедура заняла не больше пары минут.

На обратном пути Рина закупила книги, одну из которых она и видела у хозяйки.

Это была целая серия, томов двадцать, в которой автор, Бенедикт Твороговски, рассказывал о приключениях двенадцати друзей-единорожек в Заземелье. И хотя формат произведений не приёлся читателю, в целом их сюжет двигался по одному сценарию: из книги в книгу товарищи все вместе преодолевали бесконечные трудности и раз за разом приходили к выводу, что причиной не только всех их приключений, но и неизменно счастливого конца оных является неповторимая уникальность каждого из них.

Дополнительную и неожиданную глубину книгам добавляли предисловия, в которых другой, неизвестный на фоне Твороговски автор брал на себя труд ловко объяснять читателю глубокий смысл произведений. Более того, Твороговски и вовсе оказалось двое — отец и сын: первый — философ, а второй — сказочник. Сын в произведениях как бы продолжал идеи отца, и вот это уже не простые сказки, а замысловатые притчи, актуальные для всех и каждого.

Автор предисловий менялся. Или менял фамилии в каждой книге. Дон почему-то утверждал, что это был один и тот же человек, заинтересовавшись данным фактом больше, чем самими книгами. Рина же в лингвистические

тонкости не вдавалась, её занимала мудрость самих историй.

Через несколько дней, потраченных Риной на чтение взахлёб, к ним явился бойкий и немного дёрганный человек, чтобы взять интервью.

— Автор сам подписал, лично, — сообщил репортёр, суя им в руки по книге каждому и представляясь: — Марк. Марк Дент. Вот сюда, пожалуйста, встаньте, тут освещение хорошее от окна.

Марк вытащил из кармана коробочку и направил на путешественников, в ней что-то пожужжало и успокоилось.

— Можете оставить себе, — кивнул он на книги и вытащил из другого кармана блокнот. — Итак, как вы узнали про единорогов?

Рина коротко рассказала свою историю, следуя за наводящими вопросами репортёра. Услышав про поиски фигурки, Дент пощёлкал пальцами, что-то вспоминая, и выдал адрес магазина, где её можно приобрести, после чего переключил внимание на Дона. Тут же случилось странное, что заметила только Рина: интервьюер стал интервьюируемым, и вот уже сам Дент охотно отвечает на расспросы Дона, не особенно интересуясь его личностью.

Сегодня интервью было напечатано. Рина взяла со стойки журнал и, быстро пролистав, нашла там их с Доном изображение. Они стояли рядом, улыбаясь и держа в руках по экземпляру «Единорожек и даров жизни» с автографом на обложке. Вот, значит, как они вышли. Девушка поблагодарила хозяйку за журнал и принялась читать, медленно поднимаясь вверх по лестнице в номер.

«Жизнь — не сказка. Утверждать обратное было бы глупо, это скажет вам каждый, кто знаком с тяжёлой историей Новобургоградска, а знают все, ведь кто забывает уроки истории, обречён на их повторение.

Времена Бабеля оставили свой отпечаток на суровом облике нашего города, но сейчас настала пора жить полной,

счастливой жизнью. Под опытным руководством Избранного и Вице-избранного наш город с надеждой смотрит в будущее, освящённое гением Твороговски-старшего.

«Просто будь собой» — эти слова теоретика можно было бы высечь на знамени нашего города, если бы оно было. Только нетерпимость к Другому и попытки переделать всё на свой лад мешали увидеть нам эту простую, как сама жизнь, мудрость раньше: каждый человек уникален в своём неповторимом великолепии, но каждый может приносить пользу обществу, реализуя себя в объёме, не ограниченном никакими рамками и превосходящем самые смелые наши мечты.

Жизнь — не сказка, но мы рождены, чтоб сказку сделать былью, и, может, поэтому Твороговски-младший, подобрав зная, выроненное отцом из-за преждевременной кончины, развил и популяризировал его идеи в виде сказок.

«Построй счастливое общество — и люди придут» — эту простую истину доказывает тот факт, что деревенские, с которыми Новобургоградск имел в последние годы исключительно экономические отношения, дозрели до нашей культуры и побороли своё предвзятое отношение к идее самоактуализации. Возможно, пока ещё слишком оптимистично говорить, что они спят и видят, как бы влиться в наши ряды, но следующая история может стать ярким примером такого стремления.

Двое простых деревенский жителей, Рима и Дон, разбуженные убожеством своего существования...»

— Вот же пакость, — подытожила Рина, швыряя журнал на стол в номере, и громко добавила: — Какого чёрта?!

Дон уже отмокал в ванной, отгороженной плотной ширмой от остальной комнаты. Этот закуток сразу же стал его любимым местом во всём городе: горячая вода подавалась в ванну по специальным трубам в неограниченном количестве и входила в стоимость номера. «Цивилизация!» — прокомментировал Дон своё первое купание. Ри-

на же, привыкшая к бане раз в неделю, не очень понимала его страсть сидеть в ванной ежедневно по часу, хотя и оценила чисто прикладное удобство.

— Город на тебя плохо влияет, — подал Дон голос из-за ширмы. — Ругаешься как... кузнец, что ли.

— Ты знаешь, что они написали?

— Судя по всему, пакость? — предположил Дон.

— Они назвали меня Римой. И от тебя вечно никакой помощи!

— Я бы не был столь безапелляционным, хотя расстройство твоё понимаю и даже поддерживаю. Но с этим ты можешь справиться сама. Наверное, — добавил Дон голосом, полным расслабленной безмятежности.

Рина тоже решила устроиться поудобней, разулась и залезла с ногами на свою кровать.

— Что будем делать-то? — спросила она.

— А какие у нас варианты? — поинтересовался Дон.

— «Просто быть собой». Помнишь, как Соня лишилась сна из-за того, что считала себя недостаточно умной? Начала носить очки, как Док, у неё от этого всё время болела голова. А потом выяснилось, что она — всё-таки Соня, а не Док, и ей не надо быть умной, потому что любим мы её не за это, — пересказала один из поворотов сюжета Рина.

— Не помню, — честно сознался Дон. — Думаешь, у тебя что-то подобное?

— Ну, метафорически говоря. Может быть, я просто какая-то не такая?

— «Твороговски утверждал, что болезнь души возникает, когда человек проживает не свою жизнь», — процитировал Дон.

— Правда?

— Откуда же я знаю. Автор предисловия к сказке Твороговски-младшего утверждал, что Твороговски-старший утверждал так, если быть совсем точным. Не могу проверить, в библиотеку не пускают — карточка нужна.

Книжных магазинов в городе не было, их роль выполняли табачные киоски с весьма ограниченным ассортиментом свежих бестселлеров и две книжные лавки. Лавками они были буквально: широкие скамьи с книгами в Главмаге. «Твороговски? Ах, вам нужен старший. Нет, не пользуется спросом, узнайте в библиотеке».

Для библиотечной карточки уже нужно было гражданство. «Не можем же мы всем подряд книги выдавать, а если не вернёте?» Гражданство вообще было нужно на каждом шагу; это выяснялось, как только ты пытался что-то получить от города, а не просто потратить в нём деньги.

Цены в Н-ске были раз в десять выше деревенских, и запасы путешественников стремительно подходили к концу. Для устройства на любую работу опять-таки требовалось быть гражданином, хотя Софья говорила, что всевозможных вакансий много и платят хорошо, а цены такие взвинченные — для борьбы с тунеядством. Ну и, наконец, заканчивались две недели, отведённые на посещение города, хотя кто и как будет это проверять, оставалось непонятным.

— Получается, что единорог преследует меня потому, что я не живу своей жизнью? — предположила Рина.

— По мнению Твороговски. Хотя если быть совсем точным...

— Чьей же я тогда жизнью живу? — перебила Рина.

Вопрос был, конечно же, риторическим. Дон погрузился с головой в ванну, побыл там с минуту и, вынырнув обратно, сказал:

— Отца.

— В каком это смысле?

— Ну, вариантов-то немного. Или вариант А — своей, или вариант Б — не своей. Если не своей, то чьей? Смотрим по сторонам, а там и нет никого, только отец.

— Так мы же семья.

Дон с шумом нырнул ещё раз и продолжил:

— Хорошо, допустим, ты живёшь жизнью семьи. Семья — это: А — ты и Б — отец. Своей жизнью ты не живёшь, останется только вариант Б. Отец.

— Ты что же, предлагаешь бросить папу? — возмутилась Рина.

Ей не было понятно, шутит Дон или говорит серьёзно, что вообще часто случалось. Наверняка он сейчас улыбается там, за ширмой.

— Ох, пропадёт без тебя, бедный! — запричитал Дон, поднимая брызги.

— Ну да, — ответила Рина, не очень понимая повода для паясничанья.

— И сколько нашему мальчику годиков?

— Что?

— Отец, говорю, не маленький уже, проживёт как-нибудь.

Дон продолжил радостно плескаться, а девушка погрузилась в свои чувства. У неё возникло странное ощущение, что Дон наконец-то наговорил лишнего: не обидного, возможно, уместного, может быть, даже важного, — но лишнего, чего-то, что знать ей было не положено.

Быт Рины действительно целиком строился вокруг отца, и не потому, что он его так выстроил, а потому, что его надо было всячески оберегать. Бросить же папу представлялось безумной и жестокой идеей, и как только Дон мог такое сказать? Рина уже даже не возмущалась — привыкла, тем более что если сейчас попробовать на него обидеться, то он опять выкрутится — и окажется, что он ничего такого не говорил. «И ведь правда же! — сообразила девушка. — Чёрт! Сказал, что отец проживёт как-нибудь, но идея-то бросить — это я сама».

В голове что-то разматывалось, как упавший и покотившийся по полу клубок шерсти. «Конечно же, не проживёт, потому что сопётся. Сопётся, потому что никого у него нет, кроме меня. Никого у него нет, потому что мама умерла

при родах. Роды были потому, что есть я. Я есть, поэтому отец умрёт».

Волосы на затылке зашевелились вслед за стенами номера. Рина лежала на кровати, свернувшись калачиком и схватившись побелевшими пальцами правой руки за деревянный бортик, стараясь остановить раскручивающуюся внутри воронку, уносящую вниз, в холодную черноту.

Выход нашёлся тут же: «Я есть, поэтому отец не умрёт. Мы всё исправим». Меньшее, что можно сделать в данной ситуации, — искупить собственную ужасность, уменьшить её хотя бы до никчёмности. Этот выход был всегда, просто почему-то на мгновение пропал, отчего мир ненадолго пошатнулся. Но сейчас всё хорошо. Всё хорошо.

Дон неторопливо вытерся, скрипя половицами, спустил воду в ванне и переделся в свежую одежду. Выйдя из-за ширмы, он обнаружил скрюченную Рину, беззвучно хватающую воздух ртом, как выпавший из гнезда желторотик.

Девушка тут же была укутана в её любимый походный плащ и обложена со всех сторон подушками. Состояние её не менялось, Дон цокнул языком, порылся в походной сумке и выбежал из комнаты. Вернулся он через пять минут с кружкой чего-то горячего.

— Пей.

Рина безжизненно выдохнула, привстала и сделала несколько плотков. Во рту тут же начало вязать и нестерпимо горчить, отчего сразу захотелось жить — хотя бы для того, чтобы отскоблить зубами этот вкус с языка.

«Спасибо», — хотела сказать Рина и добавить: «А что это?» — но горло свело спазмом, и вместо слов из него полилась чёрная слизь вперемежку с кашлем. Запаниковав, что испачкает всю постель, Рина перекинулась через край кровати и зашлась лаем, наблюдая, как слизь нитями отрывается ото рта и растекается по полу.

Рина кашляла и кашляла, а слизь всё не кончалась. Грудь заболела от напряжения, в висках глухо давило. Наконец де-

вухка сплюнула последние остатки и, обессиленная, положила голову Дону на колени.

— Я убила маму.

Скрывать это от Дона дальше не имело смысла: они достаточно долго путешествуют вместе, чтобы он наконец-то узнал, с кем связался. Рина говорила, тихо, медленно, и боль в груди отпускала, а Дон гладил её по голове и молча слушал. Выговорившись, она начала ждать приговора. «На всё воля Бати, не бери на себя», — было лучшим, что стоило желать в данной ситуации, именно так в своё время ответил деревенский батюшка, когда Рина попробовала поделиться с ним своими тёмными мыслями. Ответил поспешно, особо не вникая и уж точно не глядя по голове во избежание плотских соблазнов. Мысль девушки начала крутиться вокруг отпущения грехов, сама идея которого выглядела слишком хорошо, чтобы быть правдой: достаточно было раз в неделю перечислить все проступки — и ты чист до следующего воскресенья.

— Ты, разумеется, ни в чём не виновата, потому что не могла контролировать собственное рождение, — сказал Дон. — Но это ещё не всё. «Вскармливание». Что-то не сходится. Помнишь карту Ккхи, где мама кормит тебя грудью? На карту можно нанести только переваренный опыт.

— Что ты имеешь в виду?

— Это было больше одного раза и продолжалось какое-то время. Например, год.

«Может, кормилица?» — подумала Рина и попыталась что-то вспомнить, но в голове было пусто. Как-то же она выжила — значит, кто-то её кормил? В памяти всплывал только стол. Девочка могла часами изучать многочисленные зарубки и царапины на досках и елозить в щелях между ними обратной стороной ложки, лишь бы не есть эту безвкусную баланду отца. Значит, она уже умела держать ложку. Сколько ей было? Год? Два?

«Дело, конечно же, не в еде», — сообразила Рина попыталась вспомнить ощущение, которое она перенесла на карту. Теплота. Спокойствие. Что-то окутывающее со всех сторон — как походный плащ из волшебной шерсти. Когда оно было? Да никогда. Всегда было холодно, не считая редких летних недель, когда отец пропадал в кузнице из-за обилия заказов — горячая пора — и почти не пил. Тогда можно было греться на солнце и ничего не делать.

Уже осенью становилось тоскливо и пусто, начиная с той первой, когда набежала толпа, не разуваясь, заноса в избушку на подошвах комья липкой грязи. Рина заблудилась в ногах, как в лесу. Обходя её, как досадное препятствие, люди сновали туда-сюда в тревожной суете, потом затихли и умолкли. «Несут!»

Толпа расступилась, дверь подпёрли чем-то тяжёлым и так и оставили, впуская уличный холод. Вслед за холодом внесли большой красный ящик и поставили на скамью. Начали что-то говорить, говорить, подходя к ящику по очереди, освобождая место для других. Течение людей вынесло девочку в центр комнаты. В ящике лежало застуженное и уже мёртвое тепло, со сложенными на груди руками, под которые был подсунут свёрток с трупом младенца.

Хоровод завершил круг, четверо мужчин подхватили ящик и вынесли его из избы, толпа засемила следом.

— Тут стой, — послышался голос отца откуда-то сверху, как приказ собаке. — Жди.

Все ушли, и Рина осталась одна.

ИЗГНАНИЕ

— Я вытру, — встрепенулась Рина, вырвалась из объятий Дона и попыталась подняться.

— Лежи, лежи, уже высохло, — успокаивающе сказал Дон, закутывая её обратно в плащ.

Рина вяло запротестовала и привстала, чтобы получше рассмотреть весь тот безобразный беспорядок, который она тут устроила, но пол был совершенно чист, не считая нескольких прозрачных лужиц слёз.

Следующие три дня она провалялась в бреду. Дон то пропадал, то появлялся, приносил еду и питьё, поправлял подушки и вёл себя как мать родная. Ещё два дня у неё в душе происходило непонятное брожение и царил полный раздраз. Что делать дальше, было совершенно непонятно. Стали зарождаться вопросы к отцу, которые начинались со слов «Какого чёрта?..», но дальше этого пока не шли. Конечно, он никогда ничего определённого не говорил (как и Дон, например): мол, так и так, виновата во всём ты, — но при упоминании жены мрачнел, зыркал на Рину и, обронив: «Умерла при родах», — замолкал. Возможно, Рина просто была наивна, думая, что это были её роды, но он её наивностью пользовался, пользовался, пользовался.

Разумеется, Рина не могла не видеть, как живут другие дети. По крайней мере, им не приходилось дважды в неделю искать отца по всей деревне, заглядывая в каждую канаву, и потом тащить домой переулками, стараясь не попадаться на глаза людям и утаить позор. Не приходилось им

и готовить, и прибираться, но кто-то же должен был это делать, пока отец мастерит в кузнице. Работы у него было мало, по часу в день, но она всегда имелась: папа брал дешевле, чем другой кузнец, но делал хуже, а кто будет присматриваться? Не приходилось им и утешать отца, когда тот вечерами жаловался на жизнь, но кто виноват, что у него не было жены? Кто виноват?

Захотелось обратно, в родную деревню, чтобы выяснить у отца всё. Что это за «всё» и как оно хоть что-то поменяет, было пока не особо понятно. Раз за разом Рина прокручивала диалог в голове, всеми мыслимыми и немыслимыми способами, пробуя все варианты, но не находила ни одного, который принёс бы утешение. В покаяние она не верила: каяться отец умел так изощрённо, что адресат смущался, поднимал папу с колен и чувствовал себя отвратительно и мерзко, как человек, в гневе прибивший котёнка. В конце концов Рина решила, что лучшим наказанием будет просто не торопиться домой. Пусть отец побудет один. Дон прав: проживёт как-нибудь.

Кроме того, в этом городе определённо что-то есть. Хотела единорогов — получила единорогов, не могло же это быть простым совпадением! Город обещал новую жизнь, в которой наконец-то можно «быть собой», что бы это ни значило.

И правда ведь обещал. В небольших брошюрах, выданных при постановке на учёт, значилось, что «бытие собой» — это не пустой лозунг, а лейтмотив существования города, поддерживаемый в том числе и экономически.

Сначала — при получении гражданства или по достижении совершеннолетия — гражданин всячески тестируется на предмет ведущих качеств личности, после чего город подбирает ему работу, раскрывающую эти лучшие стороны в полной мере. Оплата труда осуществляется по табелю, общему на всех, мотивирующему людей развиваться и обеспечивающему чувство справедливости. Ценится

не сама должность, а то, как высоко работник в ней продвинулся: мало ли какие таланты на судьбе написаны, и было бы негуманно платить за уникальность каждого по-разному, а вот разряды в любимой профессии человек мог набирать уже сам, через самосовершенствование. Так, например, уборщица третьего уровня и руководитель третьего уровня оплачиваются одинаково.

Кроме города, был ещё Дон. Пока Рина с ним — всё хорошо. Он сказал, что она ему нравится, и единорог был в его избушке... И если их объединить...

— Давай тут останемся? — предложила Рина, сладко потягиваясь в постели, когда Дон в очередной раз сходил к Софье и принёс сегодняшний обед.

— Через два дня заканчивается срок пребывания. Сказки прочитаны. Выводы сделаны? Или тебе нужно ещё время?

— Нет, ты не понял. Давай останемся. Тут. Получим гражданство, устроимся на работу. Будем жить в Новобургоградске. Попробуем быть собой.

— Жить-поживать и добра наживать? Так, и почему «мы»?

— Ой, ты же знаешь. Я с тобой хорошо сплю, — лукаво улыбнулась она.

— Нет, подруга, мы так не договаривались, — хмыкнул Дон в ответ. — Каждое приключение имеет начало, кульминацию и конец. Моё заканчивается на полатах в избушке в лесу. Но ты-то, конечно, будь собой. Если для этого тебе нужно остаться в городе ещё на какое-то время, то можно получить гражданство. Софья говорит, что это чистая формальность.

Процедура получения гражданства Рине понравилась — ещё никто и никогда не интересовался ей настолько подробно и дотошно. На девушку было заведено целое дело! Сначала приветливая женщина просто расспрашивала её о жизни, быстро что-то отстукивая на корбочке с кнопками, а потом дала пачку листов с кучей неожиданных вопросов.

В конце труд по заполнению анкет был вознаграждён сполна: женщина улыбнулась Рине и торжественно сообщила, что счастлива выдать ей гражданство, и вообще городу нужно побольше таких людей, потому что главными качествами девушки являются её несомненная доброта, желание заботиться о других людях, а также ответственность и аккуратность. По телу Рины от щёк до пят разлилось приятное тепло, она опустила глаза в пол и сидела, прислушиваясь к ощущениям.

Оставался последний шаг — подписать согласие, что Рина сделала не читая. Чиновница подшила последнюю бумажку в дело и тут же быстрым шлепком поставила невидимую печать на запястье Рины.

— Поздравляю с почётным званием гражданина! — просяла чиновница. — Вот купон на дотацию, пройдите в триста первый кабинет и получите там девяносто восемь су и справку о получении. У вас есть три дня, чтобы найти жильё и оформить бумагу о вселении. Постарайтесь уложиться в пятьдесят су. Район у канала в этом сезоне недорогой. Потом — снова ко мне, подыщем вам работу мечты.

— Мечты? Ой, даже так? — улыбнулась Рина.

— Ну конечно же. Наша цель — помогать каждому на пути их самоактуализации. Человек счастлив, когда развивает свою Самость, а где это ещё делать, если не в каждодневном труде на работе, которая подходит именно вам? Лучиков добра!

Закончив, Рина отправилась искать Дона. В башне им пришлось разделиться. Постановка на учёт в качестве туристов происходила скопом в 932-м кабинете («У — учёт»), тогда им просто проштамповали руки и тут же отпустили. Сейчас же, согласно огромному табло на первом этаже, испещрённому многочисленными правками, Рине следовало явиться в кабинет 926, на девятом этаже, а Дону — в 713-й, на седьмом, «согласно первым буквам имени, прозвища или другого основного наименования субъекта».

Девушка сбегала на седьмой этаж, потом на третий, подумав, что Дон тоже пошёл получать дотацию, вернулась на девятый и снова спустилась обратно, решив ждать там. Не могут же они потеряться в башне!

Наконец дверь кабинета открылась, и Рина увидела, как Дона выводят под локти двое суровых мужчин в штатской одежде, а следом выходит третий, положив руку ему на плечо.

— Что случилось?

— Я провалил формальную процедуру, — улыбнулся Дон. — Мул тебе не нужен?

— Подожди, какой мул?

— Тебе его негде будет поселить! У меня есть пять минут? — обратился Дон к одному из мужчин. — Мне надо поговорить с девушкой.

— Говорите так, — ответил тот, не отпуская рук.

— Вещи-то хоть можно забрать? Они в гостинице.

— Можно.

— Что происходит? — испугалась Рина.

— Предписано незамедлительно покинуть город, — проинформировал охранник.

— А мне что?

— Руку давайте.

Мужчина отстегнул от пояса палку с матовым набалдашником и посветил ей на запястье Риной. Подобные штуки она часто видела у мужчин в городе, но считала их модным аксессуаром, типа трости.

— Вы гражданин первой категории. Вам вообще за пределы города выходить противопоказано.

— Как?

— Вот так. Обратитесь к своему куратору.

До постоянного двора все шли обычным шагом, и со стороны их процессия, вероятно, была похожа на дружную обнимающуюся компанию мужчин и свободную девушку рядом. В гостинице удалось договориться о пяти минутах

уединения. «Облегчиться-то хоть на дорожку сходить дадите?» Охранники придирчиво осмотрели туалет, по очереди померили окошко и пришли к выводу, что если их головы туда не проходят, то конвоируемого — и подавно. Под удивлённые взгляды Дон с Риной заперлись там вдвоём.

Дон расстегнул пояс, снял кобуру, проверил заряд и сказал:

— Значит, так, смотри. Это звуковой нейромодулятор.

— Дон, подожди, что вообще дальше? — взволнованно спросила Рина.

— Дальше ты, видимо, будешь в городе, а я к тебе потом как-нибудь приду. Не знаю, сколько это займёт времени, поэтому не отвлекайся, пожалуйста. Смотри, вот курок, вот предохранитель. У предохранителя три положения: заблокирован, смерть, паралич. Не перепутай, до упора — паралич, а не смерть. На людей не направляй. На животных тоже не направляй. Ни на кого не направляй. Носи на предохранителе. Здесь выбор цели.

Дон что-то выдвинул, и на модуляторе появилась невидимая до этого светящаяся картинка. Реагируя на движения пальцем, она стала плавать, меняя контуры от осьминога до чего-то птицеобразного и, наконец, двуногого без перьев.

— Тебе нужен лемур, третий вправо после человека. Вот — человек. Вот — лемур. Запоминай: лемур и смерть. Впрочем, давай я просто в этом положении заблокирую, но ты проверяй.

— Подожди, ты же можешь того, — шёпотом предложила Рина, кивнув на дверь, выставив указательный палец вперёд и подняв большой вверх. — Пиф-паф! Смерть лемурам!

— Не думаю, что город после этого захочет нас видеть. Ты же собиралась тут остаться?

— Да, но...

— Вот и оставайся, а я к тебе вернусь. Главное сейчас — дослушай. Если выбрать «смерть лемурам» и выстрелить се-

бе в голову, то через пару минут крепко уснёшь. Я использовал лемура и паралич, когда ты уже спала; так он не усыпляет сам, но делает наступивший сон более глубоким.

— То есть ты?..

В животе Рины что-то оборвалось. Вся разгадка оказалась в этой маленькой штуке, висевшей у него на поясе. «А я-то думала!» Что именно она думала, Рина всё это время предпочитала не формулировать, но её смутные ощущения оставляли много простора для чего-то мистического, может быть, даже судьбоносного, будто бы их свела некоторая неслучайность, и вот необъяснимое доказательство: он царствовал над её снами.

— Да, нейромодулятором постарайся не злоупотреблять. Используй только в качестве крайней меры, возможны потери памяти, — донеслось как из-под пухового одеяла.

— И ты, получается, тыкал мне в голову этой штукой, рискуя моей памятью? — прошептала Рина.

— Возможны! Я использовал более слабый режим, — терпеливо объяснил Дон. — Ты тоже можешь; секрет в том, чтобы делать это, пока спишь. Стоит попробовать, когда только-только проснулась от кошмара, но я не уверен. Можешь кого-нибудь попросить, но смотри, кому доверяешь. А теперь — прощай! — сказал Дон, открывая дверь и выходя из туалета.

«Смотри, кому доверяешь!» Рина дошла до кровати, осела на неё, никак не отреагировав на прощание.

— Прощай и ты, Софья! — театрально воскликнул Дон, спускаясь с конвоем вниз и проходя мимо стойки. Хозяйка куда-то исчезла, как и вырезка из «Наблюдателя», висевшая на стене ещё этим утром.

Тут же наступило звенящее спокойствие, и оборванная штучка в животе пропала, куда-то закатившись. «По сути, ничего страшного же не произошло», — сказала девушка сама себе. Дон опять встрял в какую-то загадочную историю,

что её уже совершенно не удивляло, но на этот раз не втянул Рину. «Проживём и без него», — подумала она почему-то во множественном числе.

Откровение с бластером? Что ж, может, так и лучше. Жизнь всё-таки не сказка, а Дон — всего лишь человек. Да и какая разница? Штука, можно сказать, магическая; усыплай он её пассами, собственным природным магнетизмом или нейромодулятором — в чём отличие-то? Тем более что бластер сейчас в её руках.

Модулятор будоражил, но как-то возбуждающе, девяносто восемь су приятно грели карман. Мысль о работе мечты вызывала любопытство, поэтому Рина поспешила сначала в магазин готового платья, а потом в район канала — присматривать жильё. Выходить из города почему-то было «противопоказано», но пока и не очень-то хотелось; к тому же у этого наверняка есть разумное объяснение — например, чтобы не разбежались с дотацией, деньги-то немалые по деревенским меркам.

Сняв временно небольшую комнатку — «Потом подыщу что-нибудь получше» — и получив у хозяина справку о вселении, свою первую гражданскую ночь она провела уже там. Заснуть не получалось, терзали всевозможные предчувствия, главным образом сладкие. Под утро она забылась липким сном усталости, в котором всё-таки явился единорог, но так смазанно, мутно, без пугающей кристальной чистоты кошмаров, что она даже и не проснулась. Не получилось проснуться и утром, несмотря на многолетнюю привычку. Продрала глаза она только к обеду, вспомнив Дона нехорошими словами. «И как он вообще так поздно встаёт?» Голова была ватной и казалась на несколько размеров больше, чем обычно.

Работу подобрали в тот же день. В башне похвалили за расторопность и аккуратность — не стала тянуть с визитом, но дело было в другом: Рине просто не терпелось начать новую жизнь. Выходить на должность можно было хоть

завтра. Остаток дня прошёл в прогулках по городу, девушка вымоталась, но заснуть снова не получалось.

«Настала ли пора крайних мер?» — думала Рина, вытаскивая нейромодулятор. С одной стороны, завтра первый день на работе, большая ответственность. С другой — потеря памяти, но не гарантированная. Но что она может забыть такого? Отца? Дона? Смерть мамы? Единорога? Своё имя? На всякий случай Рина переложила пропуск и бумаги о распределении на самое видное место в комнате, уж на работу она выйдет.

ДЖИНН

— Если бы у тебя был джинн, какие три желания ты попросила бы? — поинтересовался он.

Они лежали на спине в стог сена рядом друг с другом. Он был гол по пояс, а на ней был лёгкий сарафан. Она пожёвывала сухую травинку, вытащенную наугад из кучи.

— Интересный вопрос. Я бы даже сказала — неожиданный. Зачем спрашиваешь?

— Провожу опрос общественного мнения.

— И многих опросил?

— Тебя первую. Мне только женские мнения интересны.

— А что так?

— Пытаюсь убедительно представить девушку.

Она цокнула языком. Её новый знакомый зажмурился, потряс головой и снова открыл глаза. Сарафан превратился в ночную рубашку, стог сена стал кроватью в углу комнаты, а травинка обернулась зубочисткой, подобранной на кухне во время кратковременной вылазки из постели за кусочками цыплятины в остром соусе, благо что тянуться далеко не требовалось: плита находилась тут же, в шести футах. Полуподвальная комната на окраине города — это всё, что она могла себе позволить на свою зарплату. Могла ли она себе позволить его визиты? Вопрос оставался открытым, но подумает она об этом потом.

Мушер прибил к ней, как бродячий пёс, в одном из переулков города. Она шла с работы и тащила домой охапку жёлтых нарциссов, купленных на ярмарке.

— Какие ужасные цветы, — зашёл он с козырей, выхватывая букет и бросая его в канаву.

Удивлённая таким хамством, на следующее утро девушка проснулась не одна. Секс был неплох и определённо стоил потерянного букета.

Постепенно отношения становились более тёплыми, что было неизбежно: за телесной близостью следовала и душевная, которая, однако, дальше ни по одному из традиционных сценариев не развивалась. Не было разговоров ни о том, чтобы съехаться или хотя бы видаться чаще, ни о том, чтобы расстаться.

— А тебе это зачем? — спросила она.

— Смотри, мы убьём двух зайцев: ты расскажешь, что делала бы с джинном, а я не только получу пищу для размышлений, но и узнаю тебя ещё чуть ближе. Вроде как и поговорили.

— Так а тебе-то что с того?

— Вот нудная. Сказку сочиняю. Женский персонаж сталкивается с джинном и загадывает себе пони. И ещё две вещи. Какие?

— Ты не говорил, что пишешь.

— Я много чего не говорил, но не отвлекайся на меня, давай про джинна.

— Ничего не попросила бы, — без раздумий ответила она.

— Ответ принимается. А почему?

— Не верю в халяву. И вообще, с желаниями надо поосторожней. У меня уже бывало, что сначала чего-то долго хочешь, а потом это сбывается, но так, что лучше бы и не загадывала.

— Сказка, выходит, про это. «Халявы не бывает».

— Да, за всё приходится расплачиваться.

— Убедительно. Доходчиво. Опять-таки мораль в конце. Общественность такое любит. Тем более надо что-то попросить, потому что «нашла девочка джинна, но ничего не пожелала» на сказку не тянет.

— Ты же про меня хотел узнать?

— Да, понятно, ты уже тёртый калач.

— Но я могу поинтересоваться у подруги.

Какое-то время лежали молча. Оказывается, он ещё и сказку пишет. Они были знакомы совсем недолго, но её не покидало чувство какого-то несоответствия. Люди украшивают или хотя бы стараются понравиться, этот же — скрытный, совсем не хвастается и не рассказывает, чем занимается.

— Ладно, — сказал он, словно подводя итог каким-то своим мыслям, — а тебе не любопытно, почему халавы не бывает? Есть джинн. Есть три желания. Кругом сказка. Если пофантазировать, то чудо может и быть, не?

— А подвох тогда в чём?

— Вот, это уже интересный вопрос, молодец. Джинн может выполнить желание неправильно. Бывают, например, нехорошие джинны — это самое примитивное объяснение, просто «злой джинн». Но что делает его злым? Никто не думает о джинне, — тяжело вздохнул он, глядя в потолок. — А если предположить, что это персонаж? То есть, конечно, персонаж, но допустим, что он ещё и личность.

— И с ним можно разговаривать?

— Вообще-то, всегда можно было, но кому интересна тонкая душевная организация джинна? Всем давай и давай.

— Тогда я бы с ним договорилась. Он сделает всё правильно, а я его отпускаю.

— И конечно, ты была бы первой, кому это пришло в голову!

— Ну, наверное, нет, но я бы точно освободила.

— И он бы тебе поверил?

— Да.

— И ты ему?

— Конечно.

— Так ты у нас не просто тёртый калач, а доверчивый тёртый калач. Это объясняет натёртость.

Она картинно насупилась, хотя его манера подшучивать ей, пожалуй, даже нравилась.

— А что не так-то?

— У тебя нет никаких способов повлиять на джинна. Никаких «если ты меня обманешь, то». У него, возможно, есть мотив тебе верить, так как в конце можно получить свободу. Но, может, люди только и делают, что обещают, и джинны делятся не на плохих и хороших, а на опытных и неопытных. Разные «добрые» просто лежали где-нибудь на дне океанов в своих лампах и мало видели людей. «Злые» же так долго выполняют желания, что знают о том, что «халявы не бывает» — для них.

— Но я бы и правда отпустила.

— Да-да, все вы так говорите, — отмахнулся он. — Во-первых, джинн этого не знает, а рычагов давления на тебя у него тоже нет. Во-вторых, предположим, что джинн наивен и у тебя есть минимум два добросовестных желания, а потом возможность передать джинна, например, подруге. Или продать.

— Как-то же можно договориться.

— Если с джиннами вообще можно договориться. Если у них есть человеческие качества типа честности или расчётливости. А если нет? Вдруг они совершенно нечеловечны даже в области морали. «Джинн злой, потому что злой, и всё тут!» Или, например, его мотивы не описываются людскими понятиями — поэтому, конечно, было бы любопытно раскрыть их в сказке. Но в любом случае если джинн нечеловечен, то девушке не повезло. Если человекен, то опять не повезло.

— И что делать?

— Думаю, что джинн — вещь в себе. Если ввязываться с ним в сложные психологические игры, то это другая сказка получится, про загадки Сфинкса.

— А ты пишешь именно про джинна?

— Про глупую девочку эта сказка, я же говорю. Но если девочка решит поиграть с джинном в загадки, то он превратится в Сфинкса, как его ни называй. Так что, думаю, здесь тупик. Предположим, с джинном можно разговаривать, но нельзя договориться. Вместо этого мы можем поразмышлять, например, почему джинн сидит в лампе и исполняет желания.

Оба задумались.

— Наказание? — предположила она.

— Да, это популярный мотив. «А чего ты тут сидишь?» — «Посадили». Я думал так: джинны — могущественная инопланетная раса...

— Подожди, это же сказка.

— Кто же в наше время пишет простые сказки?

— Да, действительно.

— Раса, которая воевала с другой, джинны проиграли, а так как они были агрессорами, их заключили в «лампы» и раздали жертвам в качестве репараций. Точный ущерб сложно было подсчитать, поэтому каждый оценивал персональный, и предполагалось, что когда-то джинн будет отпущен. Первое желание — основное, второе — корректирующее, третье — свобода. Ну и всё, о чём мы уже говорили: другая мораль, людям не понять; но какая-то часть бедняг попала в руки человечеству, чего вообще не планировалось, а люди... ну, сама понимаешь. И пошла линия про «джинны не злые, но опытные».

— То есть девочка встречается с инопланетянами?

— Это эпическая сказка. В ней девочка идёт по дороге из жёлтого кирпича в изумрудный город и с кем-то встречается.

— И что потом?

— Конечно, давай я тебе сейчас всю сказку расскажу!

— Давай!

— В любом случае «раб лампы» — богатая тема про огра-

ничество всемогущества. То, откуда оно взялось — например, «наказание», — не так важно.

— Мне интересно. Можно описать историю джинна до того, как он встретился с девушкой. Даже до того, как он попал в лампу. Пусть она вообще не знает, что он джинн.

— Хм. Вот так живёшь с человеком, живёшь и не подозреваешь, а он — всемогущ. И не сознаётся. Кстати, название «джинн» произошло от арабского слова «скрытый». Совпадение?

— Какого? Арабского?

— Совершенно непонятно, как писать сказку про мир, в котором есть джинны, но нет арабов, — заметил он в сторону. — Твоя идея хорошая, но роль джинна в жизни девушки переоценена. Сказка не про него, а про неё. С другой стороны, романтическая история простой смертной и джинна? Это уже что-то греческое. Экатль и Майяуэль.

Он потрянул головой и продолжил:

— Нет, всё-таки джинн — второстепенный персонаж, хоть и условно всемогущий. Вот у меня была ещё одна мысль про «злых» джиннов. Есть особая форма забастовки, когда трудящиеся начинают досконально исполнять свои должностные инструкции. Работа, естественно, буксует, и не только потому, что жизнь гораздо сложнее любых правил, но ещё и оттого, что указания можно очень творчески воспринимать.

— То есть джинн бастует?

— Да, против мироустройства, если посмотреть на это широко. Ницшеанский такой джинн. Сверхджинн. Или... фаустовский? Ну или так: джинн не может ничего сделать сам и обязан повиноваться. Выполнить всё буквально, как попросили — его способ одновременно и подчиниться, и проявить свою волю. Единственная лазейка, чтобы «побыть собой», прости за пафос. Единственно возможный в данных условиях способ самоактуализации.

— Он так вредничает, получается?

— Конечно. Посиди в лампе тысячу лет без возможности что-то сделать! Ох, не знаю, правда, смогу ли я описать такой размах джинновой личности.

Он замолчал, вздохнул и потянулся к ней, она предвосхитила его желание и пододвинулась ближе.

ГОРАРХ

На следующее утро Рита долго разглядывала тарелку с пятью кунжутными семечками, приклеенными к дну засохшими остатками соуса. Привычная схема «поела — помыла», крепко усвоенная с детства, дала сбой; теперь тарелку недостаточно будет просто сполоснуть, надо немного потереть. Вчера ей было не до этого, Мушер каждый раз создавал вокруг себя какой-то пузырь, отключающий на несколько часов от реальности и нарушающий существующий порядок вещей. «Не от мира сего» — эта характеристика всегда носила шуточный и пренебрежительный оттенок, но как всерьёз можно назвать человека, который не очень вписывается в существующий порядок вещей? Рита называла его про себя «немного инопланетянином», снимая таким образом примат «сего» мира над миром «тем».

Мысль о том, что её любовник пишет сказку, поутру уже не казалась столь удивительной: язык у него в любом случае был хорошо подвешен, почему бы не пустить его в дело ещё и таким способом? Остальные Рите были известны — она снова с улыбкой вспомнила вчерашнюю ночь, но быстро одёрнула себя и принялась мыть тарелку.

Ещё полчаса потребовалось на то, чтобы привести себя в порядок, и вот уже девушка идёт на работу привычным маршрутом: сначала надо спуститься с небольшого холма, утыканного малоэтажными домиками, как пенё грибами (в одном из них Рита и снимает комнату), затем — десять

минут по улице вдоль канала, где дома стоят реже и почти все — на высоких фундаментах; весной вода часто выходит из берегов, и тогда спускаться с холма приходится с другой стороны, этот крюк отнимает ещё двадцать минут.

Потом — мост и проходная, разделяющая два района, по ту и другую сторону канала. При сильном желании его можно преодолеть в любом месте, если не боишься промокнуть, но никакого смысла в этом нет: шлагбаум на проходной постоянно поднят, и дед в будке всегда спит, ест или коптит в жестянке какую-то заканальную вонючую дрянь.

Рите, разумеется, не туда, поэтому ей никогда не удавалось рассмотреть деда получше. Дойдя до моста, девушке надо повернуть направо, на дорогу, ведущую к центру. Здесь дома такие, что на них уже можно смело любоваться, а не просто со скуки считать ветки в канале.

В центре — совсем уже огромные офисные здания, этажей в пять. Рита вспомнила, как после переезда она впервые проделала этот путь, и он показался ей очень длинным, но с каждым повторением словно затирался, становился всё короче или быстрее; дорога поселилась внутри девушки и стала незаметной частью каждого дня.

Приближаясь к работе, она ещё раз вспомнила про Мушера. Сказку, значит, пишет. Это уже что-то понятное, раньше на вопросы о роде занятий он отшучивался, упоминая какую-то прикладную семиотику, дело наверняка выдуманное, как его ни прикладывай. По крайней мере, в каталоге профессий ничего подобного не значилось.

Назначение же Риты являлось по-настоящему полезным: она была младшим каталогизатором в Горархе, что, в свою очередь, вызывало ехидство Мушера, но это, вероятно, ничего не значило. Желчи в нём было так много, что каждый раз реагировать на его колкости всерьёз девушка просто устала. Тем не менее, когда разговор касался работы, любовник почему-то упорно называл её «писарем», что было в корне неверно: Рита ничего не писала (для этого

есть фотокопир), а только прикладывала одну бумажку к другой, подшивала их и отправляла по пневмопочте дальше.

У входа в архив — опять проходная, которая обычно не работает, как и везде, но почему-то сегодня там оказался новый старый вахтёр. Он вдруг подскочил на стуле и настороженно поинтересовался:

— Девушка, а вы куда?

Рита протянула пропуск, не успевший ещё выцвести от бесконечного ношения в кармане. Дедок подслеповато сощурился, пытаясь разобрать рукописный текст на ламинированном бланке, потом спросил:

— Рина? Рима?

— Рита, — поправила девушка и получила документ обратно, бросив на него быстрый взгляд: на месте третьей буквы стояла размашистая закорючка, трактовать которую, если ты слепой дед, можно по-разному.

Татьяна была уже на работе. В комнате — два окна стандартного размера, три на два фута, почтовая станция и шесть столов, расставленных как точки на костяшках домино, но заняты только два, её и Танькин; их юнит, отдел Щ, оставался недоукомплектованным, и приходилось работать за шестерых. К счастью, напарница была девушкой очень крупной, поэтому помещение выглядело не так сиротливо, а отдел — почти полным. Таньки было много, она комментировала каждое своё действие и разговаривала с вещами, то есть вела себя как запертый надолго в одиночестве человек, пытающийся не сойти с ума.

Формального запрета на болтовню не было, но едва Рита открыла рот, в комнату заглянул Каштанов, их руководитель, лицо которого выглядело будто вырубленное из дерева изваяние, причём вырубленное с особым отвращением. Кто-то не пожалел полена — и вышел человек. Он молча посмотрел на девушек, и от одного его вида желание общаться у Риты тут же пропало. Татьяну же это не особенно трево-

жило: похоже, ей было всё равно, с кем разговаривать, а молчать она не могла.

На обеде Татьяна оживилась ещё больше и, как попугай, выпущенный из клетки, начала интересоваться окружающим миром, заново заметив Риту.

— Ююба подорожала, — сообщила она подруге сквозь набитый рот, откусив и пережёвывая буррито.

В образовавшейся брешу появилось несколько бобов, которые принялись тихонько съезжать вниз, пытаясь незаметно выпасть из лепёшки.

— С двух до двух с половиной, представляешь?

Рита кивнула, не отрывая взгляда от бобов. Ещё немного!

— Была вчера на рынке, — доверительно сообщила Танька, делая второй укус и лишая бобы малейшего шанса на спасение, — а она уже два с половиной.

Теперь в дыре показался кусочек мяса, достаточно длинный, шершавый и почти не скользящий в соусе; он совершенно не стремился выпасть.

— И набережную перекопали, — тем же тоном крайней озабоченности продолжала Татьяна. — Хотела там на скамейке посидеть, ююбу погрызть, но нет.

— С рынка шла? — поддержала беседу Рита, заворожённо глядя на исчезающий буррито.

Обедали они через дорогу, в заведении без вывески, крохотном, стульев на пять, вход в которое был хорошо скрыт во дворе, с обратной стороны здания, поэтому часто случалось, что всю стойку занимали только они. Хозяин, приветливый смуглокожий мужчина в чалме, которую он никогда не снимал, как бы жарко ни было на кухне, отличался гостеприимством, но также обладал и немалой практичностью: все блюда в меню готовились быстро, не требовали особой сервировки, съедались целиком, не оставляли после себя лишнего мусора и прекрасно поглощались полустоя. Зачем прятать такие таланты, Рита не понимала.

Потайной вход показала, конечно же, Татьяна, ещё в первый день их знакомства. Рита только-только пришла с распределения и ещё не успела освоиться, как наступил обед, и: «Тут рядом есть хорошее место, где пожрать можно, давай покажу».

Наверное, они подружились. Танька собирала и приносила все новости города, важность которых Рита часто не могла оценить и как-то сопоставить с собой. Жизнь подруги была полна захватывающих изменений, вроде колебаний цен и погоды, и являла собой ответ на вопрос «Чего нового?».

Дорога домой занимала минут на двадцать больше: первую половину пути в голове девушки разбухала и кучерявилась вата, застилавшая собой окружающую действительность, — так, должно быть, чувствуют себя медведи в первые дни после спячки. Рита брела медленно, а на улице так же медленно темнело.

Где-то на середине пути стояло несколько её любимых частных домов чиновников; построенные недавно, на семью-две, они не выглядели убогими кубическими конструкциями, как в центре, но и отпечатка нужды, как самодельные дома в её районе, тоже не несли. Тут девушка опять замедляла шаг, но уже с удовольствием, словно стараясь компенсировать ту часть пути, которую она проходила в бессознательном состоянии.

На ужин — та же цыплятина, местная рыба со вкусом курицы, тушка которой была выпотрошена вчера и уложена во фрижер ровными кусочками; но сегодня кунжутные семечки воспринимались как ненужное излишество и остались не у дел, как, впрочем, и соус. У Риты промелькнула мысль, что если заворачивать это всё в лепёшку, то и посуду мыть не придётся. Не то чтобы единственная тарелка доставляла ей особые хлопоты, но под грузом дня казалась неподъёмной.

Утром Рита долго разглядывала стол, на котором позавчера стояла тарелка с пятью кунжутными семечками, се-

годня же совершенно пустой. Столешница была иссечена поколениями предыдущих постояльцев, как тюремная камера зарубками, но всё ещё держалась молодцом.

«Скатерть, — подумала девушка, выходя из дома и спускаясь по склону холма. — Надо купить скатерть». Канал сегодня был чище, чем вчера. Дед привычно спал в проходной. Татьяна, как обычно, пришла на работу первой. Корзина для входящих была наполовину пуста.

Использование корзины, в общем-то, не поощрялось, предполагалось, что капсулы должны обрабатываться сразу, как только они выскакивают со шварканьем сжатого воздуха в приёмник; но если открутить ограничитель и подставить ёмкость, то всё будет валиться туда, и обрабатывать запросы можно не торопясь и не опасаясь затора на линии. Эта поблажка допускалась — видимо, как недоукомплектованному отделу, по крайней мере, лицо Каштанова на корзину никак не реагировало.

Рита шёпотом поздоровалась, взяла зелёный контейнер сверху, открутила крышку и вынула свёрнутый в трубку лист бумаги: статистику расхода щебня за прошедший месяц.

Щ-Е-Б-Е-Н-Ь, РАСХ, — медленно отстучала девушка на кнопках типографа (мягкий знак всё ещё давался с трудом, каждый раз теряясь на клавиатуре, но универсальные сокращения отбивались уже одним быстрым куплетом), потом улыбнулась и добавила: П-О-Ж-А-Л-У-Й-С-Т-А. Ей нравилось фантазировать, что в отделе разархивации тоже работают люди и кому-то из них, возможно, приятно хотя бы раз в день с утра получать доброе слово.

Через минуту раздалось «ву-у-уш», и в приёмник с табличкой РАЗАРХ. выскочила туба с надписью ЩЕБЕНЬ. Рите надо было распотрошить её, перепроверить, чтобы месяцы шли в правильном порядке, сделать и подшить туда фотокопию текущего месяца, после чего скормить капсулу передатчику с полустёртой от постоянного трения маркировкой АРХ., а оригинал статистики отправить обратно.

На обед была плескавица с каймаком, а разговор шёл про скатерти и где они обитают, что, впрочем, совершенно не помешало Рите забыть купить скатерть после работы.

Снов девушка не видела, вечером внутри что-то натужно щёлкало, и она отключалась, как сбитая камнем птица. Утром, когда она приходила в себя, первым чувством было удивление: «Надо же, я всё ещё на месте». Сегодня к этому добавилась новая мысль: «Скатерть же!»

Над каналом стоял туман, и когда с противоположного берега раздалось пронзительное: «Эйзан! Эйзан!» — Рита вздрогнула, увидев там фигурки двух мелких бесов, рогатых и хвостатых, которые махали ей рукой и смеялись. Тут же — стоило только присмотреться — стало понятно, что это дети с той стороны канала, вечно чумазые и ободранные; рогами оказались всклокоченные волосы, а хвостом — то ли верейка, то ли кусок каната, который они куда-то тащили.

Корзина с входящими была наполовину полной.

— Тань, если бы у тебя был джинн, ты что попросила бы? — вставила реплику Рита во время обеда, дождавшись паузы.

— Если бы у меня был джинн, мне ничего больше не надо было бы, — хохотнула подруга.

— Джинн, Тань, исполняющий желания. Не напиток.

— Ну, это как сказать, — игриво заявила Танька и продолжила уже по-деловому: — Так, три желания?

— Да.

— И новые желания желать нельзя?

— Нет.

— Красоту, деньги и мужика, что тут думать? — сообщила она после недолгих размышлений. — А что?

— Да так, просто.

— Это какой-то психологический тест, да?

— Нет, мне просто интересно, что ты выберешь.

— А чего выбирать-то? — оборонительным тоном заявила Татьяна. — Всё же логично: если будет красота, то будет

мужик с деньгами. Но если красота вдруг пропадёт, то надо ещё отдельно деньги попросить; если будут деньги, то будет и красота, и мужик. И мужика надо желать сразу, чтобы любил не за деньги и красоту; а если будет мужик, то не пропаду как-нибудь.

— Надёжный вариант, с запасом, — кивнула Рита.

— Железобетонный, — согласилась подруга с улыбкой, почувствовав одобрение.

Скатерть, изображающая пшеничное поле, была двухцветной: пронзительно-жёлтая основа и оранжевые волны-зигзаги поверху. Рядом лежала такая же, но синяя с голубым, что должно было представлять собой море. Хитрость была заметна только в сравнении: изготовители использовали тот же пресс, просто поменяв краски, а чтобы усилить эффект, на «море» были проштампованы одинаковые рыбки, образующие геометрический узор, а на «поле» — схематические колоски. Несколько дней Рита вздрагивала поутру, замечая в комнате непривычное яркое пятно, потом скатерть так же потускнела и затёрлась, как всё остальное в её памяти.

— Миленькая, — односложно прокомментировал скатерть Мушер, опустошая на неё сумку с продуктами. — Сегодня моя очередь тебя угощать.

Следующие полчаса он колдовал над ризотто, а Рита пыталась разобраться со странным ощущением, похожим на беззвучное урчание в животе, пока не поняла: она соскучилась. Сколько прошло? Неделя? Две?

— Как твоя сказка? — спросила она.

— Спасибо, не жалуюсь, а твоя?

— Ты про джинна писал.

— Есть такое. Давай сначала поедим?

Они сначала поели, потом занялись сексом, после чего лежали и долго разговаривали. Рита делилась происшествиями на работе, Мушер внимательно слушал и почему-то совсем не ехидничал. Наговорившись, девушка ещё раз завела разговор про джинна.

— А что, если джинны не злые? — начала она, вспомнив при этом почему-то лицо Каштанова.

— Да, я уже два раза об этом говорил! — картинно возмутился Мушер.

— Они на самом деле добрые и мудрые, но человеческие желания выполняют как попало, чтобы люди учились.

— «Злые» джинны на самом деле преподают урок?

— Ага.

— Оптимистично, педагогично и снова твоя тема про халяву. Мне нравится, но тут есть вопрос: а зачем джиннам учить людей?

— Пока не знаю.

— «Потому что они на самом деле не злые». Это, конечно, сюжетный поворот. И явная мораль в конце, добрым молодцам — урок.

Тут он иронизировал и не был уверен, замечает ли она. «Ну а чего ты хочешь, новых идей? — подумал Мушер. — Новых идей не бывает».

— Не могу не испортить тебе удовольствие, прости. Есть люди, которые верят в то, что жизнь преподает им уроки. Ну, знаешь, вот это всё: «Каждый человек в твоей жизни — учитель, подумай чему» или «Ситуация будет повторяться до тех пор, пока ты что-то там не усвоишь»?

— И что с этим не так?

— Всё так. Если ты рассматриваешь всё как повод для опыта, это несёт мощный позитивный заряд. Во-первых, понятно, как менять ситуацию: учиться, учиться, учиться, а значит, всё в твоих руках; во-вторых, это побуждает тебя меняться; в-третьих, появляется смысл если не в жизни, то хотя бы в ситуации, которая «случилась не просто так», — с придыханием сказал Мушер.

— Ехидничаешь опять?

— Нет, это правда очень хороший способ. Проблема в том, что ситуация складывается без всякого дальнего умысла, а человек на самом деле может оказаться мудаком,

который ничему тебя не научит — разве что не связываться с ему подобными. Это не он — учитель, а ты — ученик. Так что джинны, возможно, как и жизнь, не подкидывают уроки. Хотя относиться ко всему так — часто очень продуктивно. Если сможешь в это поверить, конечно.

Они снова ненадолго замолчали.

— Ещё один вариант мотивации джинна, который я смог придумать, пока тебя не было, — отсутствие желаний. Лежит джинн на печи, и ничего ему не надо. Это может быть проклятием, как у Кассандры. Ей бог даровал умение предсказывать будущее. Потом, правда, обиделся и дал в придачу недоверие людей. Проклятие — это потому, что позиция «Я же говорила!» только первые десять раз смешная и меняется на «Люди, что же вы творите?» довольно быстро.

— А чего это бог обиделся?

— Не дала.

— Понятно, как обычно. Так джинны, получается, всё могут, но ничего не хотят?

— Ага.

— Они могут захотеть захотеть! — предложила Рита.

— Да, этим бы проблема и решилась. Но, может, они в апатии и не могут, поэтому полезли в бутылку для того, чтобы люди их тёрли и просили что-то сделать. И джинны такие: «Ну-у-у ла-а-адно», — вроде как услугу оказывают, а на самом деле хоть какая-то движуха. Как если бы ты меня почаще в гости звала, то я бы — так уж и быть — приходил бы.

У девушки перехватило дыхание: шутка была слишком жёсткой, даже по меркам Мушера. Он же сам говорил, что не готов видаться чаще, и теперь вот как всё вывернул! Рита отдышалась, носом, чтобы не было заметно, и сказала:

— Может быть, у джиннов уже всё есть и они больше ничего не хотят?

— Да, тоже вариант. Но тут скорее «Зачем что-то желать, если это можно получить мгновенно?». Первые десять

тысяч лет, конечно, эпикурейство и гедонизм, но потом джинну надоедает, и он теряет любые остатки влечения к чему бы то ни было, после чего забирается в лампу, как отшельник в пещеру... О, подожди! Это вариация на тему всесильного творца, которому стало скучно, он придумал людей и дал им свободу воли. Тут они и начали хернёй страдать, а ему весело. Всё то же самое, только людей творить не пришлось.

— Я так понимаю, ты на тему джинна поразмышлял неплохо.

— Да, я сделал домашнее задание. Но, как ни крути, в конце всё равно выходит греческая трагедия. В пару к Кассандре есть ещё Сизиф, например. Как Сизифу не избавиться от камня, так и джинну — от лампы. Ну и последняя на сегодня версия: «джинн не злой, а ленивый», которая прекрасно дополняется частью «а люди — тупые».

Никто не знает, каким таким магическим образом джинны исполняют желания. Есть, конечно, простой ответ, типа «делают из воздуха», но что, если им приходится подчиняться законам Вселенной, где просто так ничего не появляется? Что-то в духе: «Хочешь богатства — умрёт любимая бабушка и завещает», — и не потому, что джинн бабушку не любит, а потому, что это самый простой способ обеспечить тебе состояние. Может быть, даже не обязательно они «ленивые»; вода под давлением прорывается в самом слабом месте не потому, что ей «лень» течь где-то ещё. Джинны все эти «законы физики» видят, в отличие от людишек, — иначе как они вообще «колдовать» могли бы, — но преклоняются перед тупостью и наивностью людей, которым хватает смелости что-то загадывать, находясь на ужасающе низком уровне развития. Вообще, конечно, это дохлый номер — сформулировать желание при таком раскладе. «Хочу вот это, но чтобы без последствий». Но они есть всегда, и надо перечислять через запятую, чего именно не хочется, однако всю Вселенную не учтёшь.

СОМА

Вчера они засиделись-залежались с Мушером, поэтому Рита не выспалась, и весь мир стал тонким и резким, пищащим, как одинокий комар в комнате. Недосыпы были для неё обычным делом, но сегодняшний был особенно сильным. Она ничего не могла с этим поделать: Мушер, подобно скатерти, был ярким пятном в её жизни, и тратить время на сон, когда он рядом, совершенно не хотелось.

На работе всё валилось из рук. Буквально. Несколько раз девушка задевала стоящие на боку капсулы, с которыми работала, те падали, скатывались со стола и начинали носиться по полу, теряя полузакрученные крышки. Татьяна косилась на происходящее, но ничего не говорила.

К обеду сонливость навалилась с новой силой, и во время еды Рита даже не слушала, о чём болтает подруга, но, уловив паузу, задумчиво произнесла, ни к кому конкретно не обращаясь:

— И что, это всё?

— Что «всё»? — переспросила Татьяна.

— Это всё, что есть в жизни? Этим всё ограничивается?

— Ты чего это? Чем ограничивается? — удивилась Танька.

— Этим, — широко развела руки Рита, подбирая слова; красноречие сегодня ей не давалось вообще. — Мещанским. Какие у тебя интересы в жизни? Чего тебе хочется? Денег? Мужика? Покушать хорошо? Ничего возвышенного!

— Мать, ты чего? При чём тут еда вообще?

— Ты только про неё и говоришь, — тихо сказала Рита.

— Ну-у-у, понятно, я тупая жирная корова, значит. А ты себя вообще в зеркале видела? — возмутилась Татьяна. — Да тебя просто хочется взять и откормить! Как на тебя посмотрю, так только об этом и думаю. Глиста ты неблагодарная! Интересы ей мои не нравятся. Мы, вообще-то, в одном отделе работаем.

Татьяна отложила недоеденный гирос и поплыла к выходу.

— Тань, я не это имела в виду, — попыталась исправить ситуацию Рита.

— Да иди ты!

Оставшись одна, Рита подумала, что не рассчитывала на такую реакцию и действительно просто хотела выразить ощущение пустоты, возникающее у неё при разговорах с подругой, которое было бы нечестно списывать на кого-то одного. Доев, она поторопилась обратно в надежде объясниться, но Танька молчала, перестав разговаривать даже сама с собой, и сидела тёмной тучей, выполняя работу методично-озлобленно. В комнате стояла такая гнетущая и непривычная тишина, что в дверном проёме появилась голова Каштанова, обладающая каким-то особым чутьём на нештатные ситуации, но тут же пропала, не обнаружив ничего предосудительного.

На следующий день Татьяна встала из-за стола на пять минут раньше обычного и отправилась на обед одна. Рита не спеша закончила комплектовать капсулу и решила не догонять подругу. Выйдя на улицу, она посмотрела по сторонам так, словно оказалась тут впервые, и пошла вверх по улице, в противоположную от их обычного места сторону.

Город был похож на тумбу для объявлений, оставшихся с революционного времени, — одна из таких стояла в соседних дворах: сплошной лист металла, свёрнутый рукой неведомого великана в гигантский цилиндр, заваренный

по краям и вогнанный в землю хлопком сверху. Вероятно, конструкция нагоняла ужас на первых расклейщиков, но жизнь быстро взяла своё, тумба обросла кораллами разноцветных объявлений и обрела заметную сезонность, как всё живое. Новобургоградск тоже был покрыт слоями вывесок и граффити, умело скрывающими тот факт, что это просто нагромождение серых кубов и цилиндров, когда-то сложенных вместе с единственной целью — сэкономить.

Рита давно присматривалась к одному месту, так ни разу и не осмелившись зайти. Хозяева заведения просто вырезали и выкинули большой кусок стены со стандартными окнами, заменив его непривычно огромными — аж в человеческий рост — прозрачными панелями, демонстрируя интерьер: диванчики с подушками и невысокими столиками рядом, приглашающие скорее полежать, нежели посидеть, были отгорожены друг от друга и частично от взглядов с улицы стоячими ширмами.

Вызывающий островок уюта имел вывеску, на которой значилось: «Кофейня Сома». И мелким шрифтом пониже: «Городская лицензия номер пв-89/12». Сегодня был именно тот день, когда Рита решила проверить, зачем сому кофейня и что вообще это такое.

Растерянность Риты была мгновенно пресечена материализовавшейся рядом девушкой:

— Вы одна? Да? Хорошо. Ближе к окну? Нет? Больше уединения? Ширму пододвинуть?

И вот уже Рита сидит на дальнем диване, а девушка со всех сторон обкладывает её подушками. От девушки вкусно пахнет; Рита едва заметно краснеет, но нюхает. Официантка выпрямляется, и появляется возможность её рассмотреть. Фартук — явно униформа, но подогнан по фигуре, под ним — рубашка с закатанными рукавами и штаны. Волосы прибраны в тугий пучок, улыбка искренняя, глаза смотрят внимательно и выжидающе. Пальцы длинные и тонкие, держат блокнот и карандаш мягко, но цепко.

На кармане — табличка для имени: «Хозяюшка», что тут же снимает вопросы о том, как её называть, но не выдаёт настоящего имени, хотя «хозяюшку» Рита представляла как что-то более приземлённое и массивное.

— Кофе в чаше, кофе в кемексе, в мастосе?

— На ваш вкус, — улыбнулась Рита в ответ, из всех слов ей была знакома только чаша.

Хозяюшка окинула посетительницу взглядом, приценилась и вынесла вердикт:

— Раф в мастосе с иммершном.

Через несколько минут Хозяюшка вернулась, укутала полулежачую в ожидании Риту пледом и поставила рядом на столик тёплую бутылочку, наполненную вязкой белой жижей. На горлышко была натянута мягкая пимпа с дыркой посередине.

— Это что? — не поняла Рита.

— Иммершн и мастос. — Хозяюшка указала сначала на плед, а потом на бутылочку.

Рита недоверчиво сделала затяжку, жидкость оказалась приторно-сладкой и очень жирной. С каждым глотком по телу разливалось тепло и наваливалась расслабляющая тяжесть, перетёкшая в безмятежную полуденную дрему.

АНУС ГОРОДА

Дон стоял у медленно опускающихся ворот, сжимая в руках поводья и размышляя о неуместности принятых мер. В проёме были видны уже только ноги двух охранников, третий пропал из поля зрения, управляя опускным механизмом. Не штурмовать же их, в самом-то деле!

Для штурма понадобился бы бластер, но сама идея его применения казалась Дону дикой. Привычной тяжести кобуры на поясе теперь не было, что добавляло немного волнений, но не за свою безопасность, а за людей, в чьи руки могло бы попасть оружие. Решение доверить его Рине было спонтанным, но даже сейчас Дон был с ним согласен. Девушке не помешает немного символической власти в руках, это будет уместно и несколько... несколько... «Терапевтично», — подобрал слово Дон.

— Слезинка одного милиционера не стоит этого, Фёдор, — обратился он к мулу и приглашающе дёрнул за поводья — мол, пойдём.

Они развернулись и побрели обратно по мосту, широкому, но небольшому, футов пятьдесят в длину, перекинутому надо рвом. Переплыть ров, вскарабкаться где-нибудь в укромном месте по высоченной стене, тайком пробравшись в город? После нескольких лет занятий альпинизмом, которых у Дона не было, это выглядело бы вполне реальным.

Постояв в раздумьях перед мостом, Дон решил обойти город по кругу. Парадный вход не выглядел особенно оживлённым, намекая на существование заднего.

Несколько часов пейзаж не менялся, стена уходила за горизонт, загибаясь; путник с мулом брели вдоль неё, не имея возможности наслаждаться видом: слева — ров и стена, справа — пустая пыльная равнина с редкими деревьями-заморышами, вдалеке — горы. Город лежал в середине вытоптанной земляной тарелки, протыкая небо центральной башней, которую было видно даже за исполинскими стенами.

Ещё через несколько часов пути под ногами стали попадаться сначала разноцветные клочки, потом — обрывки побольше и, наконец, целые листы бумаги. Со временем их стало так много, что сначала земля просто перестала быть видна, а потом местность и вовсе превратилась в бумажные холмы. Часть бумаги сползала в ров, отчего вода походила на жижу для папье-маше. Вскоре стал виден источник безобразия: из середины стены под углом вниз торчала огромная труба, выпирающая далеко за ров и для надёжности усиленная железными балками. Под ней высилась гора макулатуры с трёхэтажный дом. Дон задрал голову и оценил расстояние: конец трубы был слишком высоко, но даже если найти способ как-то до него добраться, проползти внутрь и... Нет. Всё ещё не альпинист.

Любопытства ради Дон разворошил ближайшую кучу: долговая расписка, любовное письмо, журнал месячной давности, какие-то отчёты, отпечатанные на тонких жёлтых листах. Сверху донёсся приближающийся грохот, труба затряслась и выплюнула несколько свежих пачек. Фёдор, оставленный без присмотра, встрепенулся и пустился галопом наутёк, но довольно быстро успокоился и остановился.

Дон догнал мула и побрёл вдоль стены дальше. Количество бумаги под ногами стало уменьшаться, разбавляясь другим мусором, по большей части железным. Вскоре обнаружилась такая же труба, извергающая сломанные, отжившие своё вещи.

«Анус города, — подумал Дон. — Но почему двойной?»
И зачем срать там, где живёшь?

В каждом навозе есть своя жемчужина, и в любое другое время Дон с удовольствием побродил бы по свалке, изучая город по отходам, но наступили сумерки. Мир вокруг мгновенно растерял все цвета и чёткость силуэтов, как будто на него пролили поверх серую акварель и, отчаянно пытаясь спасти рисунок, равномерно втёрли по всей площади. Куриная слепота Дона проявляла себя только в этот момент перехода от дня к ночи, каждый раз погружая в короткое уныние.

Третья — последняя — труба сначала обозначила себя глубокой и богатой на нюансы вонью, закрепив аналогию с анусом, а потом выплыла из сумерек вместе с разваливающимися горами мякоти. Брезгливо огибая это гиблое место по краю — влезать в пищевые отходы не имело смысла, — Дон увидел какое-то шевеление у одной из дальних куч. Три силуэта, вытянутые, похожие на борзых, вынюхивали что-то у подножия.

Одно из животных подняло голову, развернув её в направлении Дона, и, поджав копчик, бросилось за холм, два других закрутили мордами во все стороны, увидели путника, на секунду застыли и рванули туда же.

Дон размеренно продолжал свой путь, когда услышал короткий окрик с противоположного края кучи:

— Ой!

Три худые мужские фигуры трусцой приближались к нему.

— Ой, пёс!

— Ой, — повторил один из них, — это наша куча!

Троица догнала Дона и обступила вокруг, выдерживая расстояние футов в десять.

— Пёс, ты чё? — спросил тот, что находился напротив, в голосе его звучала угроза. — Ты не потерялся?

Дон сделал шаг навстречу, чтобы получше рассмотреть фигуру (проклятые сумерки!), но парень ловко отпрыгнул назад, сохраняя дистанцию.

— Я ищу вход в город, — просто сказал Дон.

Фигуры замерли и напряглись. Один из них зашевелился, приближаясь на пару шагов и пригнувшись.

— Человек? — с сомнением в голосе сказал он. — Человек! Человек! Человек!

Все трое тут же пустились в пляс вокруг Дона, высоко подпрыгивая и размахивая руками, хвостами и ушами, но, обнаружив, что путешественник не разделяет их настроения, быстро успокоились. Теперь они подошли достаточно близко, чтобы Дон смог наконец-то их рассмотреть. Действительно, парни, стройные и молодые, но неухоженные, впрочем, как и всё вокруг, и на макушке — ушки, а сзади — хвосты, точно как у гончих. Инугами. Оборотни.

— Мы проведём! Вход — там, — указал один из них себе за спину.

— Главный вход? Я знаю, где он. Мне нужен другой.

Трое удивлённо переглянулись.

— Ты — человек? — уточнил оборотень.

— Да. Меня выгнали из города.

Парни переглянулись опять, отошли в сторону, собрались в кучку и о чём-то пошептались.

— Люди входят в город через ворота. Нелюдей не пускают, — сказал один из тройки, высунув ненадолго голову из общего круга.

— Мне теперь туда тоже путь заказан. Но я всё ещё человек.

Оборотни снова посоветовались, потом самый мелкий из них направился к Дону.

— А другого входа нет, — сообщил он, глядя куда-то влево, и тут же принялся вертеть головой и рассматривать всё вокруг: землю и небо, мула, дерево вдалеке и линию горизонта, — словно здесь и сейчас в мире было столько интересного, что невозможно остановиться на чём-то одном.

Дон подался вперёд и склонил голову набок, стараясь заглянуть собеседнику в глаза. Не сразу, но получилось, и то-

гда инугами крепко и надолго зажмурился. Но Дон никуда не пропадал.

— Хорошо. Хорошо! — взвыл оборотень. — Мы тоже хотим в город!

Услышав признание, двое других парней поджали хвосты и приготовились бежать.

— Ладно, — сказал Дон.

— Цын говорит, что можно полностью обратиться, стать тождественным человеку и пройти через главные ворота! Говорит, что это ещё не финальная форма! Хвост и уши даются в последнюю очередь! — зачастил скороговоркой оборотень. — Те, кто много слушает других, не могут избавиться от ушей, а тем, кто много слушается других, не суждено отринуть хвост. Но Цын смог. Он превращается в настоящего человека и бывает в городе, когда захочет!

— Как интересно. И где я могу найти этого Цына?

— А ты нас не выдашь? — с опаской спросил оборотень.

— Нет, — пообещал Дон. — А кому?

— Людям в городе.

— Нет, это совершенно не моё дело.

Оборотни собрались в кружок, снова посоветовались и общили:

— Цын в посёлке, мы проведём. Туда!

Совсем уже стемнело, над городом сиял столп искусственного освещения, но под стеной была тень. Дон открыл сумку, достал «светлячка» и потряс его, чтобы тот загорелся.

— Что? Что? Мяч? Мяч! — встрепенулись инугами.

Шаловливо улыбнувшись, Дон бросил светлячка как можно дальше, парни тенями кинулись вперёд, в погоню, на ходу меняя контуры и превращаясь в простых псов.

Посёлок искать не пришлось, они по-прежнему брели вдоль стены, и когда вонь от свалки прошла, вдалеке показались огоньки. Поселение было на редкость разношёрстным не только по составу жителей, которые действительно имели разный цвет шерсти, кожи, чешуи, рогов, копыт

и всего остального, в целом сохраняя при этом благородный гуманоидный облик, но и по общей атмосфере: дома напоминали всевозможных морских существ, обросших ракушками и водорослями. Все здания были сделаны из отходов города и смекалки: кто-то сооружал конструкции из досок, прибитых друг к другу, кто-то мастерил шалаши из тряпок и палок, кто-то возводил стены из бутылок, скреплённых глиной.

Огоньками были лампы всевозможных размеров и форм, связанные обрывками разноцветных проводов в гирлянду, которая петляла по верхушкам домов, перепрыгивая с одного на другой, отчего всё селение походило на гигантскую новогоднюю ёлку.

Пройдя посёлок насквозь, собаки вывели Дона к будкам, стоящим поодаль, на невысоком холме из настоящей земли, а не из мусора. У его подошвы обнаружилась нора, в которую оборотни вползли, оставив человека снаружи, но тут же выскочили обратно.

— Цына нет, — сказал один из них, ненадолго трансформируясь в человека.

— И не будет?

— Почему нет? Будет. Потом будет. Завтра будет. Мы — выть и спать. — Оборотень махнул в сторону будок рукой, превращающейся обратно в лапу.

Дон вернулся в посёлок в надежде устроиться где-нибудь на ночлег, но ничего не вышло. Жители охотно вступали с ним в разговор, но едва собеседник успевал разглядеть Дона, как тут же, не найдя у него никаких отличий от человека — хотя бы маленьких рожек, — отворачивался и замолкал. Пришлось идти обратно к холму и искать в округе какое-нибудь дерево, чтобы привязать к нему Фёдора, воткнуть вокруг несколько кольев, натянуть верёвки и соорудить временное убежище из плаща. Согревать больше было некого, да и дров рядом было не найти, так что Дон решил не разводить костёр и лёг спать.

ЦЫН

Проснулся Дон от топота и возмущённых криков мула. Седельная сумка валялась на земле, утащенная в сторону, её внутренности хищно рвала стая кошек. Фёдор бегал кругами на привязи, стараясь достать их копытами, и возмущённо орал.

— Эй! Эй! Какого чёрта?! — поддержал товарища Дон, отчего кошки с криком бросились в разные стороны, распушив хвосты.

Дон похлопал Фёдора по боку, успокаивая, и оценил масштабы ущерба. Запасы съестного были уничтожены.

На холме в позе лотоса сидели четыре фигуры, три напротив одной. В тройке угадывались знакомые уже парни-оборотни, четвёртая была невесомей и изящней. Некоторое время Дон колебался: эти четверо, очевидно, были заняты, и мешать не хотелось. Наконец он решил просто обозначить своё присутствие и подошёл к холму, остановившись футах в пятнадцать от них.

Старик — видимо, это и был тот самый Цын — что-то проповедовал молодёжи, многозначительно поднимая палец вверх и выдерживая глубокие театральные паузы. Увидев Дона, он приветливо махнул рукой и указал на место напротив. Дон кивнул и сел рядом с оборотнями в сукхасану.

— Скотское состояние у человека наступает тогда, когда он не контролирует импульсы свои. Соответственно, скотина, собой владеющая, человеку подобна. Оборотень — это

канат, натянутый над пропастью между животным и человеком, — продолжил вещать старик.

— Что ж они тогда обратно в животных не превращаются? — фыркнул сквозь зубы один из парней.

— Ценю любознательность, Дингус, если это действительно она, а не зубоскальство твоё пёсье. Вот скажи: вода всегда в одну сторону течёт — почему?

Цын махнул в направлении рва. Город был построен на горной реке, она втекала в него с одного бока, пробегала насквозь через канал и вытекала в ров с другого, по пути значительно замедляясь, и двигалась дальше патоккой, уносящей с собой городские нечистоты.

Даже сидя старик производил впечатление подвижного и живого. Белоснежно-седая борода отливала рыжим — то ли от восходящего солнца, то ли на фоне коричневого баньяна, застёгнутого на все пуговицы. Убедившись, что Дингус молчит, Цын продолжил:

— В материальном мире потерять легче, чем обрести, а в духовном — наоборот. Проще лишиться ушей и хвоста и достичь человечности, чем отрастить хвост и уши, даже если ты и скотина. Практикуем!

Порывшись в кармане, Цын достал три ириски и разложил их напротив оборотней. Бросив быстрый взгляд на Дона, искал в другом кармане, достал что-то блестящее и положил рядом.

— Это тебе... Руки! — Старик ловко выхватил из рукава палочку и стукнул Дона по пальцам, когда тот попытался подобрать и рассмотреть подарок. — Для новеньких — человеческое имя я тебе дам потом — объясняю суть практики. Я пойду вздремну, дабы присутствие моё не смущало неокрепшие души, а вы делайте что хотите. Если, когда я вернусь, все соблазны будут лежать на своих местах, вы получите награду в двойном объёме. Разумеется, ничто не мешает утащить их сразу. Кроме желания стать человеком, конечно, — коварно хихикнул старик.

— Меня Дон зовут.

— Хорошее имя, сам придумал? Практикуем! — Не дожидаясь ответа, Цын хлопнул в ладоши, разбежался и ласточкой нырнул в нору.

Дон поднял блестяшку, чтобы рассмотреть, она оказалась зеркальной подвеской безо всяких затей. Тело справа напряглось и привстало на задние лапы: один из парней заворожённо-испуганно наблюдал за Доном, но быстро успокоился, стоило тому положить подвеску на место. Переключив внимание на свою конфету, оборотень застыл на несколько минут, но потом вдруг вышел из ступора и мелко затрясся.

— Держись, Ванкер! — просопел Дингус, обращаясь к товарищу.

Оборотень продолжал вибрировать, впившись глазами в конфету, постепенно теряя человеческий облик. Дингус крепился, задрал голову и смотря на небо; третий же, Прик, просто закрыл глаза и зажал уши. Обратившись в собаку, Ванкер сорвался, метнулся, проглотил конфету вместе с фантиком и захлебнулся лаем. Это подкосило боевой дух оставшихся оборотней, они дружно взвыли и набросились на сладости.

Через полчаса из норы выпрыгнул рыжий лис, размял лапы, обернулся вокруг себя три раза и превратился в старика.

— Ну-с, каковы успехи сегодня? — сказал он.

Дон дремал, обложенный со всех сторон спящими собаками. Услышав Цына, те встрепенулись и приняли сидячие позы, завивая хвостами. Дон протёр глаза и тоже сел, скрестив ноги.

— Не удержались?

Псы виновато опустили головы, один из них на брюхе подполз к Цыну и попытался лизнуть руку.

— Прик, перестань, фу, мерзость какая! Фу, я сказал! Снова это скотское раболепие, — сначала поморщился, а по-

том заметно погрузнел старик. — Выдавливайте из себя по капле раба, ребята. Это, конечно, уже второй шаг, но начинать можно сейчас. На сегодня занятия окончены, псы свободны! А ты как, орёл? — спросил он у Дона.

Дон пожал плечами и кивнул на подвеску, всё ещё лежащую на земле.

— Тяжело было?

— Даже задремал от скуки.

— Это торможение, вызванное борьбой с внутренним конфликтом. Вот обещанная награда. — Цын залез в бездонный карман, достал ещё одну подвеску и торжественно протянул её Дону.

— Я бы не отказался от двух ирисок взамен.

— Неужели сладкоежка?

— Нет, просто не завтракал.

— И на блестящее не тянет?

— Нет.

Цын удивлённо крикнул, обошёл Дона вокруг, во что-то внимательно всматриваясь, поцокал языком и вынес вердикт:

— Неплохо, неплохо. Третья ступень! Совершенно потрясающий успех для самоучки. Хотя клюв тебя всё-таки выдаёт, конечно.

— Правда? — заинтересовался Дон, ощупывая свой нос.

— Конечно. Ты у людей вообще такую форму видел?

— А что за ступень?

— Третья ступень трансформации. Некоторым спонтанно удаётся подняться по пути становления, по наитию или просто по везению, но подобные случаи редки. Мой же тройчатый путь духовного роста открыт для всех. Ты же за этим здесь?

— Хотелось бы сначала побольше узнать о вашем методе.

— Пожалуйста, — благостно согласился старец. — На первой ступени адепт учится контролировать свои желания и копит тапас. Для этого мы делаем практику отложен-

ного удовольствия, которая в священных текстах известна как «зефирный эксперимент». На второй ступени адепт обретает лотус контроля, избавляясь от выпученной беспомощности, и берёт ответственность за свою жизнь. В этом состоянии ученик уже практически неотличим от человека, по крайней мере внешне. Однако, — Цын поднял палец вверх, — если оно крикает как утка и плавает как утка, то оно ещё не утка, так как лишено внутреннего содержания.

— Уссенции.

— Чего?

— Утиной эссенции. Невидимой, непознаваемой, но существующей сущности утки.

Старик замер, на секунду нахмурился, а потом облегчённо рассмеялся и словно помолодел лет на пятьдесят.

— Ох, давно я с вашим племенем не общался, забыл уже. Всё вот с собаками возжусь, а они сам знаешь какие. Игривые, но без юмора. Но что хуже всего — иерархичные. Вторая ступень подразумевает отказ от авторитетов, но, чтобы до неё дойти, нужен кто-то авторитетный. Приходится мне щёки дуть.

— А зачем это тебе?

— Служу прогрессу всего живого. Ох, третью ступень постичь было тяжелее всего. Знаешь, сколько я материалов перерыл?

— Я даже не знаю каких.

— Грамотный? — недоверчиво покосился лис.

— В какой-то степени.

Старик заговорщически кивнул в сторону норы, предлагая следовать за ним, и прыгнул в дыру. Несмотря на узкий лаз, внутри пространство оказалось таким огромным, что можно было стоять не сгибаясь. Источником света служили лампы, провода от которых уходили куда-то в землю; такие же Дон видел в поселении рядом. Слева была кровать, более похожая на лежанку для собак, справа — потёртый письменный стол человеческих размеров, всё же остальное

было уставлено кипами бумаг, которые при ближайшем рассмотрении оказались отходами города: книги с недостающими страницами, страницы от недостающих книг, рукописные листы и фотокопии.

— Я не знаю, что тяжелее: отделять зёрна от плевел или восстанавливать утраченные фрагменты, — тяжело вздохнул старик, — но люди очень расточительно обходятся со своими знаниями. Долгое время я думал, что первых двух ступеней вполне хватает, но увы, рано или поздно перед адептом встаёт проблема смысла. Сейчас, конечно, ребятам пока всё понятно: им просто хочется стать людьми.

— А зачем?

— Город манит. Если люди столько вкусного выкидывают, то страшно представить, что они оставляют себе. К тому же человек — это звучит гордо!

— Не слишком ли много мороки — становиться человеком только для того, чтобы хорошо покушать? — спросил Дон.

— Сначала покушать, — поправил его лис. — А потом можно и о смысле жизни подумать. Как же ещё скотину мотивировать развиваться, если не жрачкой?

— Так и в чём смысл?

— Решение проблемы смысла есть служение! — полушёпотом произнёс Цын, выдержав драматическую паузу.

— Кому?

— Чему-то высшему.

— А как же раболепие и борьба с авторитетами?

— Верно мыслишь, служение должно быть добровольным, и это именно служение, а не прислуживание.

— И чему служить?

— Богам, например, — хитро улыбнулся старик, — только тс-с-с! Все знают, что городские — безбожники.

— Я не знаю, — честно сознался Дон.

Цын странно посмотрел на Дона, открыл было рот, чтобы рассказать, что деревенские поклоняются Бате и поддер-

живают веру с помощью батюшек, как бы маленьких Батей на местах, поэтому косо смотрят на городских, которых считают вероотступниками, но потом решил, что собеседник просто шутит. Не мог же он быть грамотным и не знать такого! Кто же тогда его читать обучил?

— Я думаю, что городские вовсе никакие не безбожники, и никогда не были! — продолжил лис. — Даже во времена Бабеля у них была вера, но они её поменяли, совершив квантовый скачок, и сейчас просто находятся за пределами понимания деревенских!

Цын вытащил из стопки поплёкшую и пожелтевшую бумагу, на которой значилось «Моральный кодекс строителя башни» и протянул её Дону. Тот быстро пробежал кодекс глазами: «Преданность делу унификации... Добросовестный труд на благо общества: кто не работает, тот не ест... Коллективизм и товарищеская взаимопомощь: каждый за всех, все за одного... Забота каждого о сохранении и умножении общественного достояния... Нетерпимость к врагам унификации, дела мира и объединения народов...»

— Это же религиозный текст! И то и то — правила выживания в стае. У деревенских Батя — это такой вожак, который знает, как правильно жить племени, а у городских вместо этого был какой-то безымянный «коллективизм».

— Допустим, — согласился Дон.

— Но есть, есть историческая правда, которая расставила всё по местам! — просиял Цын. — Вот, смотри.

Лис вытащил стопку бумаг побольше, все они были напечатаны одним и тем же шрифтом, имели типовое содержание — менялись только имена и фамилии — и заканчивались одной и той же подписью внизу, похожей на нахохлившегося воробья.

Дон просмотрел листы и вопросительно глянул на лиса.

— Протоколы повешений, — кивнул старик, забирая бумаги, брезгливо протянутые обратно Доном. — Воздастся каждому по делам его. Кесарю — кесарева смерть.

— За что?

— Так башня же... — попытался махнуть рукой Цын в сторону города, но указал на угол с кроватью.

— Я как-то не в курсе, — сознался Дон. — Я вообще ничего не знаю про город, а ты мне пытаешься объяснить религиозные нюансы.

— Тёмная ты птица, — покачал головой старик и с подозрением спросил: — Ты вообще откуда?

— Вообще — из леса.

— Ладно, — поверил старик. — Получается, сколько же ты там лет безвылазно провёл! В общем, слушай. Город появился лет двадцать назад и начался со строительства башни по особым секретным чертежам. Главным у них был некто Бабель; кто он, откуда — никто не знает. Огромное строение, до самых небес, башня должна была испускать какую-то невидимую и неслышимую рябь, влияющую на людей, настраивающую их на единый лад, чтобы те жили в унисон, говорили все на одном языке, понимали друг друга с полуслова и вообще были единым целым. Всё это должно было покончить с войнами раз и навсегда, ибо все конфликты от чего? От раздора, несогласия. Когда же все едины, заодно, как пучок прутьев, — нет причин для раскола.

— Слишком хорошо, чтобы быть правдой.

— Я думаю, что они искренне это всё делали. Но увы, когда все одинаковые и когда все вместе, теряется каждый отдельный человек.

— А чертежи, ты говорил? Они сохранились?

— Их по большей части сожгли, но что-то осталось.

— Я бы посмотрел.

— У гнома в посёлке спроси. — Цын пристально посмотрел на Дона. — Он всякие механизмы любит.

Наступило неуютное молчание, во время которого лис в очередной раз попытался понять, что не так с его собеседником и почему тот вызывает ощущение какого-то несоответствия, но ничего не придумал.

— Так, о чём это я? — опомнился Цын. — Башню, значит, упразднили.

— Но её удалось запустить?

— Да, она несколько лет всё-таки проработала, но что-то пошло не так. Бабеля с товарищами повесили и построили совершенно новое общество, основанное на уважении к уникальности каждого отдельного индивидуума. На этом-то материале я и вывел вторую ступень пути: человек должен иметь внутренний стержень, а не внешний, в виде башни.

— А со служением что стало?

— Человек стал служить человеку. Но есть нюанс. Служить же надо чему-то высшему, отсюда и вывод, что есть в человеке какая-то крайняя форма, потенциал, устремления — тот, кем он может стать в результате развития. Лучшая версия себя. Этому и следует служить, это и называется самоактуализацией. И больше нет никаких Батей! Деревенским этого не понять. А вот оборотни могут, я верю! Но сначала, конечно, нужно хотя бы стать человеком, обуздать животные страсти и избавиться от Бати внутри себя. Оборотень есть канат над пропастью... — вошёл лис в религиозный экстаз, его руки описывали в воздухе всевозможные узоры, словно стараясь запечатлеть всё открывающееся перед его внутренним взором великолепие.

В нору заглянула голова Дингуса, потом влез и он сам.

— Я поесть принёс, учитель, — прервал беседу оборотень, разворачивая свёрток. — Отобрал всё, что вы любите.

— Спасибо. — Цын жестом отпустил ученика и, обращаясь к Дону, заметил: — Всё-таки наставничество имеет и свои плюсы. Угощайся, пока свежее!

Цын перекувырнулся в воздухе, трансформируясь в лисицу, и набросился на еду. Дон брезгливо взглянул на подгнивающие отходы, подобранные, очевидно, на свалке, и качнул головой. Лис, заметив, что гость не ест, поднял

морду и что-то пролаял, но это не помогло, тогда он провернул сальто в обратную сторону и снова стал человеком.

— Ну что же ты? — улыбнулся он. — Конечно, человеческую форму от этого воротит, но мы же и не в городе. Превращайся.

— Во что?

— Хватит дурить, ворон! Ты застрял? Давно не обращался? Обернись вокруг и произнеси: «Мутабор», — продемонстрировал Цын, на ходу меняя форму.

— Мутабор, — сказал Дон и закрутился вокруг себя на одной ноге.

МИНСАМР

— Ну, прекращай. Взрослый дядька, а туда же. У тебя бунт против авторитетов ещё не кончился, что ли? Жажда всё опровергать?

— Да не опровергаю я.

— И правильно. Учение Твороговски всесильно, потому что верно.

— Да при чём тут оно вообще? Это я как пример просто.

— А что тогда? Что?

— Ночь, улица, фонарь, аптека...

Рита недовольно укуталась поплотнее в плед и отвернулась, уткнув лоб в стену, как она всегда делала, когда просыпалась не вовремя и надо было заснуть обратно. Оба голоса были мужскими, но окончательно разбудила стена: она была мягкой и тёплой. Девушка потрогала её носом и вспомнила, что лежит на диване в кофейне. За соседней ширмой переговаривались двое посетителей, Рите были видны только отбрасываемые тени, но голоса казались знакомыми.

— Что аптека? Ты приболел?

— «Всё будет так. Исхода нет».

— Это откуда?

— Думаю, что из другого мира. Поэзия — штука такая.

— Знаешь, в последнее время я совсем перестал тебя понимать, и чем дальше — тем больше.

— Ладно, — со вздохом сказал наиболее знакомый голос, — смотри: всё повторяется, но не буквально, иначе все бы давно заметили. Мы с тобой уже спорили, пусть

не на эту тему и в других выражениях, и ты всегда любишь оставлять последнее слово за собой. Но даже если вынести твою личность за скобки, вариантов всего два: ты меня или поймёшь, или нет. Мы не можем вместо этого взяться за руки и улететь за горизонт.

— Потому что люди не птицы?

— И ещё потому, что это самая банальная необычность, которую я смог придумать. Хотя тогда было бы три варианта: ты меня или поймёшь, или нет, или произойдёт что-то неожиданное. Но всё это ожидаемо.

По столу стукнула чашка.

— Значит, ты самый умный и заранее знаешь, что тебе ответят? — махнула рукой тень.

— Ну, как бы да, но нет. Жизнь проживается в прямом порядке, а осмысливается, конечно, ретроактивно. Набор для понимания же настолько скудный, что я поражаюсь, как всем не надоедает.

— И тебя, значит, ничем не удивить? Вот у нас случай в департаменте был: мужик топором всю семью порубил. Спокойный, вежливый, только и делал, что бумажки перекладывал. Не больной, его потом ещё раз тестировали. Никто и подумать не мог, в голове не укладывается.

— Так вот же, уложилось. Типичный случай «чертей в тихом омуте». Все знают, все слышали, в книжках описано, в природе наблюдается. Даже пословица есть. Не он первый, не он последний. Хотя вашего департамента я и так побаиваюсь.

— Мы не карательный орган, а надзорный. Демагогия у тебя одна. Практические выводы какие? Тебе скучно? Скучка есть индикатор нереализованной жизни.

— Зато, может, этот реализовался — товарищ ваш.

— В смысле?

— Ну, предназначение у него такое: семью — топором.

— Тьфу, дурак ты! Я, пожалуй, пойду, пока не наговорил лишнего. За неделю справишься?

— Две.

— Хорошо. Всё равно речь будет нужна только через три, я же знаю твою медлительность.

Послышался звук отодвигаемого стула. Рита занырнула обратно в плед, оставив один только глаз, сама не понимая зачем. Из-за ширмы появился плотный мужчина с тяжёлым пузом. Он не выглядел обрюзгим и производил впечатление уработавшегося, но в целом справляющегося с жизнью человека, несущего живот как неизбежный гандикап, как свой непрременный атрибут, как Сизиф — камень. Следом вышел Мушер. Плед моргнул глазом, но Риту не выдал. Мужчины вышли из кафе, через стекло было видно, как они сказали что-то друг другу на прощание и разошлись в разные стороны.

«Странно, — подумала Рита. — Что это я?» Заметь её Мушер, он бы, скорее всего, обрадовался и подошёл поболтать. Девушка отложила плед в сторону и подняла голову.

— Вам понравилось? — тут же возникла за спиной Хозяюшка.

— Очень. Но я тут немного задремала, — смущенно улыбнулась Рита, оборачиваясь, ловя взгляд и тут же успокаиваясь: в глазах Хозяюшки не читалось ничего, кроме внимания и доброжелательности.

— Я рада.

— Ой-ой, — всполошилась Рита. — А сколько сейчас времени?

Конечно же, она не уложилась в положенный обеденный перерыв, поэтому быстро расплатилась и выпрыгнула на улицу.

Отдел был закрыт. «Неужели рабочий день закончился?» — успела подумать девушка, толкая дверь всем телом, чтобы проверить. Та оказалась не заперта и распахнулась, в комнате что-то вздрогнуло, и Каштанов отпрянул от Таньки. Все трое замерли, пытаясь сообразить, что именно Рита

могла увидеть. Рита молча вошла, Каштанов вышел, вытирая губы, как после еды.

— Между прочим, — сказала через час Танька в воздух, ни к кому конкретно не обращаясь, — мы в одном отделе работаем.

«В какой-то степени она права», — думала Рита по дороге домой. Для распределения всегда есть основания, значит, в чём-то — самом важном — они похожи. Выходит, обида подруги на то, что Рита посчитала себя лучше неё, была оправданной.

На следующий день Рита зашла к Каштанову и отпросилась со второй половины дня. Тот сначала нахмурился, но, узнав причину, нахмурился уже по-другому и дал согласие.

Девушка дошла до кофейни, постояла в дверях и побрела дальше; ещё минут десять заняла дорога до министерства. Заблудиться в городе было невозможно: он, как дерево, обрастал годичными кольцами, а его сердцевиной была башня, видимая из любой точки. Сложно даже вообразить, какой она была в высоту изначально. Раза в три, четыре, пять больше? Её развалили во время революции, и сейчас оставался, по сути, огромный пенёк, но и его хватало, чтобы производить пугающее впечатление. Конечно же, бояться было нечего, всё оборудование демонтировали тогда же, перековав на орала. Помещения отдали Министерству самореализации, превратив башню в символ победы.

Дверь была пропорциональна размерам человека, но на теле башни смотрелась мышиной норой. «Минсамр» — значилось на табличке, и пониже и помельче: «Актуализация (самореализация) — основной и, по существу, единственный мотив человеческого бытия. К. Г. Твороговски».

За дверью начинался широкий — с улицу — коридор, который спиралью полз вдоль стены башни, закручиваясь против часовой стрелки. Когда он делал полный оборот, начинался новый этаж: по левую руку появлялись двери с но-

мером и две скамейки рядом. Во время строительства сотни людей с тачками сновали по проходу туда-сюда, подавая наверх материалы; сейчас он был пуст, не считая редких посетителей, методично совершающих паломнические восхождения или облегченно спускающихся. Персонала не было видно: в центре башни пряталась система лестниц и лифтов для внутреннего пользования, недоступная простым смертным. На скамейке пятого этажа неподвижно лежал дедушка. Рита не смогла пройти мимо и испуганно растормошила его.

— Я жив, жив, — улыбнулся он, открыв один глаз, — всего лишь отдыхаю. Ты иди.

На девятом этаже никого не было. Рита толкнула дверь, вошла в коридор поменьше и нашла там кабинет под номером 926.

— Можно? — поинтересовалась она, заглядывая внутрь.

— Да, заходите.

Внутренности кабинета не отличались оригинальностью: рабочее место, оборудованное типографом, приёмник пневмопочты в углу и стул для посетителя. Корпус аппарата был покрашен в синий цвет, а это означало, что он мог обслуживать запросы до третьего уровня. У них в архиве стоял коричневый. Разумеется, функционально они были совершенно одинаковы, но цвет сигнализировал о статусе оператора.

— Я по поводу распределения, — сообщила Рита.

— Присаживайтесь.

Владелица кабинета — И. Игнатьева, судя по надписи на бейдже, сухая черноволосая женщина с вытянутыми чертами лица и брезгливо опущенными уголками рта — приветливо улыбнулась, отчего брезгливое выражение на мгновение пропало, но потом снова вернулось. Чиновница присмотрелась к лицу посетительницы, что-то вспоминая, и спросила:

— Кузнецова?

— Да.

— Рина Кузнецова, — с едва заметными нотками триумфа подтвердила Игнатьева.

— Рита.

— Да, конечно.

Игнатьева отстучала что-то на клавиатуре, и спустя несколько минут молчаливого ожидания в приёмник почты упала капсула с личным делом.

— Мне кажется, меня распределили не туда.

— Городской архив, отдел Щ? — уточнила чиновница, глядя в бумаги.

— Да.

— Что же не так?

— Я не думаю, что это моё предназначение.

— Хотите снова пройти тест?

Достав из тумбочки под столом несколько бумажных форм и заправив в планшет, Игнатьева протянула их Рите вместе с карандашом.

— Можете не торопиться. Я вернусь, когда вы закончите.

Тест занял около часа: несколько десятков не связанных друг с другом утверждений, для каждого из которых предлагалось оценить степень своего сомнения. Труднее всего Рите давалась разница между «верно» и «в целом верно».

К тому времени, как Рита дописывала ответы на последние вопросы, женщина действительно вернулась и принесла с собой запах чая и булочек. Заполненные формы были тщательно упакованы и отправлены по пневмопочте, и снова наступило спокойное молчание. Рита знала процедуру: где-то кто-то работает над её запросом, и надо просто подождать, вопросы же и разговоры ничего не ускоряли. Наконец почта пукнула и выплюнула капсулу.

— Итак, — подвела итог Игнатьева, сверив содержимое капсулы с личным делом и подшивая в него новые бумаги, — результаты теста те же. Ваши ведущие характеристики — ответственность, аккуратность и отзывчивость (жела-

ние заботиться о других людях). Наиболее полно вы можете реализовать свой потенциал в роли младшего каталогизатора. Отдел Щ наименее укомплектован.

— Но я же совсем не помогаю людям! — взмолилась Рита.

— Как же нет? Вот же, я смотрю ваш файл. Двадцать второго двенадцатого вынесена благодарность по делу следственного отдела номер щ/48—12 о пропаже щавеля. Тридцать второго пятнадцатого — щось, поиск. Персональная благодарность, имя не указано. Так, что ещё? За время работы в отделе обработано более м-м-м заявок с коэффициентом погрешности в м-м-м. Так, подождите, это устаревшая статистика.

Пальцы чиновницы пробежались по клавиатуре типографа, формируя новый запрос, так быстро, что Рита не успела ничего сказать.

— Это метазапрос. Срок исполнения — до двух дней, — сообщила Рита, когда обычное время ожидания истекло, а почта не издавала ни звука.

— Да, действительно, — рассеянно сказала Игнатьева. — Но неважно. Показатели хорошие. Стаж идёт. Нареканий нет. Рост не за горами. Когда-нибудь из вас получится неплохой уже не младший каталогизатор, а, может быть, даже старший. Развитие, Рита, развитие. У вас оно есть, хотя вы ещё не огранённый алмаз.

— Но мне же плохо.

— А что вы хотели? Саморазвитие — тяжёлый труд, не ведущий к счастью, но награда за него — встреча с самим собой, реализация уникальных качеств, характеристик вашей личности. Стремление стать всем, чем возможно, — первейшая мотивация человека. Я чем-то ещё могу вам помочь?

— Нет, спасибо, — сказала Рита, подумав.

— Лучиков добра!

— Да, спасибо, лучиков добра, — ещё раз неуверенно поблагодарила Рита и вышла.

На скамейке у входа на этаж ей захотелось прилечь, как дедушке, но она ограничилась тем, что ненадолго присела.

Спускаться было легче. В кофейне её встретила та же Хозяюшка, окружив заботливым воркованием:

— Снова вы? Вам понравилось в прошлый раз? Так быстро ушли! То же место? Опять мастос? Хорошо.

КНИЖНЫЙ КЛУБ

Дождь потребовал несколько лишних минут на сборы и навигацию через лужи, поэтому на работу Рита опоздала — немного, но достаточно для того, чтобы чувствовать себя виноватой, тем более что вчера она пропустила вторую половину дня. Танька уже была вся в мыле, что странно: слишком раннее утро для потока работы и даже ещё не конец месяца.

— Метазапрос из Минсамра, — пояснила подруга. — Вечера пришёл. Ума не приложу, чего вдруг вне графика.

— Помочь? — спросила Рита, не ожидая получить ответ.

— Спрашиваешь! Тут на весь отдел работы, а нас всего двое.

В обеденный перерыв подруги вышли из здания одновременно и почти уже было направились в их обычное заведение, как Рита, извиняясь, махнула рукой сначала в одну сторону: мол, я туда, — а потом в другую: но ты иди без меня.

Хозяюшка приветливо улыбнулась ей, как старому знакомому, любимому родственнику или маленькому ребёнку, после чего спросила имя так, будто всегда знала, но просто запамятовала. На следующий день поинтересовалась местом работы, потом — районом в городе, где Рита снимала квартиру, и вот уже через неделю Хозяюшка воспринималась как родная тётушка, даже несмотря на отсутствие разницы в возрасте.

Совместная работа сближает, отношения с Татьяной постепенно наладились, и Рита опять стала ходить на обед

с ней, выслушивая бессмысленную трескотню, что было всё равно лучше, чем угрюмое молчание, царившее в кабинете во время ссоры. В «Сому» же появилась привычка забегать после работы, ненадолго, что каждый раз растягивалось минимум на час и ощутимо сказывалось на ежемесячном бюджете.

К концу дня в кафе собиралась странная публика, чем-то похожая на тунеядцев, как их изображали на карикатурах в «Наблюдателе», и Рита чувствовала бы себя не в своей тарелке, если бы не Хозяюшка, создающая атмосферу всеобщего спокойствия и умиротворения. В один из таких вечеров небольшая группа молодых людей сдвинула два стола вместе и принялась о чём-то тихо, но увлечённо переговариваться, сверяясь с какими-то записями и заглядывая в книги. Другие посетители не спеша расходились по домам, чтобы готовиться к новому трудовому дню — Новобургоградск обычно вымирал к вечеру, — и наконец в кафе остались только эта компания и Рита.

— Эй, ты тоже в клуб? — заговорщически шепнул ей парень через всю комнату.

— Кто? Я? — удивилась девушка.

— Ты. По четвергам вечером тут только книжный клуб собирается, все это знают, — подмигнул он вдобавок. — Присоединишься?

Немного поколебавшись, Рита согласилась. Это место принимало её, чем глупо было бы не воспользоваться.

— Док, — сказал позвавший её парень, после чего представил остальных участников: Скромницу, ярко накрашенную блондинку в длинном свитере, Соню, девушку с короткими каштановыми и немного взлохмаченными волосами, Весельчака («Можно Вес»), унылого юношу с вытянутыми чертами лица, и Торча, траурного вида парня с мешками под глазами. Рита представилась тоже, нервно хихикнув:

— Что, это правда? Вас так зовут? Как единокороек?

— Да, — кивнул Док и серьёзным тоном спросил: — А что с этим не так?

— Но ведь это детские книжки.

— Богохульство, — прокомментировал наступившую тишину Вес.

— Может, она просто Шут, — миролюбиво возразил Док.

— Скорее, Простак, — фыркнула Соня.

— Какой же она Простак, ты на нос её посмотри, — не согласилась Скромница.

— Нормальный нос, — веско заметил Док, было очевидно, что он тут за главного. — Прозопология должна выступать в качестве дополнительного критерия типирования, но никак не основного.

Участники кружка обсудили Риту, словно её тут не было, и, когда все варианты кончились, Док спросил:

— А ты сколько книг читала? Ну, про единорожек.

— Две или три.

— И как тебе вообще?

— Интересно.

— Но ведь это детские книжки, — ехидно вставил Вес.

— Да, это же сказки, — попыталась оправдаться Рита.

— Прежде всего, это же Твороговски! Ты отца его читала? Да не смущайся ты так, Казимира Густавовича почти никто специально не изучал, но все знают. «Трудиться, трудиться, трудиться... Самореализация есть основной мотив человеческого бытия... Даже кухарка может управлять своей жизнью». Что ещё? — обвёл всех взглядом Док.

— Разве ж это «знают»? Так, витает в воздухе. Все знают несколько цитат, конечно, отец-теоретик же всё-таки, — подал голос Торч. — Одна только «Пара слов о самоактуализированной личности» три тома занимает, тягомотина жуткая, кто такое осилит вообще? И зачем?

— Читал? Ну Торч! — восхищённо заметил Док. — Но, в общем, мысль такая: книги Бенедикта Казимировича Тво-

роговски являются продолжением идей его отца, Казимира Густавовича, своего рода толкованием.

— Ну да, простым языком, для детей, чтобы вырастить из них достойных представителей города. Это все знают, — подтвердила Рита.

— Да почему для детей-то?! — кисло скривился Док. — Это совершенно обманчивая простота, надо всего лишь уметь отбросить шелуху. Более того, Бенедикт не только толкует, но и развивает идеи отца. Его работы содержат не только профанный смысл, лежащий на поверхности, но и сакральный, недоступный простым смертным, которые не умеют читать между строк. Что, думаешь, двенадцать единорожек живут в Заземелье, попадают в разные приключения и решают, что хорошо быть собой, — и это всё, что можно оттуда вынести? Нет же, там ещё есть и тайный, но чёткий код, рассказывающий, как именно быть собой!

На мгновение ей стало неловко и стыдно за то снисходительное отношение, которое она ретранслировала, возможно, и вовсе не имея собственного мнения о предмете. На работе иногда случалось, что все запросы были разобраны, а новые не приходили часами, и тогда Танька доставала колоду карт и начинала раскладывать пасьянсы, а Рита, помаввшись первые несколько дней от безделья, решила читать. «Мать, ты чего? В детстве сказок не хватило?» — фыркнула Татьяна, увидев в обеденный перерыв на столе Риты «Единорожек и секрет жизни», последнее творение Твороговски-младшего, купить которое можно было в любом киоске по дороге на работу. Книга перекечвала на прикроватный столик, но там в один из визитов её обнаружил Мушер, подцепив двумя пальцами за угол обложки, словно педикулёзного зверька: «Ты это читаешь?» Рита пробовала делать это втихаря, но всё удовольствие уже было окончательно испорчено.

Рита извинилась, и отношение группы заметно потеплело.

Док кратко ввёл её в курс основных эзотерических идей клуба: двенадцать единорожек представляли собой сложно сбалансированную систему *изобразов*, изначальных образов, присутствующих в психике каждого человека и находящихся друг с другом в сложных и богатых отношениях. Антагонизм, разумеется, прослеживался лучше всего, тут пяди во лбу были не нужны, даже ребёнок понимал, что Весельчак и Ворчун — разнонаправленные сущности; более же тонкие отношения требовали тщательного анализа, чем группа и занималась (другими парами были Док и Шут, Хитрец и Простак, Соня и Непоседа, Скромница и Торчок и, наконец, Заботница с Колючкой).

Всё это обладало и прикладным значением: каждый человек имеет ведущий образ, и стоит только определить правильно свой, как обретаешь ясность на пути самореализации, а если типировать других, то становятся понятны их поступки, мотивы и вся психическая машинерия.

— Я, например, Док, ну и тут всё понятно: в книгах он самый умный и рассудительный, постоянно генерирует новые вещи и толкает группу вперёд, обладая авторитетом и мудростью.

Рита присмотрелась к рыжеватому парню, пытаясь найти в нём внешние проявления мудрости, но группа действительно его слушалась — возможно, потому, что он говорил не замолкая.

— Или пример посложнее. Вот, скажем, Заботница. — Док кивнул в сторону официантки, которая всё это время полусидела на краешке соседнего стола, то ли ожидая заказа, то ли прислушиваясь к разговору. — Она приносит нам пледы, еду и питьё, создаёт уют.

— Можно просто Хозяюшка, — мягко улыбнулась в ответ девушка, указывая на бейдж. — Она делает всё то же самое.

Вернувшись домой, Рита обнаружила сложенный вчетверо листочек бумаги, воткнутый в щель входной двери, на котором округлыми полупечатными буквами были выведе-

дены три слова: «Здесь был Мушер». Он приходил раз в неделю-две, объясняя свой график тем, что ему этого времени вполне хватает, чтобы как следует соскучиться, а больше и не надо.

Рита немного погадала, придёт ли он в ближайшие дни, или посещение было засчитано как свершившееся и Мушер объявится только через две недели, но особенно не расстроилась — в последнее время было немного не до него.

За неделю она заново, уже новым взглядом, перечитала большую часть книжек и даже попыталась завербовать Татьяну. Та с интересом выслушала теорию образов, после чего взяла минуту на обдумывание и заявила:

— Говорят, в канале нашли труп кошки. Когда это прекратится вообще?

Ведущий образ Риты искали всей группой и сошлись во мнении, что она Непоседа: полный энергии человек, который не только всегда чем-то занят сам, но и постоянно тормозит и заводит других людей, делая их жизнь насыщенной событиями и приключениями. Девушка не поверила, вспомнив тяжесть по утрам и придавливающую тупость по вечерам. «Полна энергии?»

— Да у тебя просто душевная болезнь, — радостно просял Док. — Всё сходится! «Депрессия есть индикатор нереализованной жизни».

Это было в тексте «Печали и меланхолии», небольшой даже по меркам Твороговски-старшего статьи: когда человек живёт не в ладах со своей сущностью и пытается быть не собой, он постепенно лишается энергии жизни (потому что тратит её не туда) и впадает в депрессию. Это лишний раз доказывало правильность классификации.

С пятницы началась новая жизнь.

— Э-ге-гей, черти! — по пути на работу радостно крикнула Рита детям по ту сторону канала. Те переглянулись и бросились наутёк. Помахала деду на проходной, на что тот не обратил ровно никакого внимания, и улыбалась каждому

прохожему, которых, как оказалось, в городе попадаетея невероятное множество, стоит только перестать смотреть себе под ноги.

Зайдя в отдел, Рита первым делом толкнула Таньку в бок и, подмигнув, совершенно бестактно поинтересовалась:

— Так что Каштанов?

Та смутилась и что-то прогудела под нос, что совсем не остановило Риту. Проходя к своему столу, она пихнула подругу уже в другой бок:

— Ну хитрюга!

Работа спорилась, и, разобрав все свои капсулы, Рита набросилась на Танькины, выхватывая их прямо из-под рук.

— Ты чего, коза?! — возмутилась та. — Не трожь, у меня тут своя система. Бери вот эти две.

Капсулхватило ненадолго. Тогда Рита пошлялась по кабинету, немного почитала, и её вдруг осенило: надо типировать Татьяну тоже.

МУШЕР

— Как там твоя сказка?

Рита задала вопрос и почувствовала, как напряглось и легонько дёрнулось плечо, на котором она лежала.

— Никак, — ответил Мушер.

— Ты давай пиши, пиши. Мне очень интересно, — нарочито бодрым голосом сказала она.

— Что интересного-то?

— Ну ты ж говорил: девушка встречается с джинном. Что там будет дальше? Столько вариантов было — и ты не знаешь, что писать?

— Наоборот же. Куча вариантов — выбирай любой. А смысл?

— Какой смысл?

— Вот именно.

— Знаешь, я тут пытаюсь тебя замотивировать и поддержать, а ты через губу со мной разговариваешь. — Игриво надув щёки, она ткнула его локтем в бок.

После секса он становился болтливым, но сейчас это не особенно помогло. Последнюю неделю Рита только и занималась, что непосредством, окончательно уверившись в том, что её призвание — поднимать людей на подвиги и приключения. Давалось это нелегко.

Её последним и величайшим достижением была подписанная петиция в защиту бездомных кошек, то есть любых кошек, потому что домашних в городе до этого просто не существовало, всех их отлавливали и вышвыривали

за пределы Н-ска, как переносчиков заразы, и никакого легального статуса у животного быть не могло. Сейчас же желающие могут «удочерить» кошечку и дать ей дом.

Идею подкинула та же Танька со словами: «Слушай, если тебе совсем нечем заняться, то в башне есть петиции». И действительно, на первом этаже на специальной доске жителям разрешалось вешать любые предложения, и как только какое-нибудь из них набирало достаточно подписей, оно пропадало, уходя в той же башне куда-то наверх, «на рассмотрение». Люди могли даже брать петиции, в реализации которых они были заинтересованы, и обходить улицы, прося прохожих подписать их, что Рита и сделала. Кошечек ей было особенно жалко, и, к счастью, эту петицию она заметила на доске первой.

— «Человек попадает в беду и выбирается из неё: эта история никогда не надоест людям», — вздохнув, начал Мушер. — Ну или как-то так — цитирую по памяти. Можно повторять больше одного раза. Сначала герой в беде, потом ему становится лучше, потом он снова в беде и затем опять молодец. Но можно и всё ровно наоборот: сначала у героя всё хорошо, а потом он попадает в беду. Если не выбирается, то трагедия. Если выбирается, то драма. Если два раза попадает в одно и то же — фарс. Всё. Кроме этих метаний, ничего больше и нет.

— Так в чём сложности? Девушка загадывает желание — и попадает в беду. Придумывает второе — и всё исправляет. Третье... снова в беду? Нет, третье решает не использовать. Осталось придумать, куда именно она попадает и как это исправляется.

— Молодец, быстро схватываешь. — Мушер сгрёб Риту левой рукой и поцеловал в лоб.

— Опять издеваешься, да?

— Нет, ты правда умница. Я даже видел совет для начинающих авторов: чтобы читателям было интересно, герой не должен получить всё сразу, поэтому необходимо специ-

ально придумывать преграды, а потом ещё сочинять, как он их будет преодолевать. Не бог весть какая мудрость, даже ты до неё только что дошла. Вот теперь издеваюсь. Но как вам это не надоедает?

— Твои подкалывания, что ли?

— «Приключения». Автор фактически упражняется в собственной фантазии, решая, как бы сильнее испортить герою жизнь, а читатель делает вид, что верит. Пугается, когда страшно, переживает, сдюжит ли герой, хотя очевидно же, что справится, чтобы не расстраивать читателя. Удивляется, когда предатель внезапно оказывается предателем. Никогда такого не было — и вот опять! Как можно вовлекаться в приключения героя, когда знаешь, что всё будет хорошо? Или плохо. Всё будет, — разошёлся Мушер, в его голосе чувствовалась нескрываемая досада.

— Значит, «человек попадает в беду, выбирается из неё, эта история людям всё никак не надоедает, и я не знаю почему».

— И правда умница. Да, я понятия не имею. Есть идеи?

— Людям нравятся приключения.

— Вот так вот всё просто?

— Ага.

— Но это ведь то же самое, что и «всё никак не надоест», но другими словами. Нет?

Мушер задумался ненадолго и продолжил:

— Так, а если это аксиома? Пчёлы просто любят мёд. И всё. Точка. Зачем ковырять дальше — непонятно. Да, ты права. Не могу вообразить ничего ужасней истории обычной жизни, сведённой к формату некролога. Имярек родился, учился, женился, покоптил немного небо, нарожал детей и помер. Прожил достойную жизнь. Имя им легион.

— А что, каждый должен быть выдающимся?

— Необязательно. Я не про это, а про ровную жизнь. Хотя, конечно, то, что выдаётся, не может быть ровным по определению. А, проклятая семантика, — махнул Мушер

свободной рукой. — Приключения, значит, выводят нас за пределы обыденности. Ровная жизнь — скучная, а волнистая — интересная. Я правильно тебя понял?

— Я вообще ничего такого не говорила, но ты продолжай, — улыбнулась Рита, заворожённая ходом мысли Мушера.

— Людям нравятся приключения, поэтому они описывают приключения как представляют. Воображение у людей работает примерно одинаково, вот и пишут одно и то же. И как им не надоедает?

— Может быть, всё-таки не одно и то же?

— Точно. Ты права. Они просто этого не замечают. Им кажется, что это всё разное. Но я-то вижу. Вижу! — обиженно сказал Мушер. Казалось, Мушер сейчас выговорится и успокоится. Но нет. Он продолжил вещать, жестикулируя в воздухе одной рукой, а другой обнимая Риту: — Или вот мономиф. Путь героя, универсальная схема повествования, по которой строится почти каждое произведение. Протагониста что-то не устраивает, он уходит из родительского дома, минует перепутье и спускается в ад. Катавасия. Там перерождается — и обратно, но уже в новом качестве. Обычно путь изображается в виде круга, но это тот же спуск и подъём, просто закольцованный, «попадает в беду и выбирается».

— Интересно.

— Некоторые даже говорят, что глубоко! Надо же, в основе любого рассказа лежит одно и то же. Ну и ну. Я вышел в магазин за хлебом, перешёл улицу и вернулся обогатившийся. А мог бы залезть в пещеру к дракону, победить его и возвратиться.

— И что дальше?

— И потратить полученное золото на хлеб, очевидно!

Рита задумалась, что же ему всё-таки не нравится. Мушер говорит, что всё устроено по одной и той же схеме? Выходит, что ему не нравится всё?

— Это всё, что есть, — сказала она.

— Вот именно. Всё, что есть, — это. Как-то мелко. Маловато будет.

— Нет, ты не понимаешь. Это всё, что есть. Вообще всё. А «вообще всё» — это очень много. Представь, что это универсальный закон жизни. Всё на свете существует циклами: рождается, живёт и умирает. Больше ничего нет.

«Это же просто колебания. Как вдох и выдох, — подумала про себя девушка. — И вся жизнь имеет ритм». Впрочем, объяснять мужчинам циклы — занятие неблагоприятное.

— Нет, погоди. Возьмём, например, пчёлку. С их точки зрения, всё в мире может иметь лишь два состояния: либо цветёт и пахнет, либо отцвело и не пахнет, — и больше ничего нет, — продолжил Мушер. — Универсальный пчелиный закон.

— Ты хочешь сказать, что есть нечто, что людям просто неизвестно? — задумалась Рита.

— Причём без малейшей возможности когда-нибудь стать известным.

— Что-то я даже не могу ничего представить.

— Вот именно! — обрадовался Мушер. — Ты не способна вообразить невообразимое. В этом и подвох!

Разговор начал надоедать Рите, поэтому она решила ещё раз уточнить:

— Так что сказка-то?

— Не вижу смысла её писать, говорю же. Герой молодец, справился. Конец.

— Ладно, — решила сделать она ещё одну попытку. — А если хочется что-то рассказать?

— Что именно? В яму — из ямы?

— Да нет, что ты опять про это. Я имею в виду, что если тебе хочется что-то поведать миру, ты рассказываешь это в форме приключений, понимаешь? Но ты хочешь выразить что-то другое, например... Ну вот единорожки.

Рита начала увлечённо пересказывать теории, которые слышала в книжном клубе, не замечая, как собеседник её мрачнел с каждой секундой. Стараясь скрыть эмоции, он встал — нервно, словно забыл о каком-то важном деле, — и поспешил налить себе воды, тряся при ходьбе обнажённым членом. Сделав несколькими глотками стакан наполовину пустым, Мушер вернулся обратно к кровати, подобрал валяющиеся трусы, надел их и сел спиной к Рите, продолжая медленно цедить воду как предлог, чтобы не лежать рядом.

— Эй, эй, ты чего? Иди обниматься, — наконец заметила девушка перемену настроения.

— Твороговски, значит, — печально сказал Мушер.

— Он тебе не нравится?

— Нет. Если бы не отец, до него никому бы не было дела. Ну, может быть, детям читали бы на ночь, чтобы те поскорее засыпали от скуки.

— А вот Док говорит, что это никакие не детские сказки, — попробовала сослаться на новый авторитет Рина.

— Так они и есть дети, — скривился Мушер. — Как раз для них и написано.

— Слушай, да какая вообще разница? Даже если он раскрывает идеи отца и делает это в виде сказок, пусть даже для таких, как Док или я, что с того?

— Да любой бы мог! — начал говорить что-то Мушер, но осёкся и заткнул себя громким глотком.

— Да, и даже ты бы мог! — попыталась поддержать его Рита, привставая и приобнимая за плечи. — Идеи же никому не принадлежат. Бери и раскрывай.

— Нет. Не мог бы. Я не знаю, как у него это выходит. Персонажи не развиваются, а просто живут. Приключения не подстроены, а случаются сами. Как будто нет у него этого чередования: плохо — хорошо — плохо. Хотя есть, конечно, но просто не выглядит так, будто он это специально. Общая эта кукольность помогает: проблемы единорожек не воспринимаются как настоящие, но они — всё равно же кон-

фликты и вызовы, которые как-то разрешаются, по правилам драматургии! И при этом у меня не получается угадать и половины сюжетных ходов!

Мушер допил стакан, вскочил и теперь вышагивал по квартире, размахивая руками:

— Понимаешь? У него получатся придумать то, что меня удивляет!

— Вообразить невообразимое? — съехидничала Рита.

— Да! По крайней мере, для меня.

— Надо же, а меня больше всего впечатляет, какие глубокие выводы можно сделать из этих сказок. Насколько они получаются про нас всех, и главное — как вообще это каждый раз оказывается связано с идеями о самости.

— Пф-ф-ф. Смыслы за уши притягивать — это как раз самое простое.

— И ты бы смог? — с недоверием в голосе спросила девушка.

— Ох, Рита, Рита. Я — Кабачков.

— Так Мушер — это не фамилия?

— Мушер — это погоняло. Кабачков же, ну? Кабачков Нэ. А также Нерест Ка. Нет? Что же ты? — разочарованно протянул он. — Предисловия!

— Подожди!

Рита откинула одеяло, дотянулась до прикроватной тумбочки и вытащила из ящика спрятанную от Мушера книгу. «З. Самоед», — прочитала она, пролистнув несколько первых страниц.

— Далее известный также как Ю. Борос. Вернее, неизвестный. Это что у тебя там, третья книга всего? Тогда я старался ещё. Потом мне надоело, и теперь уже совсем очевидно, да? «Нерест Кабачков». Нельзя так явно наглеть, потому что я всё же разбил на два. Сначала вступление написал Кабачков, а к следующей книге — уже Нерест.

— Так ты что, пишешь вводные слова к «Единорожкам»? — подпрыгнула Рита.

— Кто-то же должен это делать!

— А как? А ты... Ты его видел? Разговаривал? — затарила девушка.

— С Твороговски, что ли? Нет, для меня исключений не делается, — печально улыбнулся Мушер. — Все же знают, какой он скрытный. Сидит в своей башне из слоновой кости, к простым смертным не спускается. Но тексты получаю раньше всех, хотя даже их мне человек из Самра приносит, а ему — прямиком из издательства.

— А в издательство?

— Тётушка его доставляет, Агафья как-её-там. Литературный агент. Бенедикта можно понять — полгорода поклонников. Я бы, наверное, тоже не высывывался. Разве что ради поклонниц.

— Как это происходит вообще? Как ты это делаешь?

— Я не понимаю вопроса.

— Ну, как ты решаешь, что писать? Как узнаёшь, что хотел сказать автор этим произведением?

— Символизм, — пожал плечами Мушер.

Рита попыталась ещё что-то выяснить, но Мушер никак не мог понять сути вопросов. Выходило, что он просто заострял внимание читателя на нужных моментах, излагая их более сухим, в сравнении со сказочным, языком публициста. Тематика моментов была задана заранее, две-три главные идеи старшего Твороговски раз за разом повторялись и крутились вокруг индивидуализации и бытия собой.

Секрет хорошего предисловия состоял исключительно в выборе материала: параллели надо брать в основном очевидные, чтобы у читателя легко и быстро выскакивала в голове радостная мысль: «Да, я тоже это заметил», — но также и проводить пару сложных аналогий, чтобы читатель рос над собой в деле понимания того, что же хотел сказать автор.

Тон Мушера становился всё более капризным и усталым, было видно, что разговор его тяготит. «Может, именно это

он и имел в виду, когда утверждал, что встречаться раз в две недели ему достаточно», — подумала Рита.

— А про изобразы что думаешь? — поинтересовалась она.

— Думаю, что это удивительно: ты ходишь в «Сому» — и мы там ни разу не пересеклись. Баловство это всё. Самодеятельность. Ребята видят смысл там, где его нет.

— Но как же? Ведь есть же двенадцать персонажей?

— Двенадцать, да. В белом венчике из роз.

— Что, прости?

— Дурачьё, что. Не было такого в предисловиях.

— А мне вот сказали, что я — Непоседа.

— Правда? Я разберусь.

С чем именно он разберётся, Рита выяснить не успела — на улице раздался монотонный звук колотушки.

— Ой, у меня накопилось за последнее время, не можешь вынести? — попросила она и, не дожидаясь ответа, принялась натягивать на себя разбросанную по кровати одежду.

— Я, пожалуй, пойду, — тоже одеваясь, сообщил Мушер. — Но помогу, конечно.

Девушка открыла шкаф, и оттуда вывалилось несколько заполненных мешков. Мушер подобрал самые большие и вышел на улицу, не дожидаясь Риты. Через несколько минут вышла и она.

Повозка мусорщика стояла на перекрёстке, небольшая группа вокруг быстро таяла: люди, одетые в домашнее, одним движением перекидывали мешки через бортики и расходились по домам. Рита с Мушером подошли последними; мусорщик, черномазый мужчина без определённого возраста, приветливо зыркнув через нахлобученную почти до самого носа шляпу с широкими полями, взял мешки из рук девушки, зашвырнул в повозку и пошёл в неё впрягаться. «Новенький, всё ещё пытается помогать», — мелькнуло у девушки.

Мушер призывно махнул рукой и вытащил из кармана два су. Чаевые считались вредным (хотя и по-декадентски стильным) пережитком дореволюционного прошлого, теперь всё оплачивалось Самром по табелю, но улица была пуста, а мусорщик навряд ли стал бы возражать против дополнитель­ной выгоды. Получив чаевые, уборщик молча поклонился впол­го­ло­вы, взялся за оглобли и потянул повозку за собой. Мушер задумчиво посмотрел ему вслед, нахму­рив брови.

— Я пойду, — повторил Мушер, стоя на перекрёстке.

— Давай, — устало сказала Рита.

Но вдруг Мушер замер и, вместо того чтобы уходить, развернулся в другую сторону и с криками «Эй! Эй! Стой!» направился вслед за повозкой. Мусорщик, услышав вопли, прибавил шагу. Мушер ускорился, мусорщик тоже. Завязалась увлекательная погоня, которая, впрочем, была недолгой. Никто из её участников не переходил на бег, изо всех сил стараясь оставаться в рамках каких-то неведомых правил приличия. Участь мусорщика была пред­ре­шена сразу, так как оставлять повозку он не соби­рался и сбегал как будто из баловства. Рита бросилась следом и быстро догна­ла их.

— Ты! — немного запыхаясь, сообщил Мушер. — Это ты, я тебя помню!

— Это я? — удивился мусорщик.

— Ты, ты. Ты мне книги продал. У тебя ещё такие есть?

— Я собираю мусор. Книги не продаю, — просопел муж­чина и снова попытался медленно удрать.

— Эй, подожди, — схватил его за рукав Мушер. — На яр­марке, лет пять назад. Ты сказал, что ликвидируешь остатки библиотеки. Я ещё очень удивился: где это видано, чтобы библиотека поступила в продажу, да и откуда вообще у де­ревенских библиотека? Ты ещё ответил, что она личная, что и вовсе странно.

Мусорщик дёрнул рукой, освобождая рукав, и отвернулся.

— Я не всё тогда купил! — не унимался Мушер, забегая вперёд и преграждая повозке дорогу. — Подумал: что за ерунда? Но бумага хорошая, кто-то не поскупился печатать, может, самиздат какой. В крайнем случае сдал бы на переработку.

— И что, сдал? — пробурчал мусорщик.

— Нет, и я никогда больше подобного не читал и не видел. Так это же ты, да?

Мушер наклонился, пытаясь заглянуть под поля шляпы, и внезапным движением сорвал её с головы мусорщика. Копна волос с вороньим отливом разлетелась в разные стороны, и на макушке обнаружился два небольших нароста. Рога.

— Мушер, это же шумец, — почему-то сильно заволновалась Рита, одёрнув любовника. — Ну ты чего, какие книги?

— Я... я обознался. Простите, пожалуйста, — промямлил Мушер, протягивая шляпу.

— Пойдём, пойдём, — тянула его девушка в обратную сторону.

Мусорщик поспешно надел головной убор, быстро огляделся и снова едва заметно поклонился, отчего Мушеру тут же захотелось опять заорать: «Да нет же, это ты, ты!» — но он сдержал себя. Книги он покупал у человека, на ярмарке, и рогов у него точно не было.

Оставленный в покое шумец снова впрягся в повозку и потащил её с холма вниз, к каналу. Каждые несколько минут он доставал из кармана колотушку, начинал трясти ей, останавливался и ждал, пока набегут люди, помогал загрузить мусор и продолжал свой путь.

Дойдя до проходной, он поприветствовал сидящего в будке сторожа, приподняв шляпу, и перешёл мост, оказавшись в Заканалье. Вскоре вырисовалось здание сортировочного цеха, и мусорщик бросил повозку у ворот, просигналив той же колотушкой. К нему вышел приёмщик, окинул опыт-

ным взглядом объёмы собранного и выдал купон за выполненную работу.

Дальнейшая судьба отходов была уже не заботой мусорщика, сортировать их и пускать по трубам будут гораздо менее удачливые жители района.

Мужчина зашёл в распределительный центр, сдал купон, расписался в книге крестиком и получил за работу три талона — эсу. На каждом был напечатан одинаковый текст, снабжённый печатью: «Эрзац су. Одна единица. Обязателен к приёму как эквивалент су во всех торговых заведениях города». Охотней всего талон принимали в местном общеторге, где продавалось вообще всё, о чём только может мечтать шумец: от еды до одежды. Магазины же в самом городе под разными предложениями отказывались следовать печатному тексту, да и добратся туда мог не каждый.

Жильё находилось недалеко — несколько трёхэтажных общежитий. Ранее квадратные, как и всё в этом городе, теперь они утратили свою форму: сверху было надстроено минимум два этажа, если это нагромождение мусора можно было назвать надстройкой, а пространство между зданиями было огорожено и слеplено тем же мусором в общий двордом, где тоже жили — в самодельных домиках поменьше. Подобная архитектура наблюдалась и по ту сторону стены, в поселении около свалки: видимо, одинаковый строительный материал располагает к одним и тем же дизайнерским ходам.

— The medium is the message, — пробурчал мусорщик по этому поводу себе под нос, протискиваясь в лаз в заборе и направляясь к общежитию. Там он миновал проходную, спустился в подвал и, немного пропетляв, упёрся в железную дверь с табличкой «Прачечная».

Тук, тук, тук, — отбил он три одинаковых удара.

— Кто? — послышался женский голос.

— Свои, открывай!

— Дон, опять ты? Эсу больше не берём.

— У меня су есть.

Дверь скрипнула, и из образовавшейся щели выглянула наглая рыжая морда молоденькой девочки.

— На тебя кисоньки мои жаловались за прошлый раз.

— Да, а что не так? Я заплатил.

— Заплатил, но не оттрахал. Ладно, заходи. — Она ненадолго распахнула дверь. — Странный ты человек... шумец. Странный ты шумец, — хитро улыбнулась она.

Для владелицы борделя она выглядела слишком милой и невинной, но юный хищник — всё равно не травоядное.

— Си, сестрица, — укоризненно покачал головой Дон.

— Да ладно тебе, не бойся, сегодня нет никого, — ответила она.

Под бордель были переоборудованы соседняя женская душевая и сама прачечная: оказалось, что отдельный душ шумцам не очень нужен (как и душ вообще, честно говоря). Прачечная тем не менее работала исправно: в приёмной, которая после ремонта и перепрофилирования стала только лучше, можно было сдать одежду, чтобы её почистили. Или чтобы пройти дальше, в отдельные уютные комнаты. Никакой пошлости, вроде хоровода голых кисок на выбор, здесь не было — правильные люди знали нужные номера комнат.

Посетители — почти все городские, и репутация борделя подрывала разве что дорога к нему: как ни крути, путь из центра один, так что можно было случайно нарваться на другого гражданина, не дай бог знакомого, идущего обратно с накрахмаленной одеждой наперевес. Лучшая прачечная в городе! Стоит того, чтобы пройти лишнюю половину лье!

Отдав деньги, Дон направился в белую комнату (номер три). В ней единственной стояла ванна, и в ней же лежала на диване Алиса — длинноногая белоснежная сиамка с изящными ушками и подрагивающим хвостиком.

— Тварь, — мявкнула она, увидев Дона. — Опять в ванной мокнуть будешь?

— Как-то же надо это благоухание уменьшить.

Чем дальше Дон мылся, тем сильнее расслаблялась Алиса, теряя образ томной соблазнительницы. Вычурные позы, которые она, красуясь перед посетителем, меняла одну за другой, становились всё более удобными, пока наконец она не растеклась по дивану и не успокоилась.

— Дон, а это правда, что у нас нет души? — нарочито незаинтересованным тоном спросила Алиса.

— У шумцев?

— У раветлан, — поморщилась киска, название ей не нравилось. — У лесных жителей.

— Откуда такая информация? — заинтересовался Дон.

— Клиент поведал.

— Какой?

— Тебе имя назвать? — фыркнула она. — Толстый. Как у людей говорят, «солидный». Они все на одно лицо, только тела разные.

— И что, прям так и сказал: мол, у тебя нет души?

— Ой, ну нет, — вдохнула, вспоминая. — Он долго говорил. Расслабился, развалился, разболтался. Хорошо, говорил, мне — ни забот, ни хлопот. Простая потому что я. Шкуркой, говорил, мы все разные, а внутри всё равно одинаковые. У людей же внутри целый мир, у каждого свой. И нет ничего его ценнее. Акту... акту-лиа-зация. Это значит, что человек должен эту свою особенность развивать, и это важнее самой жизни. Говорил, мне всё равно не понять. Но я поняла, это же душа! Он говорил о ней.

— Да, всё верно, — немного подумав, сообщил Дон. — Сборщик мусора — это не может быть призванием гражданина. Но зато шумец может быть мусорщиком. Красиво.

— Всё верно? Он прав?

— Это как посмотреть. Что-то подсказывает мне, что узор на шерсти и уникальные качества характера — одного поля ягоды. Игра природы. Звёзды так сложились. А вот почему эти люди со своей уникальностью так носятся — уже

другой вопрос. Если дело только в ней, то у снежинок тоже есть душа.

— Значит, и у меня?

— Конечно. Либо всё наоборот. «Душонка есть у каждого, а ради души надо постараться». Душа — это то, что выходит в результате развития и труда. В этом случае души у тебя нет, потому что горожанин может заниматься самоактуализацией, а шумцу это не положено.

Ещё через полчаса, перебравшись из ванны на диван, Дон вздохнул, уворачиваясь от цепких объятий девушки, и попросил:

— Мало места. И много человека, Алис. Убавь, пожалуйста.

— Скажи спасибо, что у меня не эструс, — фыркнула она, но артачиться не стала и, перевернувшись поперёк себя, безуспешно попыталась превратиться в кошку.

— Мутабор, — подсказал Дон.

Это помогло, и Алиса свернулась калачиком рядом с Доном, который уже проваливался в сон.

ШПУНТЛИ

— Хорошо, вот теперь мне по-настоящему интересно. Ты кто? — сказал Цын, ошеломлённый, что «мутабор» на собеседника не действует.

— Видимо, всего лишь человек, — грустно пожал плечами Дон.

— Ты, значит, не ворон, а «всего лишь» человек? Это обычное при других обстоятельствах событие в данном случае весьма удивительно. Не верю! Старик, конечно, потихоньку сдаёт, но не до такой же степени! Я не мог обознаться... И что вы тут вообще делаете? — внезапно перешёл на вежливое обращение Цын, подчёркивая разверзшуюся между ними пропасть.

— Ищу вход в город.

— А чем вас ворота не устраивают?

— Меня через них больше не пускают, не прошёл на гражданство.

— Вы были в башне? Могу ли я надеяться, что вы мне всё расскажете? — дрогнул голос Цына. — Я почти всю жизнь готовлю ребят, и в дальнейшем их судьба идёт по одному из двух путей: либо их задерживают на проходной, либо они всё-таки попадают в город, получают гражданство и никогда не возвращаются. А вы, получается, вернулись! И вы — человек.

— И что вас интересует?

— Это же финальный тест, то, к чему мы все так готовимся. Именно тогда происходит выбор божества для служе-

ния, и именно после него адепт имеет право называться гражданином.

— Ворота там, — показал Дон пальцем на стену норы. — Вы можете очень достоверно превращаться в человека — и при этом ни разу не были в городе?

Цын смутился и начал вещать что-то о своей миссии, жертвенности и предназначении. Из потока его слов вышло, будто бы он не может думать о своём счастье, пока столько животных душ остаются неспасёнными, и что это его выбор — оставаться на свалке ради блага других. Кроме того, за завесой громких фраз вполне очевидно скрывался тот факт, что лис попросту боится.

— Я расскажу, — согласился Дон. — А вы знаете, как ещё можно попасть в город? И где бы найти еды?

— Да-да, конечно. Помогу, чем смогу. Шпунтли наверняка знает, и еда у него почти человеческая. Я вас сведу и поручусь, — вдруг заволновался Цын, что он будет не нужен. — Он тут как бы мэр. Пойдёмте сейчас?

В посёлке лис то и дело кланялся, кивал и приветливо махал рукой в ответ; было видно, что персона он известная и уважаемая, но появляющаяся редко: невозможно каждый день здороваться в таких количествах и с таким энтузиазмом. Дон шёл следом, жители принимались к нему с чуть большим вниманием и любопытством, чем раньше: «Кто это там с Цыном?»

Они добрались до большой — размером с дом — коробки, сшитой из листов потёртого металла, скреплённых заклёпками. Внутри вела железная дверь, никаких окон и других дополнительных отверстий, не считая раструба на крыше, не было видно. Туда же, к крыше, отовсюду сходились провода от гирлянд разномастных лампочек, освещающих селение ночью, но сейчас выключенных. На фоне всеобщего мусора конструкция смотрелась внушительно и несколько чуждо: не мог же кто-то просто взять и выкинуть готовые металлические листы и заклёпки в придачу?

Цын постучал в дверь, внутренности сооружения отозвались гулом, но ничего не произошло.

— Наверное, роет опять, — пояснил Цын, указывая на трубу, которая не дымила. — Он всегда или роет, или коптит. Может, на свалку ушёл. Эй, любезный! — обратился Цын уже к соседу, вылезшему на шум из своей халупы. — Простите, не помню имени вашего. Где Шпунтли сейчас обедает? Кухарка, говорю, у гномов всё та же? Благодарю.

Цын махнул Дону рукой, они прошли вверх по улице к дому, тоже сделанному из листов металла, но потоньше, зато отполированных так тщательно, что строение было похоже на гигантское зеркало. Во дворе стоял стол, такой же блестящий. Цын постучал в стену дома, так как постучать в дверь не мог — её просто не было. Дверной проём закрывали длинные нити бус: на верёвочки были нанизаны всевозможные мелкие безделушки — винтики, дешёвые колечки, пробки от бутылок, проколотые насквозь, привязанные за ручку ложечки.

Услышав стук, выскочила высокая остроносая женщина с иссиня-чёрными волосами и ярким, словно выбеленным, пятном седых волос на левом виске. Наклонив голову, она зыркнула на Дона сначала одним глазом, жёлтым и безумным, потом другим — таким тёмным, что не видно зрачка.

— Сорока, привет. Нам бы поесть, мы к мэру по важному делу, — сказал Цын.

— Ч. Ч-ч-ч. Членосос! — отшатнулась она от Дона. — Кашку будете?

— Только без червячков, пожалуйста. Наш гость — человек.

— Пидор! Пидор! Ч-ч-ч-членосос! — дёрнула она головой три раза. — Хорошо, сейчас принесу.

«Туррет», — догадался Дон.

— Но ты это... ты не подумай, — немного взволновался Цын, незаметно переходя обратно на «ты». — Это не при-

слуга никакая. Гномы сами себе готовили, но быстро выяснилось, что от них больше пользы, когда они своим делом заняты. Жители их разгрузили, а гномы свет нам сделали. Или вот дом вороне. Шпунтли фактически за еду работает. Как и я. Понимаешь?

— Вороне?

— Сороке. Она идентифицирует себя как сороку.

— Теперь понятно, чем тебе мой нос не угодил, — улыбнулся Дон.

— Я до сих пор совершенно не уверен, — вспомнил о своём провале Цын. — От тебя просто неприлично воняет маной. Ну какой же ты человек, а?

— Маной? — хмыкнул Дон.

— Всё равно ведь не сознаешься, да?

— Например, моя связь с ведьмой в качестве объяснения тебя устроит?

— Я же говорю: не хочешь — не рассказывай, но издеваться не надо. Все знают, что ведьмы — это сказки, — с заметной досадой сказал оборотень.

* * *

Он пробирался вглубь избушки, раздвигая руками пучки сушёных трав, свисающие с потолка. Черноволосая молодая женщина сидела за столом у окна и что-то плела длинными пальцами, отчего вены плавно перекачивались по тыльной поверхности тонких кистей. Она подняла голову, и её мимика не выразила ничего, но цепкие глаза тут же впились в Дона, подсчитывая неведомое.

— Ну, привет, — улыбнулся он.

— Я вас знаю? — едва повела бровью она, продолжая плести.

— Вы же ведьма? — на всякий случай уточнил Дон.

— Люди говорят, — подтвердила женщина с заметной гордостью; видно, что званием она дорожила, хотя была всего лишь хорошей травницей.

— Так ведьма? — ещё раз переспросил Дон, чтобы убедиться.

— Да ведьма, ведьма. Но не слишком ли вы фамильярны?

— Вы действительно меня не знаете. Но *она* — да.

— Она?

— Морана.

«Кто?» — собралась было переспросить ведьма, но лицо её вспыхнуло испугом, зрачки расширились, она дёрнулась в сторону в безуспешной попытке убежать-уклониться, как за секунду до столкновения с чем-то, но тут же обмякла. Черты лица, до этого надменные, стали более плавными. Женщина — теперь, скорее, девушка — окинула быстрым взглядом плетенье так, будто видела в первый раз, и небрежно отбросила его в сторону, рассматривая сначала собственные руки, а потом — Дона.

— Ну, привет, — улыбнулась она.

— Единорог, сон, избушка... Очень изящно, но я завязал. Как ты меня нашла?

— Я и не теряла. Тебя вообще сложно потерять и невозможно забыть. Хотя, конечно, сбежать в немагический мир было интересным ходом. Роб Доннер, сигнифер третьей космической центурии? Пиу-пиу! — Ведьма изобраила пальцами стрельбу из бластера и лукаво улыбнулась.

— Ты же знаешь, что это не так, — насупился Дон, машинально поправляя кобуру. — Никаких этих «пиу-пиу», — перердразнил он. — Насилие — не наш метод.

— Значит, ты сознательный отказник?

— Да, но оружие выдавали всё равно всем. Устав.

— Ты — и устав? — покачала головой она, — А оставил его себе, значит, из сентиментальных побуждений? — указала она на кобуру. — Вечно ты хлам всякий собираешь. Сигнифер, разумеется, номинальная должность. Чем занимался на самом деле?

— Переводчик. Ксенолингвист. Лучший способ победить врага — договориться.

— Хитро. Почти по твоей специальности. Никуда тебе от неё не отвертеться, как я посмотрю. Устал, наверное? — сочувственно спросила Морана.

— Да, решил вот несколько лет пожить в лесу, отдохнуть.

— Интересные места ты для жизни выбираешь, разнообразные.

— Ты зачем девушку послала?

— Радость моя, что значит «зачем»? — Ведьма невинно улыбнулась, как маленький ребёнок, пойманный за отрыванием крылышек у насекомых. — Опять почти по твоей специальности же. Не вздыхай ты так. Мне очень жаль, что мама тебя в детстве уронила в расщелину между мирами.

— А ты — подобрала.

— Вот об этом я как раз не жалею. Добро не должно пропадать. Зато посмотри, каким хорошим вырос, — игриво прошептала ведьма, — единственным в своём роде. Не каждый может туда проваливаться. Ну, больше одного раза.

— Рина, — напомнил Дон. — Что надо-то?

— Что им обычно надо? Найти себя.

— А тебе с этого что? — спросил Дон.

— Ох, бедное дитя! Жаль её очень.

— Ты — и жалость? — покачал головой Дон, передразнивая.

— Есть в ней... потенциал. Может толк выйти.

— Её тоже в детстве уронили?

— Слушай, ну перестань! — На мгновение тон ведьмы стал серьёзным. — Что ты в лесу делал? На печи спал? Мхом там не зарос? Тоже мне, трикстер на пенсии. Мне просто не нравится, когда активы простаивают. Но это моё дело, конечно. А твоё дело — служение. Добровольное — я же тебя ни к чему не принуждаю. Даже если у тебя есть талант, ты не обязан им пользоваться.

— Это не талант, — прошипел Дон.

— «...а проклятье». Мы столько раз об этом уже говорили. Ты не выспался сегодня, что ли? Ворчишь. Или тебе действительно что-то про девушку непонятно? Только давай серьёзно, мне это тело освободить надо. Долго засиживаться неприлично, хотя она сама назвалась ведьмой, а значит, будь готова в случае чего.

Дон грустно кивнул. Травница определённо сболтнула лишнего, подписавшись, возможно сама того не зная, на служение. Люди вообще редко понимают истинный вес собственных слов (к Мушеру, как человеку, владеющему языком, это особенно относится). Отношения же Дона и Мораны были куда более свободными: он был одним из множества её инструментов — возможно, одним из любимых, — но самурайской преданности от него не требовалось, потому что было нужно совсем другое — ясность суждений.

«Толк» и «потенциал» — понятия непредсказуемые, и конечный результат был неизвестен даже Моране. Она привлекала Дона, когда рост приостанавливался и нужно было обрезать омертвевшие ветви, чтобы толк мог расти дальше. Решение же, где и как резать, оставалось за Доном, поэтому сравнение с бездушным стальным скальпелем хромало бы на обе ноги.

Биохирurgia — древний способ очистки открытых ран, который заключается в том, что туда запускают личинок мух, как бы страшно это ни выглядело. Опарыши съедают только мёртвые ткани, оставляя живые нетронутыми, неведомым образом отличая первые от вторых. Они не кушают, так как не имеют зубов, а вместо этого выделяют пищеварительные соки, размягчающие ткани. В этих соках содержатся природный антибиотик сератицин и анестетик аллантаин. Антибиотик помогает пациенту очистить рану, но нужен он самой личинке, чтобы она могла спокойно переваривать гниющую плоть; анестетик также помогает пациенту пережить боль, но тоже нужен самой личинке, чтобы её не скинули.

Зачем личинкам есть эту противную мёртвую ткань, когда рядом есть прекрасная живая, оставалось загадкой. Возможно, в этом была их самореализация. С годами Дон становился всё менее и менее жадным и всё более и более искусным, вмешиваясь в происходящее с биохирургической точностью.

— Всё понятно, просто хотел убедиться, что это твоих рук дело. Рина говорит: какая-то ведьма надоумила. Вот, зашёл по дороге, пока в деревне. Ворчу же потому, что я просто рад тебя видеть, — примирительно вздохнул Дон.

— И я, и я, — отозвалась Морана, беря плетеньё обратно в руки, — ты же знаешь.

— Знаю, — кивнул Дон и замолчал.

— Ну же? — Перед ним снова сидел другой человек: тело то же, а мимика, пластика и даже голос — совсем чужие.

— Да?

— Я спрашиваю, я вас знаю? — Глаза ведьмы смотрели требовательно и с презрением.

— Нет, простите.

— Это всё совершенно неуместная фамильярность.

— Да, простите ещё раз. Я просто обознался, — вежливо поклонился Дон. — Не превращайте меня в лягушку, пожалуйста! Ухожу, ухожу, ухожу!

* * *

Молчаливое поедание каши прервал грохот железа. Из-за поворота вышли двое низкорослых, непропорционально коренастых мужичка, похожих на кубы. Тот, что шёл впереди, нёс на себе короб с грудой разной металлической утвари и имел на голове шоры, наподобие лошадиных, отчего ощущение, что его просто запрягли, как скотину, усиливалось. Второй гном тоже тащил разные железки, но был нагружен в несколько раз меньше.

— Шпунтли и Винтли, — представил их Цын тоном, каким в цирке представляют акробатов. — Это наши гномы.

Про рост особо не шути, это карликовые гномы, парни по этому поводу переживают. Винтли к тому же немного не в себе, так что дорога в город им не светит. Хотя, может, они уже и не рвутся.

— Карликовые?

— Сам же видишь. Обычно гномы в рост человека, так что проблем затеряться нет, а вот парням не повезло, — сказал Цын, поднялся из-за стола и помахал рукой. — Но тут у нас в посёлке все немного со странностями.

Железная будка внутри оказалась тускло освещённой мастерской с электрической плавильной печью и прессом. Дон с одобрением отметил про себя внушительное количество полок, на которых громоздилась куча разных устройств и механизмов. В центре комнаты находился огромный люк, ведущий куда-то вниз. Провода из печи и от переплетения городских гирлянд соединялись вместе и уходили в железный короб, стоящий на полу в углу. Прикинув мощность и размер источника, Дон решил, что для таких параметров самым дешёвым и доступным вариантом был бы портативный реактор, но откуда он здесь? Винтли выругался, вывалил всю добычу в кучу около печи, стянул с себя шоры и ноющим тоном сказал:

— Шпунтли, они натирают, надо поработать над амортизацией!

— Для чего устройство? — полюбопытствовал Дон.

— Не «для», а «от»! — поправил его Винтли. — Мне плохо, когда вокруг много свободного пространства.

— Он не знал, — извинился Цын.

«Агорафобия», — подумал Дон. Комната без окон. Живут, наверное, в шахте, вон люк, — просто привыкли так жить; свет тусклый тоже поэтому. То есть это всё-таки дом.

— С непривычки? — предположил Дон.

— Младший слаб на голову, — ласково произнёс Шпунтли. — Через десять лет на воздухе у всех проходит, а он уже

тридцать мается. Винтли, иди отдыхай, я поговорю с посетителями. Плавить ночью будем.

Винтли кивнул, счастливо вздохнул, потянулся и пропал в люке. Гости расселись на табуретки, гном сел за верстак.

— Ну что, отшельник, как твои дела? Всё на холме сидишь, парням мудростью своей головы забиваешь? — спросил Шпунтли и тут же добавил, увидев лицо лиса: — Шучу, шучу! Чем обязан? Провод погрызли опять, света нет?

— Со светом всё хорошо, спасибо. Человек вот, ему в город надо. Не через главные ворота. Говорит, что его выгнали.

— Да ладно! Зовут как?

— Дон.

— Ну, Дон, давай руку!

Гном дотянулся до полки и взял там какой-то прибор, щёлкнул им, и в комнате стало заметно светлее, только свет был не жёлтый, как от ламп. В фиолетово-оранжевом сиянии прибора стали видны знаки на запястье.

— Значит, так. Товарищ у нас, судя по паспорту, во-первых, турист — это я и так скажу. Во-вторых — подожди! — сказал Шпунтли и достал с другой полки книжку-справочник. — Ага. Негодяй, негр, неграмотный, ненадёжный, — перебирал он. — «Не»... а, нет, подожди, «ни». Вот, нигилист! Метка в конце — вот эта каракатица — отказ в обслуживании, но такие я только у торговцев видел — за попытку подделки су.

— Нигилист. Это же истинный безбожник! — выдохнул Цын.

— Не может быть! — голосом, полным удивления, в тон лису воскликнул гном. — Последним истинным безбожником был Бабель! Неужели пророчество верно?

— Пророчество? — всполошился старик. — Мы же договаривались, что ты забираешь только технические бумаги. Что ты нашёл? Откуда ты знаешь про Бабеля?

— Ой, Цын, ха-ха-ха! Видел бы ты сейчас своё лицо. Ты же сам все уши прожужжал Бабелем этим — забыл, что ли? Нет

никакого пророчества, — пояснил гном Дону. — Все они теперь безбожники и поклоняются только себе, но Цын упорно выискивает — и находит — свидетельства обратного.

— Они поклоняются богам внутри! Просто не называют их так. Самоактуализация — это служение тем божествам, которые наиболее представлены в твоём характере. Был Мардук, а стал Док, как ты не понимаешь?

— Как скажешь, как скажешь, — согласился гном, чтобы не продолжать спор, который, судя по всему, они не продолжали не в первый раз.

— Вывести можешь? — кивнул Цын на рисунок.

— Только вместе с рукой, — хохотнул гном.

— А подправить как-то?

— Легко! Можно просто реабилитацию в конце дописать. Это кровь уцытакля. Коли молодец твой добрый её принесёт, конечно, исправлю — не проблема!

— Да ладно тебе! — возмутился Цын. — Где он его возьмёт?

— Городские же, видимо, поймали одного. Может, даже с помощью такой штуки. — Гном щёлкнул пальцем по прибору.

— Можно? — поинтересовался Дон.

— Только не разбей.

В роли корпуса сканера выступала то ли мыльница, то ли коробка из-под леденцов, то ли ещё какая медная округлая плоская с двумя неровными отверстиями: из одного что-то светило, в другое был вставлен выключатель. Дон подцепил ногтем край жестянки и раскрыл её на две половинки.

— Эй, эй! — одёрнул его Шпунтли, отбирая устройство. — Залез! Ну-ка, давай сюда, поломаешь.

— Сами собирали? — поинтересовался Дон, возвращая прибор.

— Да что тут собирать! Соединил — и всё. Самое сложное — дождаться, когда нужную деталь найду. Дурачье в городе сидит, проводок оборвался — всё выбрасывают.

— И давно тут выкидывают... такое? — расплывчато спросил Дон, одного взгляда на внутренности контейнера ему вполне хватило.

— «Такое»?

— Высокотехнологичное.

— Высокотех... Лис, ты где вообще этого человека взял? — внезапно всполошился гном. — Вопросы тут задаёт. «Такое»!

— Он ещё схемами башни интересовался, — вспомнил Цын.

— «Такое», — повторил гном, кряхтя, встал и неторопливо пошёл к полкам, чтобы убрать сканер от Дона подальше.

До полок можно было дотянуться не вставая, но Шпунтли решил дать себе время, тем более что перебирание механизмов его успокаивало и помогало думать.

— «Такое», — ещё раз буркнул он. Вдоволь насопевшись себе под нос, гном обратился к Цыну: — Товарищ надёжный? Откуда его знаешь? Хотя из города вроде выгнали, значит, наверное, наш? Враг моего врага — мой друг.

— Мы с городом не... — попытался вставить Лис, но гном только махнул рукой и продолжил: — Но хочет вернуться? Кто он?

— Я его вообще не знаю, но он обещал рассказать про тест в башне, если я ему помогу. А мне очень надо знать. Ты мне должен помочь, по-дружески, — умоляюще сказал Цын.

— Так, ребята, стойте, — произнёс Дон. — Давайте я вам просто сейчас расскажу всё, что вы хотите знать, а потом вы будете решать, помогать мне или нет, иначе как-то нехорошо получается. Я не местный, но последние годы прожил в лесу около Ключей.

— Это не лес, — шепнул Цын гному, — а так. Пролесок.

— Меня нанял отец деревенской девушки сопровождать её. У девушки некоторые персональные проблемы, которые, как она думает, можно решить в городе. Через две недели проживания туристами у нас кончились деньги, но не про-

блемы, и мы решили получить гражданство, чтобы заработать. Она гражданство получила, а я — нет, более того, меня выгнали из города и не пускают обратно. Мне надо попасть туда, потому что я должен за ней присматривать.

Рассказал Дон и то, что происходило в башне.

* * *

Анкетирование Дона не задалось сразу. Заведя новое дело, усталый клерк в толстых очках несколько минут изучал посетителя не мигая; Дон в свою очередь делал то же самое, пока не сообразил, что служащий провернул чудесный фокус, заснув с открытыми глазами. Дон легонько коснулся плеча чиновника, и тот, не меняя позы и выражения лица, спросил:

— Каков ваш главный жизненный принцип?

— Мой главный жизненный принцип такой: все принципы — полная ерунда.

Пальцы клерка пробежались по типографу, словно стайка маленьких проворных сарделек.

— «...ерунда». Где вы себя видите через... так, подождите! — замер он так надолго, что можно было заподозрить, будто это очередной приступ сна. — Так нельзя!

Нервно застучала кнопка ВОЗВР.

— Что-то не так?

— Принципы отрицать нельзя!

— Разве ж я отрицаю?

— Так. Нельзя. — Рыбы глаза чиновника не выражали ничего, но в голосе появились нотки раздражения.

— Хорошо. Мой принцип: «Живи и давай жить другим».

— Вот, уже лучше. Жизнелюб, так и запишу. Где вы видите себя через пять лет?

— В избушке.

— Подробней, пожалуйста.

— Тлеет углями печь. Ночи уже достаточно холодные, чтобы можно было начинать топить, хотя это всего лишь

формальная причина, на самом же деле мне это просто нравится. Почти за полдень, но я не спешу вставать, досматривая последний сон, — почему-то именно в это время они самые яркие и запоминающиеся. Вокруг ни души, не считая Фёдора, который мирно щиплет травку снаружи.

— Прекратите! — прошипел чиновник. — Каким вы будете через пять лет?

— На пять лет старше.

— Нет. Какие за это время качества хотите развить в себе?

— Человеческие.

— Перечислите их.

— Помилуйте, я не могу перечислить все качества! Их слишком много!

— Вы хотите развить их все?

— Или умереть, пытаюсь.

— Подождите-подождите, даже негативные? — заволновался клерк, набирая что-то на клавиатуре.

— Разумеется.

— Зачем вам это?

— Чтобы красиво оттеняли образ.

— Вы вообще понимаете разницу между плохим и хорошим?

— Конечно! Плохой — не подходящий, не соответствующий предъявляемым требованиям. Хороший — не плохой.

— Зачем же вы хотите развить все?

— Требования бывают разные.

Клерк уже давно вышел за безопасные пределы скрипта — ветвящегося списка вопросов, которые следовало задавать в свободной и непринуждённой манере, ориентируясь на ответы и подстраиваясь под респондента, формируя рапорт. Чиновник чувствовал себя потерянным и брошенным, мудрый скрипт оставил его, чего раньше не случалось никогда. Дон, в детско-родительских отношениях со скриптом не состоявший, чувствовал себя игриво и радостно.

С трудом прорвавшись к концу интервью, чиновник спихнул посетителя на анкету и вышел во внутренний коридор. «Должно быть, умственно отсталый», — мелькнуло в его голове по дороге в столовую. Наступало самое приятное время: согласно протоколу респонденту следовало обеспечить приватность, а это значило, что следующий час работа совершенно законно происходила сама, продвигая чиновника на тяжёлом пути самореализации.

Неприятности, однако, не кончились. Калькуляция анкеты долго не приходила, и обычно это время тоже считалось рабочим, но сейчас тревожило, потому что хотелось поскорее избавиться от странного посетителя и вернуться к безмятежному ожиданию следующего. Щелчок пневмопочты принёс облегчение ненадолго: вскрыв капсулу, клерк обнаружил, что в калькуляции значится нулевая сумма. «И точно, умственно отсталый, даже анкету заполнить не смог», — подумал служащий, но на всякий случай глянул на коэффициент дисперсии. Больше единицы.

Больше единицы! Выходило, что ответы были не только полными и разнообразными, но даже не случайными: если выбирать всегда один и тот же вариант ответа, то коэффициент будет равен нулю, а если пытаться отвечать невпопад, то не более семи десятых. Вкупе с нулевой суммой это означало, что респондент сумел заполнить анкету корректно, но так, что ни одного выдающегося качества у него не было обнаружено. А если конкретно, то на векторной диаграмме характера красовался ровный круг приличных размеров, что опять-таки опровергало гипотезу о недоразвитости Дона (скорее, он был развит во все стороны одинаково). Аномалия! Ситуацию можно было бы легко исправить, если предварительное интервью показало бы хоть отчасти стройную картину, но клерк поспешил и понадеялся на анкету. К счастью, и на этот случай была предусмотрена процедура: следовало отправить форму №13 вместе с делом в ООП и ждать — в последний раз.

— Это самая скучная история из всех, которые я слышал, — сказал гном и вынес вердикт: — Метки на руке в целом совпадают с рассказом. Это чужак, Цын. Такой же чужак, как и мы. Он просто не вписался.

Цын молчал.

— Ну что, лис? — спросил Шпунтли. — Ты думал, что мы не подходим для города из-за того, что мы нелюди, и поэтому нужно стать человеком. Вот тебе человек, он не подошёл. Что скажешь теперь-то? Город — это большой механизм, ему требуется, конечно, много разных и, может быть, даже уникальных шестерёнок, но каждая должна быть строго определённых размеров. Я вот, например, ростом не вышел.

— Насколько ты не местный? — вдруг вышел из оцепенения Цын, полностью пропустив мимо ушей замечания гнома.

— Очень сильно. Примерно как этот источник питания. — Дон кивнул на коробку, в которую уходили провода. — Можно?

Шпунтли удивлённо кивнул. Дон подошёл к коробу и открыл его. Там и правда находился реактор, одна из самых простых туристических моделей — такие обычно берут, когда хочется устроить пикник где-то на обочине цивилизации. Гном откопал его на свалке целиком, потому что собрать нечто подобное даже из готовых деталей ему бы не хватило ума, и кое-как «починил»: энергоячейка была воткнута не тем концом — вставить как надо ума не хватило уже кому-то в городе. Как правильно обслуживать агрегат, гном не знал, поэтому реактор работал в четверть мощности, гудел и грелся, за что и был упрятан в железный ящик. Дон тут же объяснил, что надо делать. Шпунтли схватывал цепко, быстро сообразив, что не только лис может извлечь пользу из этого странного знакомства.

Всё это время Цыну было крайне неловко, но он ничем себя не выдал, не считая неожиданного перехода на «вы» и обратно. Ещё бы, надулся, как индюк, и рассказывал человеку свои наивные догадки о том, как быть человеком! К счастью, этот странный Дон оказался совсем не местным, да и к тому же истинным безбожником, так что откуда ему знать о таких тонких материях, как служение? Кроме того, он ни слова не сказал поперёк, ни разу не засмеялся и даже не улыбнулся. Значит, либо и правда не знает, либо выводы верны?

Увидев, что гном с Доном увлеклись обсуждением механизмов, лис выскользнул за дверь, не привлекая ничьего внимания, — ему нужно было время, чтобы обдумать всё в одиночестве.

Как и Цын, гном подбирал на свалке знания, всё, что было хоть немного похоже на технические схемы, и восстанавливал человеческую науку по ним. Настоящих схем попадалось мало, чаще это были инструкции, объясняющие, куда нажимать, но не раскрывающие сути вещей, из чего Шпунтли сделал вполне закономерный вывод, что люди в городе делятся на две касты: одним достаточно знать, как управляться с механизмами, другие, избранные, имеют доступ к технологиям.

Чертежи внутренностей башни действительно существовали, но то, что удалось найти, представляло собой несколько разрозненных листов, не имеющих для гнома никакой ценности, да и Дону их хватило только на то, чтобы подтвердить неестественную высокотехнологичность башни. Впрочем, это было очевидно и так: Шпунтли рассказал, что магические штуки, вроде электричества, появились практически одновременно с башней, и будоражащие слухи именно об этом привлекли в город братьев-механиков, но их тут же забраковали на входе.

Поселение уже существовало, гномы вписались быстро, хоть формально и не были шумцами, а потом и вовсе зара-

ботали огромный авторитет, бесплатно снабжая жителей инструментами, помогая строить дома и решая прочие технические проблемы. Металл, который раньше приходилось добывать потом и кровью в шахтах, валялся здесь буквально под ногами — бери да переплавляй, что вызывало у Шпунтли удушливые приступы ненависти.

— Дурные они какие-то. Даже если у них там есть шахта — но откуда? — кто-то же в ней копает, а кто? Зачем разбрасываются?

— Гномче, ты что бушуешь? — спросил Дон.

— Омфалос они нашли, что ли? Понятно тогда, зачем им такие стены! Охраняют.

— Не знаю такого. Расскажи, — попросил Дон.

— Да так, — махнул рукой Шпунтли, успокаиваясь. — Гномская легенда о мировом омфалосе. Бесконечная жила руды, которую копаешь — а она не кончается. Байки это. Но всё равно из города валится больше, чем туда поступает. Удивительно ещё и то, что они выкидывают предметы чудные, а рукастых людей там нет, простейшее сделать не могут. Вот, лови.

Гном достал с полки грубую увесистую фигурку единорога и бросил Дону.

— Два су за фунт такого дерьма на ярмарке дают.

— Сам мастеришь?

— Зачем обижаешь, э? «Мастеришь». Для своих таким качеством побрезговал бы, но два су — это килограмм крупы. Не могу с помойки жрать. Городские зачем-то покупают, это у них что-то типа символа веры. Хм. Может, и правда не безбожники? Шумцев гоняют — а тут какая-то тварь рогатая, неведомая. Тьфу! Загадка, короче, этот город, — подвёл итог гном.

КАЛАСКИЛАКИЯ

Мир сопротивлялся. Иногда Рите казалось, что она начинает понимать нескончаемое нитьё Мушера о бессмысленности, с той лишь разницей, что его претензии имели философский, может быть, даже вселенский характер, Риту же в последнее время занимал сугубо практический вопрос: как не опустить руки, когда кажется, что на все усилия мир отвечает тем, что пружинит в обратную сторону, принимая исходную форму. Мушер не писал сказку, как бы она его ни тербила, Танька стала уходить на обеды с Каштановым, давая возможность чаще бывать в «Соме», но произошло это скорее оттого, что Рита задёргала её попытками заразить энергией. Старания ускорить работу отдела приводили к тому, что приходилось больше переделывать. Даже когда девушка всего лишь пыталась собрать подписи под петицией о кошечках, от неё по большей части или отмахивались, или шархались, как от сумасшедшей. Может, непосредственно так и действует? И действительно ли она Непоседа, или, может быть, ребята что-то напутали?

— У каждого свои вызовы, — развёл руками Док. — Думаешь, мне легко? Никто не любит умников.

— Но ты же говорил, что после типизации будет проще! — возмутилась Рита.

— Я говорил, что станет понятней! От дальнейших усилий по самореализации это никак не освобождает, скорее наоборот. Труд сделал из обезьяны человека, и что, ты не хочешь стараться дальше?

Послышался чей-то смешок — видимо, это был Вес, — и Рита сообразила, что сморозила глупость. Впрочем, это её совсем не смутило: книжный клуб казался дружелюбной и принимающей компанией, в которой даже заявление Дока о том, что умников не любят, выглядело натяжкой. На встречах царила атмосфера полного взаимопонимания: Вес хихикал, потому что это Вес, Док умничал, Соня спала в уголке, Скромница молчала, Торч выдавал неожиданные и провокационные сентенции. Хозяюшка, хоть и не была членом клуба, незримо присутствовала рядом и выполняла роль Заботницы. Во многом благодаря ей «Сома», где они заседали, стала для Риты вторым домом.

Конечно, внешне кафе совсем не было похоже ни на какой дом. Невероятно прозрачные и пугающе огромные — в человеческий рост и даже выше — окна были модной новинкой города и появились впервые именно в «Соме». Кажется, такая открытость должна была с непривычки смущать, но прохожие проплывали мимо, как рыбы в аквариуме наизнанку, не обращая на происходящее внутри никакого внимания. Прочие нововведения, на которые в последнее время был богат Новобургоградск, девушку никак не задевали, а тут — такая мелочь! Ну как, например, окна можно было сравнить с пневмопочтой? Ей даже было немного стыдно за свою непрактичность, пока она не сообразила, что дело именно в этом: Рите нравилась красота. Электрические лампы, мгновенно заменившие старые тусклые окна, были не красивые, но практичные, поэтому не удивляли.

Разговор перепрыгнул к следующему образу, и девушка стала листать назад тетрадку, заранее разделённую на двенадцать равных частей, чтобы всем досталось место. Не сообразила Рита лишь упорядочить записи по алфавиту, поэтому поначалу приходилось пролистывать всё. «Надо сделать закладки», — подумала она. Всё это неуловимо напоминало работу в архиве — видимо, привычки давали о себе знать.

На некоторых страницах попадались рисунки. Отношение к прозопологии (представлению о том, что по внешности можно определять характер) в группе было спорным, но, следуя идеалам свободы, равенства и братства, любая идея имела право на существование. Записывать лицевые особенности казалось чем-то противоестественным, поэтому Рита зарисовывала, это было и быстрее, и наглядней.

«Хитрец» давался группе с трудом; быстро пробежав глазами написанное, Рита поняла, что не может добавить туда ничего нового из разворачивающейся дискуссии. Вместо этого девушка провела несколько вертикальных линий, потом — горизонтальных, набрасывая перспективу, ещё несколько штрихов — и начали вырисовываться контуры окна и куска кафе, потом — стены дома напротив. Граффити лианой оплетало каркас здания и уходило куда-то наверх — придётся повозиться.

— Зря ты так паришься, — услышала Рита, когда узор всё-таки был закончен.

Она вынырнула обратно в реальность, подняла голову и обнаружила, что все уже разошлись по домам и в «Соме» остались только бессменная Хозяюшка, сама Рита и девушка с короткой стрижкой.

— Соня, — представилась та, сложив ладони вместе.

— Я знаю, — улыбнулась Рита.

— Нет, я правда Соня. Меня так с рождения зовут.

— Рита.

— Да, я тоже знаю. Я слушала тебя сегодня в начале и думаю, что ты зря так паришься, — повторила Соня. — Это я тебе не только как полярный тип говорю. Нельзя же всё время так напрягаться, даже если ты Непоседа. И вообще, не принимай всё так серьёзно.

— Нет? — рассеянно переспросила Рита.

— Ну конечно же нет, ты же так загнёшься! Посмотри на себя. Цвет лица такой, как будто в подвале живёшь. У тебя всегда мешки под глазами? Спишь хорошо?

Рита не сразу нашлась, что ответить, такой напор внимания от незнакомого человека её смутил, но Соня продолжала, не давая ей опомниться.

— Попробуй каласкилакию. Недавно в городе мастер появился. Упражнения на расслабление, — пояснила Соня и, снова не дожидаясь ответа, продолжила: — В среду вечером, в это же время, жду тебя здесь. У тебя просторная одежда есть? Возьми. Можно обтягивающую. До среды. Пока-пока! Да, кстати, ты классно рисуешь! — уже крикнула она на прощание, выскакивая за дверь козочкой и посылая куда-то в воздух поцелуй.

— Соня-то проснулась, — хмыкнула ей вслед Хозяюшка. — Что-нибудь ещё будешь?

— Нет, я, пожалуй, пойду, — ответила Рита. — А ты? Ты как будто здесь живёшь!

— Я тоже скоро заканчиваю, — сухо кивнула официантка.

Дождавшись, когда Рита уйдёт, Хозяюшка заперла дверь и нажала красную кнопку на стене. Зажужжал электромотор, с двух сторон кафе медленно поплыли половинки занавеса, похожего на театральный, и плотная ткань закрыла внутреннее пространство от взглядов с улицы. Девушка прошла мимо туалетов, достала из кармана фартука ключ и отперла дверь в подсобку.

В комнате оказалось уютно, но так же тесно, как в квартире Риты. Всё необходимое для жизни присутствовало: и кровать, и прикроватная тумбочка, и шкаф для одежды.

Переодевшись в домашнее, Хозяюшка вернулась в зал, достала из холодильной камеры порцию панкеки, со скрипом выдвинула из-под стойки тяжеленный ящик с инструментами, неторопливо сняла с кофемашины защитный кожух и с головой погрузилась в её внутренности. Сегодня напиток горчил больше обычного, разбираться с этим было необязательно, но, если хозяин спросит, это будет аргументом в пользу несанкционированной попытки ремонта.

Всю неделю Рита только тем и занималась, что вдоволь испытывала свежееоткрытую тяжесть во всём её многообразии. Утром в голове звенело, к обеду в ней разливалась немая глухота, которая постепенно отступала в «Соме», к вечеру глухота возвращалась с подругой — немотой в теле, и опять «Сома» несколько облегчала участь, но пора было уже идти домой. Конечно, всё это было и раньше, но задвигалось куда-то в сторону, слова же Сони оказались внешним независимым подтверждением, экспертным мнением, на которое можно было опереться и перестать обманывать себя, раз это видно даже со стороны. Все непосредства были прекращены, и в среду вечером Рита не просто появилась в «Соме», как обычно, но и принесла с собой сменную одежду.

— Ритка! Привет! — В кафе влетела сияющая Соня и, раскинув руки для объятий, бросилась к столику, чудом не опрокинув все кружки на пути. — Готова? Идём?

Пробежав два квартала, Соня привела Риту к двери без вывески и прочих опознавательных знаков, за которой оказалось пустое, если не считать стоячей ширмы в углу, полуподвальное помещение со свежей побелкой на стенах. Пол был покрыт чем-то тёплым и пружинящим, наподобие пробки. Девушки быстро переоделись и присоединились к остальным, которые уже сидели на упругой поверхности в свободных позах, непринуждённо о чём-то переговариваясь.

— Я вижу, у нас новые лица! — сказал один из присутствующих, подтянутый парень с вьющимися русыми волосами, отсаживаясь от общей группы немного назад.

— Это Рита, — представила подругу Соня.

— Ян. Мастер Ян, — сказал парень. — Давайте начинать. И, раз у нас новенькие, — он соединил две ладони в приветствии, как это делала Соня, — немного теории. Жизнь современного человека слишком одомашнирована, люди загнали сами себя в каменную коробку города

и теперь страдают, потому что это противно их естеству. Люди — такие же дети природы, как и животные, но в своей гордыне стали забывать об этом. Посади тигра в клетку — и он облезет от стресса. Посади человека в дом — и он назовёт это цивилизацией! Но тоже облезет. Разум человека постоянно пребывает в прошлом или будущем. Дай ему конфетку, но пообещай две — и он будет трудиться ради этой фикции, воображаемой сладости, которой нигде, кроме как в его голове, не существует, и всё вместо того, чтобы наслаждаться текущим моментом. Будущего может и не быть, завтра же никогда не наступает, оно всегда завтра, а сегодня — вот оно, можно протянуть руки и потрогать. Ну же!

Старые участники, уже знающие, что мастер имеет в виду, потянулись руками друг к другу и начали ощупывать, трогать и гладить. Свою порцию прикосновений получила и Рита, в основном от Сони, сидевшей рядом.

— Тело есть ваше тотемное животное, — продолжил Ян, — и посмотрите, как вы его запустили. Каласкилакья — это практика, направленная на освобождение. Обращаться к внутреннему зверю через разум бесполезно, это люди живут в голове, животные — в теле. Практикуем!

Участники — вернее, преимущественно участницы, видимо, девушки были ближе к животным либо испытывали в этом большую потребность, чем парни, — равномерно разбрелись по комнате и принялись повторять выкрутасы Яна под аккомпанемент его плавной, как и движения, речи. Позы, в которые втекал Ян, замирая, назывались «стаси», каждая имела своё поэтическое название, связанное с каким-нибудь животным — например, «Собака, чешущая за ухом», — и снабжалась подробными инструкциями, совершенно (и, возможно, нарочно) сбивающими с толку, типа: «Правое ухо через пупок стремится к левой ягодице».

Для пущей наглядности Ян снял рубашку, его соски тут же встали — видимо, в комнате было прохладно. Увидев,

что это не помогает ученицам уловить тонкости «Потягивающей собаки», принялся, поблёскивая голым торсом, расхаживать между рядами тренирующихся и руководить, нежно водя рукой в нужных местах. «Вот здесь — подтянуть, а здесь — расслабить».

Доковыляв до дома — всё тело гудело, не от усталости, а от переизбытка впечатлений, — Рита повалилась на кровать и тут же уснула. Мир казался огромным, одно только тело занимало после каласкилакии половину комнаты, будучи при этом лёгким, радостно-прозрачным и совершенно невесомым.

На следующее утро, вскрыв упаковку с вознаграждением и пересчитав сто двадцать су, Рита с некоторым разочарованием отметила, что сумма от этого не увеличилась. Пересчитала ещё раз — и получила тот же результат. Сто двадцать. Не то чтобы она ожидала чего-то другого, размер оклада с прошлого месяца не поменялся, но вдруг ошиблись на пару монет?

Танька получила сто шестьдесят таким же столбиком, тоже запечатанным в плотную, словно спрессованную из опилок бумагу. Сумма не была секретом: пока Рита не устроилась в отдел, всю работу Татьяне приходилось делать одной, и она быстро продвинулась по разным показателям, вроде количества обработанных капсул в день, и, дождавшись очередной эвалюации, спокойно подняла пару разрядов. Каштанов получал двести: бумажкой в сотню и ещё сотню монетами, а разряды заслужил количеством лет выслуги.

Комната стоила сорок су в месяц. Столько же уходило на еду, двадцать — на излишества типа кофе, хотя в последнее время всё было ровно наоборот: двадцать — на еду и сорок — на «Сому». Свободными оставались двадцать су. Новое увлечение — каласкилакия, которой надо заниматься, тут без вопросов, — три су за посещение, выйдет двенадцать в месяц. Восемь су в остатке.

Вздохнув, Рита вернулась в кабинет Каштанова.

— Можно? — робко поскребла она в дверь.

— Да, — пригласил он. — Опять субсидию? Напоминаю, что это твой гражданский долг.

Кивнув, девушка получила осуждающий взгляд из-под бровей и свёрток поменьше предыдущего, на котором тоже было написано её имя. Внутри лежало тридцать шесть су — треть от размера оклада. Брать субсидии считалось зазорным, но время от времени все так делали.

День вознаграждения традиционно был выходным, так что Рита отправилась бродить по городу. Одно су она тут же оставила в «Соме», ещё на семь купила листы белой бумаги и набор цветных карандашей.

* * *

Город был не настолько большой, чтобы в нём не случались удивительные совпадения, но то, что Рита знает про книжный клуб, казалось Мушеру странным. «Значит, она бывает в „Соме“, что не очень-то вяжется с её образом. С другой стороны, где ей стилистически уместно быть? — подумал Мушер. — В какой-нибудь столовой номер пять? Носить еду в контейнере и обедать прямо на работе? Ужинать дома, тем более что клуб собирается по вечерам? Архивный писарь, и как её угораздило?»

«Не сноб ли я?» — задумался Мушер, но быстро пришёл к выводу, что нет. Он относился к Рите как к равной, разумеется, принимая во внимание все обстоятельства. В конце концов, он с ней спал. Скорее, он просто был недостаточно внимателен и составил образ слишком поспешно, и раз «Сомма» в этот образ не вписывалась, то, вероятно, его стоило расширить. Некоторые замечания девушки по поводу сказки были весьма дельными, да и, по правде говоря, если бы он всё-таки начал писать, то Рита вполне сошла бы за прототип будущей коллективной читательницы. «Для тебя же пишу, дура!» — пошутил он и сам тут же хмыкнул. Можно было бы

и не писать, Рита и так слушала его рассказы раскрыв рот, зачем дополнительно утруждать себя записыванием?

Оставалось совсем немного времени, Мушер допил кружку одним большим глотком, затем накрыл её блюдцем и перевернул.

— Ничего! Ровным счётом ничего! — сказал он вслух, разглядывая узор на доньшке.

— Что-то хотите? — словно из ниоткуда возникла за спиной Хозяюшка.

— Ещё кружечку чёрного, пожалуйста. Нет, эту пока не уносите. Спасибо.

«Удивительно, как у них это получается?» — подумал он. Про «ничего» он погорячился. Если уделить этому хотя бы немного внимания и фантазии, рисунок кофейной гущи легко складывался в изображение лица человека с длинным носом, что не имело никакого мистического значения: если нарисовать два кругляшка и любую закорючку рядом, человек всё равно увидит лицо — оно просто везде мерещится. Хуже того, если нарисовать две закорючки рядом, а потом их же порознь, человек увидит расставание. Оно и случится, согласно предсказанию, неизбежно, как и всё остальное в жизни, — просто потому, что расставания происходят рано или поздно у всех.

Вздохнув, Мушер поднял глаза и увидел в витрине шумца-мусорщика. Днём, в центре города. Мусорщик где-то приоделся и был бы совсем неотличим от человека, если бы не нос.

— Ты! — удивлённо воскликнул Мушер и бросился из кафе наружу.

На этот раз погоня закончилась ещё быстрее: к тому времени, как он обежал все столики кафе и распахнул неторопливую дверь с тугими доводчиками, на улице уже никого не было.

На мгновение стало неловко перед Хозяюшкой: она стояла внутри, по ту сторону окна, с новой кружкой кофе

и смотрела на Мушера большими глазами. «Подумала, что сбегая, не заплатив, — решил он. — Или её просто удивила эта резкая выходка, я бы даже сказал, выскочка». Успокаивающе махнув рукой, Мушер вернулся в кафе. «Надо бы оставить побольше чаевых», — решил он.

Ещё минут через десять на стул рядом горой опустилось увесистое тело — Мортеев явился вовремя, как и обычно.

— Принёс? — сразу перешёл он к делу, пропуская приветствия.

Мушер расстегнул висящую всё это время на спинке стула широкую наплечную сумку, похожую на те, что носят почтальоны, и достал оттуда стопку бумаг, заботливо сложенных в мультифору. Мортеев молча читал, и его обычно хмурое лицо с каждой страницей становилось чуть более располагающим. Отвлёкся он, только чтобы заказать кофе.

— Я тебе уже говорил, что ты гений? — спросил он, сворачивая бумаги в трубочку и запихивая их куда-то внутрь себя, под одежду, и продолжил, отметив, что Мушер никак не реагирует на похвалу: — И как у тебя вообще это выходит?

— С содроганием.

— Ой, перестань. Ты занимаешься полезным для всех делом: помогаешь людям думать.

Мортеев отсчитал на столе несколько бумажных су и подвинул их к собеседнику. Бумажные деньги в обращении встречались редко, так как имели только крупные номиналы, использовать их в каждодневных расчётах было неудобно.

— Разве они не сами должны это делать? — спросил Мушер, убирая бумажки в сумку.

— Ты помогаешь им думать правильно. И не скромничай: кто, кроме тебя, во всём городе на такое способен? Какой-нибудь Дент? Он же идиот. Только ты можешь, исходя из нескольких заданных и даже не всегда связанных идей, написать целую речь, да так, чтобы это было в высшей степени искренне и убедительно.

— А Твороговски? — ехидно поинтересовался Мушер.

— Он небожитель, к нам не снисходит и общается со смертными своими притчами, но никто не растолковывает их лучше тебя. Так что ты действительно первый в своём роде. И потом, я же тебе достал распределение на писателя, пользуйся на здоровье, составь конкуренцию. Как там твоя сказка?

«Господи, и ты туда же», — подумал Мушер, но решил промолчать.

— Больше всего меня удивляет, что ты во всю эту «туфту» не веришь, но пишешь так, что и не угадаешь, — продолжил Мортеев.

— Я не это имел в виду, — буркнул Мушер.

— Что ты имел в виду, будешь рассказывать, когда запишут в нигилисты. Шучу! Шучу! Да расслабься, тут все свои, — сказал Мортеев покровительственным тоном, как старший брат младшему. — Думал на эту тему, я всё же тоже не идиот. Каждый гражданин может верить или не верить во что угодно, реализуя своё право на самоактуализацию, пока это приносит пользу остальным. Так сомневайся на здоровье, только бучи не устраивай. Этим ты мне ребят из Непротивления напоминаешь.

— Значит, если я не верю в идеологию самости, я тем самым проявляю свою самость? Хитро. Уловка-22.

— Двадцать два? Это по какому табелю? — заинтересовался Мортеев.

— Да так, это из книг. Кстати, я же буквально только что видел шумца в центре, вот на этой улице. — Мушер взволнованно махнул рукой в сторону окна.

— И что?

— Непорядок. У вас же отдел обеспечения порядка? — подколот Мушер.

— Ты шутишь, что ли? Шумцы везде, они практически захватили город, но беспорядка не создают.

— Это официальная позиция?

— Что ты конкретно хочешь выяснить? — заметно напрягся Мортеев.

— Выяснить... — задумчиво повторил Мушер.

Он и так был достаточно должен Мортееву, просить ещё об одной услуге не хотелось, хотя, наверное, Мортеев мог бы навести справки и найти этого неуловимого мусорщика.

— Да тут такое дело, — решил Мушер рассказать правду. — Я у торговца на ярмарке книги купил, какое-то редкое издание. С тех пор его не видел, а на днях смотрю: он в образе шумца ходит по городу.

— И чего?

— Догнал, остановил — говорит, не он. Ерунда какая-то.

— Может, он просто не хочет тебя больше видеть, — хохотнул Мортеев. — Дело-то в чём?

— На ярмарке люди ж вроде торгуют только?

— Ага, и по городу только люди ходят, — снова хохотнул Мортеев. Причина вопросов стала ему понятна, и он расслабился.

— А что, нет?

— Ой, господи, да ты просто святая простота. На ярмарку пускают всех, кто может принести городу пользу торговлей. Остаются и получают гражданство те *из людей*, кто может приносить пользу и дальше.

— Вот тебе и самоактуализация! — ехидно заметил Мушер. — Город превыше всего.

— Зря зубоскалишь, никакого противоречия тут нет. Это правила общежития. Если одному человеку хорошо, то всем хорошо.

— Кто при этом важней, человек или все, скромно не упоминается, — ехидно заметил Мушер.

— Приятно поговорить с умным человеком, — кивнул Мортеев. — Скажи тогда, гуманизм у нас что?

— «Этическая позиция, утверждающая, что человеческие существа имеют право и обязанность определять смысл и форму своей жизни», — процитировал по памяти Мушер.

— А не человеческие?

Мортеев откинулся на спинку стула, не спеша потягивая кофе и давая собеседнику подумать. Поймав внимательный взгляд Хозяюшки, он поднял кружку вверх: «Ваше здоровье!» — глотнул напитка и другой рукой показал большой палец.

— Так и что, к шумцам теперь не относиться как к людям?

— В какой-то степени. Не смотри на меня с видом оскорблённого праведника. У Твороговски-старшего ничего про них нет. Весь хрупкий баланс города держится на предположении, что великий гений разгадал природу людей и понял, как сделать их счастливыми. И тут внезапно объявились они. По-хорошему, конечно, гнать шумцев обратно в их лес надо было. Но вот скажи: ты мусор, случаем, посортировать не хочешь? Или в прачечной поработать? — неожиданно хихикнул Мортеев. — Какой у тебя индекс аккуратности по тесту?

— Шесть и пять примерно, — вспомнил Мушер.

— Серьёзно? По текстам не скажешь, там как будто твёрдая восьмёрка.

— Тексты — это же не жизнь.

— Не важно. Даже было бы восемь — поставили бы тебя мусор сортировать. Развивать аккуратность, хе-хе. Самореализация? То-то же. Ладно, не буду тебя больше задерживать.

— Я заплачу, — кивнул Мушер на заказ Мортеева.

— Конечно, заплатишь.

Мортеев хлопнул Мушера по плечу и встал, не убирая руки и опираясь на собеседника. Стул жалобно скрипнул и отодвинулся в сторону, отталкиваемый тучными ногами. Перед уходом Мортеев подошёл к стойке, за которой деловито суетилась Хозяюшка.

— Тебя тут не обижают, красавица?

— Нет, что вы, всё хорошо. Спасибо ещё раз, что разрешили мне пожить в подсобке.

— Ерунда, не стоит даже упоминания. Кофе сегодня особенно хорош.

— А я фильтр прочистила и температуру откалибровала заново! — сияя от гордости, сказала девушка.

— Ты человек многих талантов, как я погляжу. Повезло же мне с твоим распределением. Но смотри! — Тон его внезапно перестал быть медовым. — Оставляешь мастера без работы. Всё-таки твоё дело — кухня.

Достав конверт из внутреннего кармана, он протянул его девушке.

— Отдай Славке и передай, что некрасиво приходить на ужин, только когда деньги нужны, мать очень расстраивается.

«Вот же старый хрыч! — зло подумал Мушер, отмечая, как Мортеев наклоняется всем телом к Хозяюшке, почти переваливаясь через стойку. — Он сказал: всё держится на предположении. А как же „учение всесильно, потому что верно“?»

Вечерело. Идти было некуда: вся работа сделана на много дней вперёд, не предвиделось ни новых книг для предисловий, ни спецзаданий от Мортеева, оплачивающихся почему-то вне табеля. Да, Мушер получал деньги два раза: как и все, раз в месяц, по табелю, и раз в полгода проходил эвалюацию, чтобы узнать, насколько увеличилась сумма согласно развитию трудового навыка, а потом ещё лично из кармана Мортеева за каждую написанную речь или вступление. Эта странность никогда не интересовала Мушера, возможно, он и правда был в этом деле особенным талантом, подсчитать коэффициент трудового участия в его случае было невозможно, и приходилось платить вот так. Написание собственной сказки продвинуло бы Мушера вверх на пару пунктов в таблице, но смысл?..

Следующий час литератор рассматривал в окно прохожих. Все они были похожи на людей, по крайней мере внешне. Рожки при желании обдурить окружающих можно

спрятать под шапку, а хвост заправить в штаны. Но не проверять же всех прохожих со штанами, что они там прячут? Да и зачем? «Что они лично мне плохого сделали?» Мысли рассеянно бродили вокруг шумцев, но думать конкретнее совершенно не хотелось: скучно. Ничего интересного тема не предвещала. Мусорщик же... а хрен его знает!

«Подобрал где-то какие-то книги неизвестных авторов, продал, деньги пропил», — подумал Мушер и, конечно же, слукавил: эти «какие-то книги», не отпуская, занимали его несколько лет, будоража воображение и не давая покоя. Изучив их от корки до корки, он чувствовал себя на голову выше всех остальных, словно оказался на каком-то недостижимом уровне понимания вещей, разделить который с кем бы то ни было, впрочем, не представлялось никакой возможности: над умами властвовали «Наблюдатель» и «Единорожки», а больше людям ничего и не надо было.

Мушер решил было писать что-то своё, но те же книги, поднявшие его на высоту человеческого духа, дали ему слишком чёткое понимание, какой он, в сущности, пигмей, но не перед Твороговски, а перед этими неизвестными авторами. Страшнее всего была мысль, что он купил тогда не все книги и где-то есть ещё, а значит, он гораздо более мелкая букашка, чем даже представляется сейчас. Так, например, его любимым произведением были «Заметки на полях „Имени розы“», выпущенные в каком-то сборнике, и он боялся даже помыслить, что где-то существует само «Имя розы».

Док и Скромница пришли вместе, заняли столик в углу и стали о чём-то щебетать, а когда подтянулись Вес и Торч, Мушер вяло отметил про себя, что сегодня уже четверг.

— Ворчун, что сидишь там один, иди к нам! — позвал Док.

— Всем добрый вечер, — махнул рукой Мушер, подходя к столику, чтобы сразу расправиться с приветствием.

— Давно тебя не было, людей сторонишься? Может, ты Колючка, а не Ворчун?

— Может, может. Это что, все? — спросил Мушер.

— А ты что, уже ворчишь? Нет, у нас даже новенькая есть, Непоседа. Тебе понравится. Правда, её и Сони до сих пор нет, что за непунктуальность. И вы, товарищи, тоже опаздываете. — Док с укором посмотрел на Веса с Торчем.

— Вообще, это не работа, — буркнул Торч.

— И что? Саморазвитие не имеет...

— ...А у людей ещё и работа есть, — перебил Вес. — И они на ней устают.

Док решил не продолжать.

— Видимо, не придут, — заметил он после двухминутной тишины. — Что ж, давайте начинать без них.

Группа села разбирать очередную главу. У Мушера не оказалось с собой книги, за что он тут же был великодушно прощён: хорошо, что вообще сегодня появился.

— А вам не кажется, что это слишком просто? — вдруг сказал он.

— Что просто? — спросил Док.

— Классификация эта ваша.

— Наша, — поправил Док. — Ты же знаешь принцип клуба: критикуешь — предлагай.

— Ты умный парень, — сказал Мушер весомым тоном, тем более что Док был его как минимум на десять лет моложе, — можешь сам вполне догадаться. Вот смотри: двенадцать типов по количеству выделенных изображений, так? Вы... то есть мы уже их разобрали достаточно, как описания характеров, да? Дальше — только углубляться в детали. Но не могут же все люди к двенадцати типам сводиться?

— Ну а почему нет? У тебя сложности с типированием? Приноси случай нам, все вместе поможем.

— Сложностей нет. Допустим, тебе надо поделить все вещи на... — Мушер посмотрел вниз и увидел стол и стаканы, — «круглые» и «с углами», и ты успешно это делаешь. Потом ты узнаешь, что такое «треугольные» и «квадратные», и теперь можешь поделить вещи на три группы!

— Кончается всё тем, что ты дорастаешь до детской игрушки, в которой надо втыкать фигурки в отверстия подходящей формы! — вставил Вес, но тут же осёкся под взглядом Мушера.

— Типов двенадцать, а профессий — больше, — продолжил Мушер.

— У нас другое, ты не понимаешь! — бросился защищаться Док.

— Они не должны совпадать, я про сам принцип. В опроснике Финкла — Айнхорна восемь базовых коэффициентов, а профессий на выходе он выдаёт больше. И ты уже почти додумался! — Мушер указал рукой на Дока, чтобы ни у кого не возникало вопросов, кто именно додумался. — Вы уже выделяете антагонистические отношения между образами. Человек не может быть собственной противоположностью, это абсурдно. Весельчак не может быть Ворчуном, но... Но! Может дополнительно быть Колючкой!

— Дополнительный тип, — догадался Док.

— Комплементарный.

— Комплиментарный тип! Здорово! — воскликнул Док.

— Надеюсь, вы рассмотрите это скромное предложение, но, увы, мне уже пора, — поклонился Мушер и направился к стойке расплачиваться за свой кофе.

Док тем временем листал записи, то с ужасом, то с восторгом шепча:

— Это же всё переделывать!

— Хозяюшка, сколько с меня за сегодня? — спросил Мушер, облакачиваясь на барную стойку.

— Двенадцать су.

— Сдачи не надо, — отсчитал он пятнадцать.

— Зря вы так, — заметила девушка, разменивая пять су на кассе и убирая три в карман.

— Да ерунда, считайте это вредной старческой привычкой, — щедро махнул рукой Мушер, подумав, что официантка отказывается от чаевых.

— С ними зря вы так, — кивнула она в сторону клуба.

— Ах, глупости. Двенадцать главных на десять дополнительных. Сто двадцать вариантов. Это займёт их минимум на следующие полгода.

— А потом?

— А потом им откроется новый, скажем дефицитарный, подтип — ещё умножить на девять. Больше тысячи! Гораздо же интересней в тысяче сосен теряться, чем в двенадцати.

Сказав на всё кафе «Счастливо!», Мушер избавил себя от индивидуальных прощаний. Заседание клуба оказалось сорванным, но в хорошем, будоражащем смысле. Доку требовалось время на подготовку, чтобы начать вещать о новой, более точной системе типирования, поэтому он распустил собрание, сообщив, что традиционно заплатит за всех, и углубился в записи. Участники ещё немного посидели, заказали несколько недешёвых муффинов, в кафе и с собой, поболтали и разошлись.

Док, просидев до самого закрытия, подошёл к стойке расплачиваться и со всё ещё не иссякшим восхищением принялся делиться перспективами новой классификации с Хозяюшкой. Выступать в роли удобной слушательницы не входило в её трудовые обязанности, но если бы за это раздавали ранги, то она бы получила не ниже третьего. Выслушав всё до конца, официантка достала конверт и протянула Доку:

— Вячеслав, тебе тут отец просил передать.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ИЗГНАНИЯ

Шумцы, или, как они сами себя называли, раветланы, что означало «нормальные» или «обычные», не были одной национальностью или даже биологическим видом, но всех их объединяло место обитания — лес. Не просто скопление деревьев, а огромная, глухая и практически непроходимая для людей часть планеты, выполняющая в этом мире роль океана. Шумцы могли бы быть страшными подводными чудовищами, если бы не удручающая человекообразность, уготовившая им судьбу быть жителями дальних земель с пёсьими головами.

Посёлок, который до сих пор даже не имел названия, вырос вокруг свалки, как бактерии в чашке Петри, и поначалу довольствовался только отходами, но город манил: если они выбрасывают такое, то что же они оставляют себе?

Кроме возможности стать неотличимым от человека, которую предлагал Цын редким избранным, входов в Новобургоградск для шумцев было два.

Первый, тайный, проходил прямо через решётку, соединяющую городской канал и ров. Звенья её были достаточно широкими, чтобы сквозь них могло пролезть небольшое животное, этим пользовались кошки-оборотни, хоть и не любившие плавать. Мокрые киски вылезали в город из канала ночью, чтобы не попасться, и либо превращались в девушек, либо находили места, где можно затаиться и обсохнуть. Их всё равно отлавливали и вышвыривали рано или поздно, но совсем недавно для многих нашлось приста-

нище: был принят билль о домашних животных, согласно которому спасённые киски могли свободно жить в доме хозяина; бездомных же, без ошейников и бирок, продолжали гонять.

Второй вход, почти официальный, как и билль, появился несколько лет назад. Раз в несколько недель, а то и месяцев в поселение приходил один и тот же человек с разрядкой, зачитывал список вакантных мест и требования к кандидатам. Запросы были простые, вроде умения поднимать тяжести, и легко проверялись тут же. Отобранных шумцев собирали в кучу и уводили прямо к главным воротам; происходило это обычно ранним утром, когда город ещё спал.

Некоторые из них потом возвращались обратно, по разным причинам не прижившись в городе. Расспрашивая их, Дон понимал, что происходит внутри. В городе шумцам был выделен отдельный район — Заканалье, туда же переместилась и вся грязная работа. Если работу невозможно было вывести за канал, шумцев пускали в город. Чтобы не смущать обывателей, ООП убедительно рекомендовал, выходя к людям, прикрывать срамные места, копыта прятать под обувь, а рога и уши — под шапкой. Если же отличия были слишком очевидны, например зелёная кожа, то из Заканалья просто не выпускали, отлавливая на подступах к центру города.

Впрочем, своего района хватало с лихвой: жизнь там была поистине царская, мало чем отличающаяся от жизни остального города, за исключением нескольких нюансов. Во-первых, паспортов шумцам не выдавали; их пробовали ввести, но тут же отменили после нескольких неприятных происшествий. Оказалось, что многие из раветлан были способны видеть кровь уцытаклей и категорически, вплоть до приступов необузданной ярости, отказывались наносить на своё тело «бесовские письма». Роль документов стали выполнять усы, лапы и хвосты. В конце концов, задачей бы-

ло всего лишь отличить шумца от человека, и разница, как говорится, была на лице. Во-вторых, никаких тестирований и распределений для шумцев не предполагалось. Ну какое призвание может быть у чернорабочего, да ещё и, простите, нелюдя?

Именно в этой роли Дон и собирался попасть в город. Шпунтли изобрёл нетоксичный влагостойкий клей — специально для того, чтобы Дон мог прилепить сброшенные молодым сатиrom рога так, чтобы те держались надёжно и убедительно. Дон отобрал рубашки с длинным рукавом — на случай, если кто-то обознается, примет случайно за человека и попытается быстро просканировать. Сделать это будет нельзя, не попросив задрать одежду. Всё было готово, ждали только человека с разнарядкой. Если бы подлог раскрылся, это бросило бы тень на всё поселение и создало бы проблемы с дальнейшими разнарядками, что несколько смущало Дона.

— Спасибо, что помогаете, — сказал он гному, когда они возвращались со свалки, навьючив Фёдора разным железом и разгрузив — во всех смыслах — Винтли, который теперь работал в мастерской.

— Спасибо не булькает, — хохотнул Шпунтли и тут же серьёзно добавил: — Да ты и сам парень не промах... для человека. Мы, благодаря тебе и Фёдору, вдвое подняли выплавку метала. Считаю, что мы квиты, хотя никто тебя и не просил тут трудиться, достаточно было просьбы Цына. Ты его, кстати, давно не видел? Что с ним?

— Нет, я знаю не больше тебя.

Лис, выслушав рассказ о башне, о чём-то крепко задумавшись, стал неразговорчив и рассеян, потом и вовсе несколько дней просидел молча. Объявил ученикам, что ему нужно время на поиски себя, переделался в белые одежды, обратился в прекрасного юношу (оказывается, оборотни умеют и такое) и куда-то пропал.

— Не хочешь тут остаться, когда с городом разберёшься? — спросил вдруг гном. — Вижу, человек ты умелый.

Здесь в посёлке много таких, которые никуда не вписались.

— Не вписывались, — поправил Дон. — Пока не вписались сюда. Кстати, мул тебе не нужен? — спросил Дон.

— В каком смысле? — Шпунтли даже остановился от неожиданности.

— Да я всё смотрел, как ты с ним обращаешься. Почти по-человечески, только лучше, — пошутил Дон. — Мне кажется, вы нашли друг друга, оба работяги и вьючные животные. Вон ты как посёлок на себе тянешь. А в город я всё равно его с собой не возьму — откуда у шумца движимое имущество?

— Ты точно какой-то нездешний, — после долгой паузы ответил гном. — Но я, конечно, от такого щедрого подарка не дурак отказываться.

* * *

Звук горна раздался таким ранним утром, что Дон сам бы ни за что не проснулся, но растолкала сорока, у которой он всё это время жил. Протирая глаза, Дон выполз на площадь возле дома гномов, где уже собиралась толпа желающих. Огласили весь список. Были нужны всего лишь два сортировщика и один сборщик мусора; для первых не существовало никаких особых требований, последний же должен был обладать неким «подобающим видом».

— Повезло, — шепнул Шпунтли, который выскочил на звуки горна одним из первых, добросовестно выполняя обязанности мэра. — Это значит, придётся выходить в город.

Вытолкнув Дона вперёд, гном гаркнул:

— Эй, шеф, посмотри на этого красавчика!

Остальные отзываться не спешили, зная о договорённости, но, увидев, что Дона утвердили, кинулись предлагать и свои кандидатуры. На роль сортировщиков выбрали, заметно этим осчастливив, двух свинолюдей, крепких парней-

кабанчиков с пятачками вместо носа. Благозвучных человеческих имён у них ещё не было, поэтому Дон тут же предложил называть их Бартоломей и Бальтазар.

— Барт и Бальт, — согласился «шеф». — Подойдёт, почти одно имя на двоих, удобно.

Охранник у ворот пропустил их без расспросов, просто кивнув сопровождающему. По пути к Заканалью им навстречу не попало ни одного человека, включая пару дворников.

— Вот распределительный центр, — указал шеф на серое одноэтажное здание сразу после проходной, раздав каждому по квадратному жёлтому листку. — Днём придёте туда и отдадите бумаги. Не потеряйте. Если потеряете, всё равно идите сюда же и просите работу.

На листке Дона значилось: «Сбор мусора. Р-н Канальный, Сады. Треб.: чел. вид». У входа в общежитие провожающий на несколько мгновений остановился и едва заметно поморщился. Потоптавшись на месте, принял решение:

— Дальше сами. Комендант расселит.

Им выдали на троих одну комнату, которая всего через несколько дней превратилась в хлев. Парни обладали тонким и деликатным нюхом, прекрасно помогающим в деле сортировки мусора, и постоянные запахи стимулировали их мозг, словно хорошая музыка. Душ они любили как бесплатный и бесконечный источник воды и раз в неделю с удовольствием в нём плескались, но не мылись, и такое купание только лишь освежало их благовоение.

Дон несколько суток осматривался и осваивался. Оказалось, что с работой действительно всё сложилось крайне удачно: достаточно было каждый вечер, почти ночью, обходить два района города и даже не подбирать мусор, а просто ждать, когда его вынесут и покидают в телегу сами жители. Прекрасный шанс случайно встретить Рину, но с этим всё никак не везло — возможно, она просто жила в другом рай-

оне, — так что в один из дней Дон, надев шляпу, отправился в центр.

Проходную он миновал спокойно; было вообще непонятно, тормозил ли сторож хоть кого-нибудь за свою долгую жизнь или просто коптил небо самокруткой. Поразмыслив, Дон сделал вывод, что проходная имеет чисто символическое значение, одного моста через канал недостаточно, надо было ещё как-то подчеркнуть этот, метафорически говоря, водораздел.

Остановили его на подходе к центру. Двое ничем не выделяющихся мужчин, не считая сканеров на поясе, возникли неожиданно, словно отделившись от серой стены дома, и направились наперерез.

— Куда идём? — поинтересовался один из них.

— Гуляю вот.

— Направление в центр есть?

— Да, иду по направлению к центру, — попытался пошутить Дон, но успеха его шутка не возымела. — А что не так?

— У вас там работа? Разнарядка есть?

— Нет, у меня променад в свободной форме.

— Свободная форма только для граждан. Можете гулять вдоль канала, — указал сканером направление стражник.

«Как интересно. Что меня выдало?» — подумал Дон, возвращаясь обратно. Он был готов в случае чего снять шляпу и тут же разоблачить себя как шумца, если бы зрители решили просканировать его руку, но откуда-то им всё было понятно с первого взгляда. Удивительно, что за время пребывания здесь туристами к ним с Риной никто ни разу не подошёл, а что поменялось?

В шляпах ходят только шумцы? Навряд ли. Можно отодрать рога и снять шляпу, но тогда становишься беззащитным перед сканированием. Шёл со стороны канала, а это просто подозрительный район и проверяют всех?

Дон предпринял вторую попытку и попробовал пройти в город дворами, что у него почти получилось. Вышел он со-

всем на другую улицу, поменьше, но тоже ведущую к центру, и там его снова остановил патруль, состоявший на этот раз всего из одного человека, скорее юноши, чем мужчины, соразмерно масштабам улицы.

— Можно поинтересоваться, вы куда?

— Мы гуляем.

— С какой целью?

— Женщину ищу.

Услышав ответ, расслабленный до этого охранник недоверчиво посмотрел на Дона, мгновенно собрался и потянулся к сканеру, раздувая ноздри и шумно втягивая ими воздух.

— Можно вашу руку?

— Никак нет! — Дон снял шляпу и поклонился, нацеливая рога в живот парню.

— Хулиганим! — выхватил жезл стражник, намереваясь отсканировать нарушителя с ног до головы.

«Это же может быть ещё и оружие! — спохватился Дон. — Скажем, электрошокер, источник питания в нём всё равно уже есть. Ох, вопиющая недальновидность».

— Не-не, я новенький. Правил ещё не знаю, — миролюбиво поднял руки Дон, снова не подумав, что жест может быть воспринят неоднозначно. Поднимают ли в этом мире руки вверх?

— Раветлан, не шути! — грозно, насколько позволял его возраст, сказал охранник, выставил вперёд вспыхнувший красной верхушкой жезл и принялся обходить Дона по кругу, оттесняя к стене.

— А ну, стоять! — скомандовал Дон. — Зовут как?

— Пикл, — опешил юноша и вытянулся по стойке смирно.

— Пахнет, да?

— Что?

— «Раветлан», а не «шумец». Носом шмыгаешь, ноздри маленькие, человеческие. Ну конечно же, пахнет от меня, столько времени с вами провёл. Для этого вас Цын столько

воспитывал? Стать человеком, но быть легавой. Какая прекрасная самореализация! — восхищённо произнёс Дон. — Чёрт, и не поспоришь же ведь, данные все есть... Эй, ты чего?

— Цын. Цын! Цы-ы-ы-ын, — жалобно скулил парень, выронив жезл на мостовую и оседая следом.

* * *

Дон снова лежал в ванне, отдыхая от соседей по комнате и обдумывая дальнейшие планы: «Да, стоило назначить какое-то постоянное место встречи». Вовремя это сделать он не догадался, но как бы это выглядело? «Каждый день у фонтана в восемь?» Здесь же нет фонтанов, да и зачем обременять девушку такой ерундой?

— Ты брезгуешь, что ли? — фыркнула Алиса, потягиваясь. — Моется и не трахает.

— Я брезглив, только когда в тарелке с говном волос нахожу, — пошутил он.

— Уф. А моешься что?

— Хочу всё-таки пройти в город, но меня нюхачи ловят.

— Попробуй распредцентр.

— Это и делаю, но, увы, пока всё безрезультатно. А ты как сама-то, не брезглива?

— О чём это ты? — спросила Алиса.

— Ну, клиенты ходят, делают всякое.

— Мне нравится, когда меня гладят, — обыденно сказала сиамка.

— А если вдруг не понравится?

— Тогда я ему всю спину исцарапаю! — Кошка хищно сверкнула глазами и задумчиво добавила: — Хотя некоторые как будто специально бесят.

— Удочериться не желаешь, случаем?

— И принадлежать какому-нибудь уроду? Нет, мне и тут хорошо.

— Кто-то бы мог сказать, что это использование, — осторожно заметил Дон. — То, что с тобой здесь происходит.

Алиса немигающим взглядом посмотрела на человека и сказала:

— Ты что, тоже не понимаешь, как и они?

— Они? — переспросил Дон.

— Городские. Делают вид, что можно жить без этого. Тупые или врут. Живое ест живое. Мясо ест мясо. Иначе никак. Кто-то ест траву, но только потому, что её не надо ловить.

— Кто-то ест уже мёртвое, — попытался придумать контраргумент Дон, хотя позиция девушки была по-своему неоспоримой. Органика ест органику, и только те, кто занимается фотосинтезом, без греха.

— Падальщики. Они всё равно едят мясо. И кто их любит? — В голосе Алисы послышалось презрение. — К тому же они едят не мёртвое, а слабое.

— Слабому всегда можно помочь стать мёртвым, — кивнул Дон.

Этот человек Алисе нравился, что было большой редкостью. Он был умён и добр с ней, совершенно при этом не болтлив, а также вкусно пах самим собой, помимо неизбежной примеси посторонних запахов. Будет досадно, если он отмоется добела. «Ничего, я его потом вылижу, будет пахнуть мной», — решила она.

Отмывшись, Дон ещё раз наведалься в распредцентр. Под этим названием скрывались две комнаты и три женщины, чего вполне хватало, чтобы управлять всеми шумцами города. Никаких призваний не предполагалось, как и окладов, дисциплиной тоже особо не пахло, однако же каким-то неизвестным гением была выработана простая и эффективная система взаимодействия. Во всю стену комнаты висела доска, наподобие доски объявлений, на которую вывешивались *тикеты* — клейкие бумажки с описанием задачи, её приоритетом, квалификационными требованиями и вознаграждением. Всякий шумец мог выбрать себе тикет по вкусу, цвету или запаху, а если умел читать, то и по смыслу, и, получив потом у проверяющего купон за выполненную ра-

боту, забрать награду. Когда бесхозных тикетов становилось слишком много, женщины нехотя формировали запрос и отправляли рекрутёра за стену, в поселение шумцев. Новых задач координаторы совершенно справедливо не любили, мечтая, видимо, достичь когда-нибудь неуловимого гомеостаза.

Дону был уже назначен повторяющийся тикет на сбор мусора, закрыть который раз и навсегда невозможно, но можно поменять на более важное задание. Каждый день Дон заходил в центр, изучал доску, перекидывался парой слов с милыми женщинами, которых про себя называл Вера, Надежда и Любовь, но ничего не находил. И вот — что-то новое: сегодня в центре впервые за всё это время появился горожанин, а не капсула пневмопочты.

— Вы вообще знаете, кто я? — спросила пышная женщина с лицом простым, но недовольным, облакачиваясь на стол и нависая над координатором.

Недовольные лица вообще делятся на два типа: утончённо-возвышенные, неудовлетворение в их исполнении принимает характер молчаливой вселенской скорби, и агрессивно-сварливые, раздражение которых приводит к скандалу. Агафья обладала скорее лицом второго типа, во многом смягчённым пухлыми щёчками, отчего раздражение её выглядело немного детским, какой бы властью она ни обладала.

— Нет, — после долгого молчания отреагировала одна из работниц распределительного центра, когда стало понятно, что посетительница просто так не уйдёт.

— Это прекрасно, — неожиданно обрадовалась Агафья. — Однако ж у меня для вас бумага на выделение шумского ресурса, будьте добры обеспечить.

— Люда, прими!

Повинуясь незримому клеветательному порядку, непонятная и неважная задача перешла к самой младшей. Дон, уже досконально изучивший к тому времени всю доску,

остался и зашёл на второй круг, дожидаясь, что будет дальше.

— Грамотных. Очень. Мало, — изучив требования, объясняла Люда таким тоном, словно посетительница тоже отнеслась к неграмотным. — А вам вообще скоропись нужна. Это работа секретаря начального уровня, вы же шумца хотите.

— Что же вы спорите? — удивилась Агафья. — Ваше дело оформлять, а не спорить.

Она сказала это так просто, что понять, шутит она, хамит или действительно так считает, было совершенно невозможно. Людмила хлопнула ртом, и через пару минут тикет был написан и приклеен на доску.

— Гражданочка, вы только статус поставьте «критический», — подсказал Дон вслед уходящей Агафье, бросив быстрый взгляд на задание.

Та резко обернулась, и на мгновение показалось, что она снова хочет спросить, знает ли Дон, кто она, но недовольное выражение лица так же быстро разгладилось, и Агафья спросила:

— Что ты имеешь в виду?

— Никто вашу задачу не возьмёт за одно только вознаграждение.

— А что, мало?

— Нет-нет, вполне неплохо. Жрачки на год купить можно. Но у люд... у шумцев свои дела есть, — сказал Дон и, краем глаза отметив недовольную мину Люды, коротко объяснил систему приоритетов.

— Что же вы! — качнула головой Агафья и с укором посмотрела на координатора. — Поставьте «критический».

— Я подхожу, — тут же сообщил Дон, беря исправленную бумажку и возвращая на стену тикет с уборкой мусора.

— О, какой фрукт! — с восторгом сказала Агафья, рассматривая Дона так, словно только что увидела его в первый

раз, и снова с упрёком обернулась к Люде: — А вы говорите, мало таких! Ты писать-то умеешь?

— Читать он точно умеет, ошибается тут у доски постоянно, — подтвердила Люда, решив, что поскорее закрыть этот внезапный тикет и в её интересах тоже.

— Да? А ну-ка, дайте-ка ему бумажку и ручку, — приказала Агафья и, спохватившись, добавила: — Пожалуйста.

Ко всеобщему удивлению, писать Дон действительно умел; почерк его был с некоторой брезгливостью рассмотрен, но признан подходящим.

— Пакуй вещи... как тебя? Жить будешь в отдельной комнате, чтобы не терять времени на дорогу и всегда быть под рукой. — С этими словами Агафья приподняла правую ладонь вверх, освобождая её из широкого, как у китайского мандарина, рукава, и стала видна наложенная на руку шина.

Поселили Дона снаружи одного из тех домов, на которые так любила засматриваться Рита, в пристройке для прислуги, если это унижительное слово было вообще применимо к нескольким свободным шумцам, добровольно выбравшим тикеты по обслуживанию Агафьи. Первые несколько дней Дона только и делали, что кормили (шумец-повар), обстирывали (шумка-прачка) и вызывали несколько раз в особняк (шумец-лакей) к хозяйке. Та задумчиво смотрела на рога — ходить в шапке по территории особняка было запрещено, — потом задавала какой-нибудь странный вопрос, типа «Откуда ты?», «Как давно здесь?», «Почему грамотный?», и отпускала. Бумагу в город выписывать не спешила, поэтому Дон маялся на территории особняка.

Пообщавшись со своими коллегами, Дон выяснил, что вместе с Агафьей живёт какой-то молодой человек, но видят они его крайне редко. Обеды она относит ему сама, бельё меняет тоже, а из дома он и вовсе не выходит. Стараясь не казаться чрезмерно любопытным, Дон держался молодцом, изображая перед хозяйкой работника глуповатого

(по меркам человеческим), но сообразительного (по шумским), пока наконец Агафья Петровна не вызвала его и не спросила:

— Тебе вообще интересно, зачем ты здесь?

— Нет, — сознался он. — Только платите и в город пускайте.

Ответ её полностью устроил, она кивнула на письменный стол, а сама, всё так же сидя в кресле, выудила из рукавов скомканный клочок бумаги, на котором было что-то обильно нацарапано дрожащим, едва читаемым почерком, и начала диктовать, разбирая каракули:

— С нового листа. Пиши. Глава двадцать четвёртая, в которой Соня учит Непоседу отдыхать.

СОНЯ УЧИТ НЕПОСЕДУ ОТДЫХАТЬ

Отбрасывая лунные блики округлостями упругих обнажённых задниц, в реку погрузились двое: единорог и девушка, сидящая на нём верхом, цепкими ногами охватывающая талию красного, как яблоко, зверя.

Тот факт, что тёмной ночью девушка купалась верхом на красном единороге, совершенно никого не смущал: казалось, единорога она знала давно, может, они дружили, может быть, даже кто-то кому-то принадлежал, а ночью плавать особенно приятно. Что касается цвета, то каким ему ещё быть? Вы вообще видели единорога? То-то же.

Животное мощно рассекало волны, на девушку летело так много брызг, что можно было даже не слезать в воду самой. Вдруг единорог дрогнул, замер, внезапно прекратив всё веселье, обмяк и покосился. Течение понесло его куда-то назад, медленно вращая и разматывая по воде большое красное пятно. Кровь? Краска. Ноги, всё это время ощущавшие пружинящую плоть зверя, погрузились во что-то зыбкое, липкое. Девушка испуганно посмотрела вниз: бока вмялись, провалились внутрь полого тела, раздался пукающий звук, и в образовавшуюся дырку глотками начала набираться вода. Не выдержав веса тела девушки, единорог распался на две части, треснув в крупе.

Она погрузилась в реку с головой, но быстро встала на ноги и попыталась ухватить остатки зверя, куски папье-маше расплзались в её руках и растекались по реке комка-

ми размокшей бумаги, и уже через минуту всё это унесло вниз по течению. Вода снова стала прозрачной, не сохранив никакого намёка на только что существовавшее животное.

Как только девушка решила выйти на берег, тут же оказалось, что стоит она уже не в реке, а в центре небольшого озера, по краю которого пошла вдруг какая-то растущая в размерах белая накипь. Кристаллическая пена подбиралась всё ближе и ближе к центру, и стало видно, что это никакая не накипь, а острые иглы льда. Поверхность воды замерзала и трескалась, словно озеро пыталось бороться с оледенением; куски льда всплывали острыми краями наверх, и вода снова замерзала, скрепляя эти шипы вместе, медленно сужая круг вокруг девушки.

Обжигающим холодом кольцо сошло вокруг её талии, Соня вздрогнула и проснулась.

— Вот же бабель, приснится всякое! — выругалась она, голос был охрипший и словно чужой.

Рука привычно нащупала рядом успокаивающе тёплое голое тело.

— Ах, Ян! — едва слышно выдохнула она, запуская руку в его лохматую гриву. — Пёсье ты отродье, животное ненасытное, ушатал всю.

Он был последним её увлечением, которое продолжалось уже бесконечно долго, недели две, и Соня начала опасаться, что это серьёзно. Кто кого соблазнил первым, стёрлось в памяти. Скорее всего, она набросилась на него после тренировки, случайно задержавшись дольше всех. Возможно, это он сам попросил её остаться, а потом уже и накинудся.

Слипшись вместе, они превращались в зверя с двумя спинами; потом, разлепившись, она слушала, а он говорил удивительные вещи, гораздо более невероятные, чем те, что были на тренировках.

— Пить, — хрипнула она.

Грива застонала, обернулась и произнесла голосом Риты, тоже охрипшим:

— Что? Кхе-кхе, — откашлялась Рита, выплёвывая невидимые волосы. — Тьфу. Попить бы, да. Сейчас.

— Ох, чёрт же, — выругалась Соня.

* * *

Утром предыдущего дня Рита выложила на стол перед Ириной Игнатъевой стопку бумаги, ворвавшись в кабинет после приглашения.

— Вот!

— Здравствуйте. Рита Кузнецова, — вспомнила чиновница. — Проходите, садитесь. Впрочем, вы уже прошли. Значит, садитесь. Что это?

— Рисунки, посмотрите.

Игнатъева подцепила двумя пальцами верхний лист и приподняла его в воздух, изучая.

— Вы посмотрите, посмотрите, — подбодрила её Рита.

Сделав долгий тихий выдох, женщина взяла в руки всю пачку и тщательно пролистала её.

— Действительно, рисунки. И что же?

— Вам понравилось?

— Я не художник, — пожала плечами Игнатъева. — А вы всё-таки по какому вопросу?

— Мне не нравится в Горархе.

— Видите ли, самореализация — тяжёлый и неблагодарный...

— Да подождите же вы! — вдруг стукнула по столу Рита. — Подождите! — повторила она и стукнула ещё раз, тихо и нежно, словно стараясь смягчить первый удар. — Я же не отказываюсь от самореализации. Я бы могла работать художником. Могла бы я?

— Кто же будет работать в архиве? — буркнула под нос Игнатъева, но протокол обязывал свериться с личным делом. В конце концов, не в этом ли состоит её работа — бесконечно сверяться?

Ирина свернула рисунки трубочкой, вложила их в пустую капсулу и отправила в отдел культурных ценностей на экспертизу, запросила личное дело Риты, достала из тумбочки чистые формы опросника Финкла — Айнхорна, цветовой тест Фреда Уилфреда и протянула их Рите:

— Хотите снова пройти тесты?

— А как же рисунки?

— Их мы посмотрим. Тесты?

Чиновник второго ранга — должность далеко не рядовая, требующая высокой квалификации, сноровки и досконального знания протоколов. Разбуди, например, её ночью и спроси, что делать в ситуации, когда посетитель хочет поднять уровень вибраций, она без запинки скажет: опросник Финкла и тест Уилфреда. Вопрос о том, кто такие эти Финкл и Уилфред, её никогда не тревожил, как выходящий за пределы компетенции.

— Можете не торопиться, я вернусь, когда вы закончите.

В своей работе Игнатьева всегда старалась пройти лишнее лье там, где это возможно: например, она гордилась тем, что знает всех своих подопечных по именам, и тем, что научилась какой-то неведомой чуйкой определять, сколько времени у конкретного человека займёт заполнение тестов, и возвращаться точно к этому сроку. Разумеется, данный факт никак дополнительно не скажется на эвалюации, это был её маленький личный способ самосовершенствования.

Сейчас она чувствовала, что посетительнице надо дать побольше времени, поэтому, выйдя во внутренний двор башни, неторопливо направилась в зону отдыха. Башня состояла из трёх колец, вложенных друг в друга: снаружи — лестница для посетителей, опоясывающая всю башню, посередине — кольцо кабинетов, в каждом из которых по две двери: для посетителей и служебная, ведущая в сердцевину строения. Входов в башню было тоже два: парадный, с табличкой, выходящий прямо на улицу, и задний, в разы больше парадного, система двойных дверей, скрытая за забором с воротами.

Внутренности башни, куда не допускались обычные люди, были похожи на маленький город в городе, в котором было всё необходимое для жизни: магазинчики, столовые, мини-парки. Освещение — полностью искусственное, но такое яркое, что его хватало для роста и процветания огромных, больше человеческого роста, растений с толстыми мясистыми листьями. Беседка, утопающая в лианах, зона отдыха, в которой, сняв туфли, с ногами на диванчике расположилась Игнатьева, была даже оборудована маленьким водопадом. Журчание разморило чиновницу, однако безмятежная медитация была грубо прервана приближающимися криками и бранью.

— Пусти! Пусти, пёс! Да пусти ты, сама пойду!

Шум поутих — видимо, пустил. Редкие отдыхающие чиновники удивлённо поворачивали головы вслед мужчине с жезлом, уже не волокущему, а просто поддерживающему под локоть девушку с короткой стрижкой. Игнатьевой не надо было даже смотреть, чтобы понять, кто это. Ирина сидела и неподвижно ждала неизбежного.

— Вандализм, — сообщил мужчина, заведя Соню в беседку, и, отсалютовав: — Лучиков добра! — ушёл.

Соня молчала. Ирина тоже молчала, потом, тяжело вздохнув, сказала:

— Ну что опять?

— Я просто...

— Нет, подожди, — перебила Игнатьева. — Это всё совершенно не важно. Тебя не изгонят из города, что бы ты ни делала.

— Но я на этот раз...

— Да, знаю, ты вполне способна меня удивить, если захочешь. Творческая натура, вся в отца. Но не стоит и стараться. Ты всё равно останешься здесь.

— Послушай же...

— У нас сто раз был этот разговор, — устало сказала Игнатьева. — Ты уже взрослая девочка и сама знаешь, как тебе

жить, но кроме твоего блага есть ещё и моё, например. Я не переживу, если ты покинешь Новобургоградск.

— Он изменил, мама!

— Молодец. Изменения — это хорошо. А ты постарайся хотя бы немного уважать то, что я для тебя делаю. Второй раз за месяц тебя приводят. Всё, у меня сейчас работа, про-сти.

Рита закончила только половину теста, когда Игнатьева вошла в кабинет, прошла его насквозь и вышла в дверь для посетителей. Там она села на скамейку и стала ждать.

Соня, посмотрев вслед убегающей матери, отправилась бродить по джунглям башни в попытке или успокоиться самой, или дождаться Ирины обратно, чтобы всё-таки объяснить. В городе почему-то ничего не выживало, неоднократно попытки озеленения с треском проваливались, оставляя на память засохшие трупики растений; не укоренились даже саженцы деревьев.

Решение было найдено в граффити — рисунках, спонтанно возникающих на стенах домов. Сначала с этим странным явлением пытались бороться, но быстро сообразили, что никакого очевидного вреда нет, а настроение жителей только улучшается; тогда было решено возглавить и направить этот процесс. Отдел культурных ценностей разработал наиболее эффективные шаблоны по имитации растительности, а Минсамр создал разрядку на маляров. Несанкционированные граффити всё ещё считались непорядком, но с ними, впрочем, не особенно боролись, за исключением самых вопиющих случаев. Хулиганы повадились использовать готовые типовые граффити как основу, дорисовывая сверху что-то своё. Шаблон и без этого допускал широкую вариативность, поэтому в каждом отдельном инциденте было сложно определить, вандализм ли это или всё ещё пределы нормального отклонения.

В случае с Соней всё было однозначно: поверх ветвистых узор на жёлтом пятне скалилась клыкастая морда получе-

ловека, в котором легко угадывались черты Яна, если, конечно, его знать. Вид рожа имела наглый и бессовестный, как будто издевалась то ли над зрителем конкретно, то ли над человечеством вообще, что, несомненно, указывало на вандализм, совершённый с особым цинизмом. «Тварь», — гласила подпись внизу, избыточная, но объясняющая суть картины тем, кто понимает слова лучше, чем изображения. И главное, был соблюден формальный параметр: площадь рисунка превышала десять квадратных футов, а значит, «особо крупный размер».

Её поймали с поличным — сумкой с набором промышленных распылителей краски разных цветов — напротив студии каласкилакии. Место и время были выбраны крайне удачно: первая половина дня и ни одного офисного здания вокруг, все на работе, никто не увидит, — это снова указывало на расчётливый злой умысел. Тут же при сканировании обнаружилась метка особого попечителя, и Соню вместо обычной процедуры проставления страйка привели по нужному адресу.

— Итак, давайте посмотрим, — торжественно произнесла Игнатьева, собрав все необходимые документы в кучу. — Ваши ведущие характеристики не поменялись, среди них есть аккуратность и исполнительность, а также внимание к мелочам. Прекрасные качества для художника, так ведь? Далее. Заключение о работах: «Художественной ценности не представляют». Причина: «Отсутствие индивидуального стиля, чрезмерная реалистичность».

— Слишком точные рисунки? — удивилась Рита.

— Да, но вы же не фотокамера. Зачем тратить на это целого человека, когда можно обойтись фотокопией? Нецелесообразность — сильный аргумент, понимаете? И наконец, что самое главное, вы находитесь на оранжевом уровне вибрации.

— И что это значит?

— То, что для профессии художника нужен как минимум голубой.

— Я об этом ничего не знаю.

— Может, и не должны. Незнание — благо, так как освобождает от ответственности. Смотрите, все живые существа делятся по уровню вибрации. Животный уровень — красный, на нём находятся нелюди. Оранжевый уровень — уровень самоосознания. На нём находятся большинство людей. Поэтому вы ничего и не знаете, вернее, просто не помните, ведь цветовой тест Уилфреда проводится крайне редко. Не имеет смысла его делать по любому поводу, всё равно ведь на оранжевом уровне доступны почти все распределения. Жёлтый уровень — власть и порядок, он требуется для профессии чиновника. Следующий уровень — зелёный. Сострадание. Он необходим для помогающих профессий: врачи, воспитатели, официантки. И наконец, голубой уровень требуется для так называемых творческих профессий: художники, писатели, бухгалтеры.

— Это что ж, мне, чтобы творить, нужно быть на уровне Твороговски, иначе никак?

— О, нет-нет, — снисходительно улыбнулась Игнатьева, — он на фиолетовом уровне. Духовное лидерство. Ещё есть синий, перед фиолетовым. Профессии, требующие большого ума. Как, например, Избранный и Вице-избранный.

— Зачем вообще это всё, когда есть ведущие характеристики? — возмутилась Рита, по ним-то она вполне могла быть художником.

— Затем, что общество без цветовой дифференциации обречено! Вы что же, думаете, что «желание помочь людям» и «умение помочь людям» — это одно и то же? Или, например, «возможность помочь». Это три разные вещи! Уровень вибрации показывает, насколько человек продвинулся в том, чтобы быть человеком, а не просто ранг в таблице профессий. Художник — это глашатай, голос его должен быть твёрд и чист! — сказала Игнатьева строго.

— Получается, мне нельзя рисовать? — упавшим голо-
сом спросила Рита.

— Да почему же нельзя, — смягчилась Ирина, — рисуйте себе на здоровье, это вас даже будет продвигать в развитии. Вам просто рано работать художником, но когда-нибудь до-
зреете.

— И когда мне это делать?

— После работы. Да, это тяжело. Я прекрасно знаю по се-
бе, потому что сама, когда не на службе, тренирую зелёный
уровень — сострадание.

Рита совершенно не помнила, как спустилась из башни,
ноги сами несли её в «Сому», под заботливое крыло Хозя-
юшки. Не донесли.

— Ритка! — крикнул ей знакомый голос в самое ухо. —
Эй, подруга!

Вздохмаченная больше, чем обычно, Соня дёрнула Риту
за рукав, вытрясая её обратно в реальный мир.

— Ты чего?

— Ой, прости, задумалась, — сказала Рита.

— Да на тебе лица нет. Случилось что-то? — спросила
Соня.

— Башня.

— У-у-у, пойдём. Пойдём-пойдём, — потянула Соня ку-
да-то в подворотню.

Они петляли в недрах города, и Рита ловила себя
на неловком ощущении неуместности: ходить она предпо-
читала общими улицами, каждый же отдельный двор вос-
принимался чужим, ведь люди, жившие там, наверняка счи-
тали этот клочок территории родным. Девушки же просто,
походя осквернили, наверное, с пару десятков дворов, бес-
церемонно рассекая их диагоналями. Наконец они вышли
к кирпичной двухэтажной коробке на небольшом пустыре,
заваленном разным мусором, потому что настоящего, пу-
стого пустыря в Новобургоградске быть не могло: каждый
фут пространства был слишком дорог, чтобы простаивать.

Подойдя к двери с табличкой «Служебное помещение», Соня несколько раз пнула её носком ботинка. Дверь приоткрылась, и в проёме показалась голова Торча.

— Соня! О, и эта, — бросил он взгляд на Риту и, обращаясь к Соне, пробурчал: — Ты ничего не напутала, подруга? Клуб собирается не здесь.

— Да перестань ты, Рита девка нормальная.

— У тебя все нормальные. Ну ладно, заходите, под твою ответственность, — почему-то хихикнул Торч на последнем слове.

Внутри помещение было небольшим и тёмным, похожим на предбанник. В углу — бетонная лестница, уходящая на второй этаж, откуда раздавались размеренный гул и щелчки. Свет в комнату проникал через два узких окна-амбразуры, но горела всего одна лампа, вторая была выкручена, а в пустой патрон вставлены два провода, свисающие к печке под лестницей. На печи гудела большая кастрюля с крышкой на защёлках. Из крышки выходила тонкая железная трубка, закрученная длинной причудливой спиралью, с конца которой что-то капало в прозрачную бутылку. В центре комнаты — сооружение из ящиков, похожее на стол, накрытый тряпичной скатертью. Вокруг — конструкции поменьше, похожие на скамейки.

— Присаживайтесь, раз пришли. Чем обязан?

— У Риты тяжёлый день, — виноватым тоном сказала Соня.

— У тебя постоянно тяжёлый день.

Чувствовалось какое-то напряжение, и Рита не понимала почему. Это же Соня и Торч. Они же так хорошо проводят время вместе каждый четверг!

Приподняв скатерть, Торч достал из глубин ящиков бутылку с тремя стаканами и разлил.

— Вздрогчем, — произнёс он заклинание и опрокинул в себя стакан одним глотком.

— Вздрогчем! — отозвалась Соня.

Рита повторила за друзьями, и по её горлу разлилось обжигающее тепло.

* * *

— «Ой, это же алкоголь!» — передразнил её Торч, и все снова рассмеялись. Тепло уже давно обосновалось во всём теле Риты, Соня и Торч опять стали родными, словно и не было никакой враждебности.

— Слушай, ну я не знала. Это же запрещённое вещество, — легонько толкнула его в плечо Рита.

— Это в духе Сони, да. Она тебе не сказала, куда вы идёте? Теперь ты соучастница, один страйк тебе обеспечен.

— Да ладно! — Рита попробовала начать волноваться, но у неё ничего не вышло.

— Если поймают. Вот твой билет, — он указал на Соню. — Пока не протрезвеешь, лучше никуда от неё не отходи.

— Почему это? — удивилась Рита.

— Потому. Задержат вместе — шум поднимать не будут. Пригивели... привилегированное сословие.

— Торч, прекрати, — одёрнула его Соня.

— Молчу-молчу. Рита, где работаешь? — спросил он.

— Младшим каталогизатором.

— А родители кто?

— Я сирота.

— Ого. Принцесса и засранка, значит, — нарочито удивлённо присвистнул Торч.

— Торч, ну перестань же! — ещё раз попросила Соня.

— Ладно, ладно. Мы все в одной лодке. Просто кто-то гребёт, а кто-то сидит на носу.

— Я сегодня ходила в башню менять квалификацию, — решила поделиться несправедливостью Рита. — Хочу стать художником, но для него нужен синий уровень. Игнатьева говорит, что...

— Художником? Цветовой уровень? Игнатьева, ты чего мозги пудришь? — перебил Торч, вопросительно глядя на Сою.

— Дурак ты. Ты в каком кабинете была? В 926-м? Рэ, Рита? — спросила Соня.

— Да, — растерялась Рита.

— Твой куратор — это моя мама, — вздохнув, созналась Соня. — Ничего себе совпаденьице, да? И художником? Ты что, издеваешься надо мной?

— Так ты сама надоумила. Сказала, что я хорошо рисую. А что не так?

— Соня же и есть придворный художник, — засмеялся Торч. — Этот город слишком мал для вас двоих, Новобургоградску не нужно столько. Тебе, поди, сказали, большинство людей оранжевые? А ты не думала, почему большая часть работ тоже? Удивительное совпадение?

— Все начинают на оранжевом уровне, но не все развиваются одинаково. Выдающихся людей мало, — выдала усвоенную истину Рита.

— Да-да, степенное распределение, универсальный закон природы. Но кто сказал, что это твоя заслуга? Только каждый шестой мужчина имеет рост выше шести футов. Значит ли это, что именно они росли лучше других? Больше каши ели?

— И что, ты хочешь сказать, что тут какой-то подвох? — спросила Рита.

— Нет, конечно. Просто Соня художник, а ты — нет.

— Слушай, ну перестань, — взмолилась Соня. — Родителей не выбирают.

— Ох, я к тебе несправедлив, подруга, прости, — слишком охотно согласился Торч. — Ты действительно свой человек. Вздрогчем?

Выпили ещё по одной.

— Знаешь, чем я занимаюсь? Рисую иллюстрации к «Единорожкам», — сообщила после долгой паузы Соня.

— Ух ты, это же здорово! Мне всегда они так нравились, а это, оказывается, ты! — От сияния Риты комната на минуту стала светлее, словно все лампы включились. — Так здорово переданы характеры единорожек. А-а-а, теперь понятно! — ещё сильнее вспыхнула Рита озарением. — Понятно, почему ты на группе за прозопологию, хочешь сделать то же самое, но с людьми. Художница!

— Ой, никогда об этом не задумывалась, — замерла Соня, но потом тоже просияла: — Мне правда ведь нравятся характеры людей, но зарисовывать их на занятиях начала почему-то ты.

Соня светилась недолго, секунд десять, потом помрачнела и сказала:

— Единорожки не мои. Первый художник, который на двух главных книгах был, — он их и придумал. Потом запретили что-то переделывать, чтобы не смущать народ изменениями, и я научилась копировать так, что не отличишь. Просто рисую одних и тех же чужих коров в разных позах.

— А ты... пробовала? — прохрипела Рита и откашлялась.

— Да, я нарисовала своих, совсем новые характеры.

— Можешь показать?

— Нет. — Соня сделала длинную паузу и пояснила: — Их приобщили к моему делу.

Тут Рита вспомнила, что и ей не вернули рисунки, отправив капсулой в хранилище, и тоже погрустнела.

— Вздрогчем? — подоспел на выручку Торч.

— Слушай, а почему ты Торч? — спросила Рита, выпив.

— Торчунов фамилия.

— А как же Торчок из единорожек?

— Однофамилец, — хихикнул Торч. — А ты как думала? Я всегда был Торч, как Соня всегда была Соней, — стану я себя называть в честь *этого*.

— А клуб что? Ты же активный участник, — удивилась Рита.

— Я всегда рад, когда за меня приливи... привилегированные платят! — с горькой гордостью в голосе сказал Торч. — С тебя, кстати, двойную таксу возьму, раз припёрлась без приглашения и коп... копро-мен-тировала безопасность, — повернулся он к Соне.

— Ты так любишь это слово, что мог бы уже и выучить. При-ви-ле... — засмеялась Соня и пояснила: — Пожрать он ходит. Док же за всех платит. Да я ещё с собой бутылку возьму.

— Тогда двадцать.

Соня достала из кармана горсть монет и, отсчитав двадцать су, аккуратно сложила их на скатерть перед Торчем.

— Когда весь список огласили и представились, я увидел, что имена сокращают, и тут же Торчка выбрал. «Но назовите меня просто Торч», — сказал.

— А остальные зачем ходят? — спросила Соня.

— Скромница пытается залезть Доку в штаны. Лакомый кусочек. Док, а не то, что у него в штанах, — хохотнул Торч. — Весельчаку просто кажется, что это всё большой розыгрыш, и он ждёт наконец раскрытия. Приятель мой, это я его на халявную жрачку привёл. Мушер ещё. У этого, по моему, просто друзей нет.

— Что ж так? — заинтересовалась Рита.

— Говно он нудное, — пояснил Торч. — Только и делает, что настроение всем портит. Но платить он сам может, я видел.

— Тоже привилегированный? — спросила Рита, главным образом чтобы посмотреть, как Торч будет справляться со словом.

— Нет, из приближённых. Полезный специалист.

Что-то в тоне Торча едва уловимо дрогнуло, поэтому Рита спросила:

— А ты сам-то какой специалист?

— Инженер. Между прочим, второго разряда. Техническая элита города.

— А работаешь где?

— Там, — указал Торч пальцем вверх, на второй этаж. — Обслуживаю ретранслятор пневмопочты.

— Вот что гудит! — догадалась Рита. — А почему сам тут сидишь, внизу?

— Я же не могу пить на рабочем месте, ты что! — возмущённо поднял он брови.

— И как работается?

— Да вот, сама видишь, работа непыльная. Главное — спокойная, — с любовью погладил он стакан. — Не то что раньше.

Выдержав драматическую паузу, он прошептал:

— Оператор РОГа. РОГа изобилия.

— Ты что, всем про это рассказываешь? — перебила Соня. — А говорил, что страшный секрет.

— Точно секрет. Только ты знаешь. Ещё Хозяюшке расстрепал, но вы сами понимаете, какая она. И Ритка-то своя теперь. Короче, РОГ, или репликатор объектов гражданский. Коробка в полкомнаты с дырой почти в человеческий рост сбоку, из которой лезет вообще всё, что пожелаешь... ну, почти всё, по списку, но неограниченное количество. Еда, кирпичи, одежда, приборы, лампы — на что хватает воображения (потому что список всё равно больше) и что может свободно пролезть в отверстие.

Соня закатила глаза — в точности как делала её мама, а Торч продолжал:

— Нет, оказалось, что ограничения всё-таки есть, предметы валяются из машины с конечной скоростью, а в сутках всего двадцать четыре часа. Нас было три оператора, каждый работал по восемь часов. Ну и две смены шумцев на подхвате — для сортировки и складирования. Я до сих пор по городу хожу, и мне кажется, что каждый кирпич через меня прошёл. Они, конечно, не по одному лезут, а — ж-ж-ж — потоком. — Торч попытался изобразить огромную кирпичную махину, пролетающую над его головой. — Мо-

жет, час на дом, я не знаю. А еда! Она даже уже в контейнерах, хоть сразу в столовые. Тоже не больше часа, чтобы напечатать жрачки на весь город. Одежда ещё!

Торч долго с горящими мечтательными глазами перечислял всевозможные предметы, потом, выдохшись, добавил:

— Подземное помещение, вход в него через подвалы башни, очень длинный коридор. Поднимается готовый продукт в надземный склад, где он находится — не знаю. Из склада всё это развозится по городу.

— Подземная башня, ага. И про двух других операторов ничего не известно, конечно же, — ехидно сказала Соня.

— Да. Совершенно. Больше я их с тех пор нигде не видел. Даже имён их не знаю, нам запрещалось себя называть.

— Короче, — подвела итог Соня, — он утверждает, что всё в городе делается чудо-машиной, которую никто не видел.

— Именно так. Потом они сообразили, что операторы не нужны, вернее, что не нужны инженеры, справится и шумец. К тому же шумец не разболтает, а даже если и попробует, то кто ему поверит?

— А тебе все поверят, — улыбнулась Соня.

— Так я же никому и не говорю — не хочется быть третьим пропавшим оператором.

— Может, у тебя в глазах просто троилось?

— Ой, да иди ты! Мне тогда второй разряд и дали, чтобы молчал.

— Если б и правда такая штука была, — мечтательно сказала Рита, — то в городе никто бы не работал.

— А вы что, работаете, что ли? Единорожек рисуете?

Прозвучал звук подзатыльника. Соня трясла ударившей рукой, Торч глупо хрюкнул, потирая голову.

— Нет, правда. — Тон Риты стал серьёзным. — Мне иногда на еду еле хватает.

— Вот! — назидательно поднял Торч палец вверх. — Я про это и говорю. При-ве-ли-ги-рованный класс.

— Кто?

— Ну понятно же. Я, глядя на РОГ, долго думал о том, что он ограничен во времени. А город ограничен в пространстве: бесконечный же не прокормить. Можно было бы построить таких размеров, чтобы всем хватило, даром, и чтобы никто не ушёл обиженный. Думаю, что так и построили. Тут я всё и понял! Это всё они, паразиты.

— Кто?

— Землевладельцы. Вот ты, Рита, получаешь, например, сотню.

— Сто двадцать, — кивнула она.

— А на жильё тратишь пятьдесят.

— Сорок, — кивнула она опять.

— Да не важно же. Владелец твоего жилья какую, бабелё его подери, самоактуализацию производит, когда берёт у тебя деньги? Как он растёт над собой? Где он в табелях?

— «Свободный гражданский обмен», — попыталась вспомнить формулировку транзакций вне табеля Рита.

— «За работу, совершённую другим человеком», — подсказал Торч. — Ра-бо-ту. Какую работу он совершает? Собирает с тебя деньги? Я думаю, все бы согласились на эту деятельность с такой оплатой. А где, на фиг, табель?! — рывкнул он и метким швырком разбил стакан об стену.

— У-у-у, — протянула Соня. — Мы, пожалуй, пойдём.

— Бутылку возьми, — мрачно сказал ей Торч, доставая стеклянную флягу из-под скатерти. — Уплочено.

Обратно тоже шли дворами, но на этот раз медленно, крадучись, не проскакивая насквозь. Соня высовывала нос из-за угла, осматривалась и махала стоящей поодаль Рите рукой — проход свободен; та с радостью вовлеклась в игру, но потом ей это надоело, и она спросила:

— А что мы делаем?

— От нас пахнет же, любая ищейка тут же унюхает. Ты как будто вчера родилась!

Перебежками они добрались-таки до «Сомы» без происшествий. Соня прислонилась к витрине, смешно расплусив нос, и оглядела зал. Вечерело, так что посетителей внутри было немного. Хозяюшка тут же её заметила и приветливо-призывно кивнула головой.

Они вошли в кофейню, всем видом изображая нормальных людей, стараясь держаться прямо и переставлять ноги одну за другой в не вызывающем подозрения порядке.

— Хозя, эй, — шепнула Соня, когда они бухнулись за самый дальний столик. — Давай всё самое крепкое.

— Хозя? — прыснула в кулак Рита.

— Ну а чё она? «Зовите меня Хозяюшкой», — сделав приторно-сладкое лицо, передразнила Соня.

— Можно Хозя, — с улыбкой согласилась официантка, ставя на стол две крохотные кружечки, размер которых должен был подчеркнуть ядрённость напитка. — Хоть горшком назови, только в печь не ставь. У Торча были? — спросила она, приняв хавшись.

Соня вытащила из рукава горлышко бутылки и заговорщически показала Хозяюшке.

— Ты же знаешь, тут нельзя.

— Хозя, ну позязя. Мы накапаем только, — кивнула она на кружечки, в которые действительно могло ещё поместиться разве что несколько капель.

— Тяжёлый день?

Удивлённо раскрыв глаза, Рита наблюдала за тем, как Соня пересказывает Хозе разговор с матерью, которым не поделилась даже с ней. «Даже». Кто они вообще друг другу? Приятели? Хозяюшка просто слушала, время от времени кивая и не делая ничего больше, но Соня размягчалась, словно в объятиях. «Сострадание! Это же зелёный уровень развития!» — догадалась Рита.

— Могу налить вам с собой, — сказала Хозяюшка, терпеливо выслушав Соню до самого конца.

Засунув ещё одну бутылку, с кофе, в другой рукав, Соня расплатилась и потащила Риту дальше. На этот раз они шли обнявшись и вели себя гораздо смелее — то ли потому, что кофе придавал им бодрой уверенности, то ли потому, что на улицах почти никого не было.

— Домой? — поинтересовалась Рита, когда они подошли к проходной в Заканалье.

— Никаких «домой», пойдём, ты такого ещё не видела.

Они перешли мост и направились к предприятию по сортировке мусора, которое стояло почти вплотную к стене города. Там они перелезли через забор, не встретив никакого сопротивления: охранять мусор ночью никто не собирался. За корпусами зданий, в самом конце огороженной площади, обнаружилась узенькая железная лестница, прикреплённая к стене заклёпками. Она уходила далеко вверх, превращаясь в тоненькую полосочку.

— Стена, — анонсировала Соня. — Давай я первая полезу. — И тут же, привычным жестом переложив бутылки из рукавов за пояс, взлетела наверх.

Рита постояла, подумала, не нашла в себе и тени страха, хотя действие алкоголя уже почти развеялось, и поползла следом, стараясь не смотреть вниз. Лестница действительно вела на самый верх, и там оказалось, что стена вокруг города была футов девять в ширину и оборудована с двух сторон бортиками. По этому пространству можно было свободно перемещаться и при желании обойти весь Н-ск по кругу. Рита подошла к краю и заглянула вниз. Там звёздной россыпью блестели огни посёлка шумцев, но сами домики были не видны.

— Интересно, снаружи есть жизнь? — задумчиво спросила Соня, нарушив тишину.

— Деревни? — удивилась вопросу Рита.

— «Деревни», — передразнила Соня, делая глупое лицо и закатывая глаза. — И что? Что ты про них знаешь?

— Ну... это такие маленькие паршивые городки.

«Наблюдатель», главный и чуть ли не единственный источник знаний об окружающем мире для многих, Рита не читала, но общественные стереотипы ей были известны: деревенские — люди добрые, потому что недалёкие, к тому же идеологически и технологически отсталые. Раз в месяц на площади устраивалась ярмарка с их участием, ничего городского они почти не покупали, предпочитая уносить заработанное с собой, а сами продавали продукты, одежду и утварь.

Продукты были дешевле и вкуснее тех полуготовых пайков для разогревания, которые можно было купить в городе, поэтому многие, кто умел и был не против готовить сам, заготавливались на месяц вперёд, забывая доверху фризеры. Одежда — грубоватая, но разнообразная. Та, что продавалась в магазинах, была сделана из волшебной мягкой ткани, но выглядела совершенно одинаково, на выбор предлагалось всего несколько цветов, размеров и фасонов. Покупать деревенскую одежду совершенно не запрещалось, но успехом она не пользовалась — люди сами предпочитали одеваться в похуже.

Продаваемая на ярмарке утварь закрывала неожиданные дыры, иногда образующиеся в городе: например, в Главмаге на несколько недель пропадали все ножи, а на ярмарке они были всегда. Но как часто человеку нужны новые ножи? В целом же вещи в Главмаге были куда более *гладкие* и одинаково-упорядоченные, поэтому в идею о том, что деревни — это маленькие убогие городки, верилось легко.

Впрочем, иногда среди разнообразия деревенских товаров попадалось что-то по-настоящему удивительное, штучная работа неведомого мастера, но за такую большую цену, что настроение Риты портилось. Она опять вспомнила, что ярмарка начнётся через пару дней, а деньги есть только на продукты.

— А вот Ян говорит... — начала Соня и вздохнула. — Говорил.

Она вытащила обе бутылки, отпила сначала самогона, потом кофе и передала их Рите. По телу Сони начало разливаться привычное тепло, огоньки внизу оживились и засияли ярче.

— Сука, говорит, он выше этого. Не привязан к земному, поэтому не может быть с одной женщиной.

— Что случилось? — заботливо спросила Рита. Зелёный это уровень или нет, но на сострадание она тоже была способна.

— Прихожу — а он с Юлькой в постели кувыркается. И вообще оказалось, что он половину группы пользуется. Мол, они сами предлагают, а он просто не видит смысла отказываться. Преходящее это всё, говорит, не в этом счастье, и смысл не в этом.

— В самоактуализации? — недоверчиво спросила Рита, уж об этом-то разговора она сейчас ожидала меньше всего.

— Узко мыслишь, городоцентрист, — словно за кем-то повторила Соня, но потом вдруг смутилась: — Ой, да ерунда это всё.

Рита вернула ей бутылки, что было воспринято как приглашение. Соня сделала ещё несколько больших глотков, постояла и продолжила:

— Говорит, что городские далеко ушли от натурального мира и что есть где-то там, за городом, благородные дикари, не тронутые цивилизацией, живущие в согласии с природой.

— Деревенские, что ли? Ну и что с того?

— И то! Самоактуализация — это попытка городских жить в согласии со *своей* природой. И выходит-то фигня, потому что откуда им про природу что-то знать вообще? Оторвались, утратили. Единорогов вот выдумали.

— А он-то знает?

— Говорит, что все знают, но далеко не все помнят, просто забывают, попав в город. Если же долго заниматься каласкилакией, то память постепенно возвращается. Там есть

жизнь, за пределами! — разволновалась Соня. — Мы думали, что это не так, а она есть, есть!

— Подожди. Попав в город?

— Да. Как далеко ты помнишь своё прошлое? Как, думаешь, ты тут появилась?

«Городской орфанариум номер один», — собралась было сообщить очевидный факт Рита, но с ужасом обнаружила, что ответа она просто не знает; помнит же себя и свою жизнь она с появления Мушера и разговора о джинне, а всё, что раньше, в тумане, как будто случилось не с ней. От пробежавшего по телу холодка Рита вздрогнула, поближе поддвинулась к Соне и потянулась к бутылке.

— Можно же выйти из города и посмотреть, — предложила она.

— Ты давно интересовалась размером своего гражданского долга? — с грустью спросила Соня.

— Нет, а зачем?

— Понятно, идея выйти из Новобургоградска тебе в голову ещё не приходила, — криво улыбнулась Соня. — Чтобы получить пропуск наружу, нужно оплатить гражданский долг. Субсидии берёшь, например? На них начисляется десять процентов ежемесячно, помимо самой суммы.

Рита почувствовала холодок, зарождающийся уже в животе, но быстро сообразила, что всё легко исправляется ещё парой глотков. Идея остаться в городе навечно её пока не пугала, она обдумает это как-нибудь потом.

— Другой вариант — изгнание, только долг всё равно вежливо попросят вернуть.

— Для этого надо получить три страйка, — кивнула Рита, это было всем известно. К счастью, ни одного у неё не было и даже не грозило. — Но подожди, изгнание — это же плохо?

— Это очень страшно. Полная невозможность вернуться назад. Вдруг там, снаружи, всё-таки жизни нет?

Соня подошла к самому краю и опасно перекинулась через борт, всматриваясь вниз. Едва заметно вздрогнув, Ри-

та подкралась сзади и крепко-накрепко прижалась к ней всем телом, заключая в объятия и щекоча губами затылок.

На другом конце города Ян облегчённо вздохнул, когда залежавшуюся в его постели Юлю удалось выпроводить.

— Извини, у меня вечерние практики. Для них нужно уединение, — придумал он вескую причину.

И не соврал: по-старчески кряхтя, сделав для разогрева несколько подходов «приветствия луны», он бросил быстрый взгляд на дверь, словно проверяя, закрыл ли её, переоделся в белый баньян, встал на середину комнаты, обернулся вокруг себя и уверенным, чётким голосом сообщил:

— Хутомор!

Ничего не произошло. Обернувшись в другую сторону, он сказал с надеждой:

— Хотобор?

И снова ничего. И уже с испугом:

— Бутафор! Мухомор! Фитосбор!

БЕНЯ

Почерк на бумажках Агафьи Петровны становился всё хуже и хуже, пока в один из дней она не пришла вовсе без них, села в своё кресло, сказала: «Пиши», — и попыталась диктовать что-то по памяти.

— Перечитай, — попросила она спустя десять минут мучений. Поморщившись, прослушала. — Ну, что думаешь? — спросила она у Дона с заметным недовольством в голосе.

— Думаю, в город бы мне пропуск, засиделся я в вашем особняке.

— Ты совсем, что ли, не понимаешь? — спросила она и тут же сама с облегчением ответила: — Ты же совсем не понимаешь! Выпишу сейчас бумагу, но завтра с самого утра чтобы здесь!

На следующий день Агафья дождалась, пока лакей, доставивший Дона, уйдёт, и протянула левую руку.

— Помоги подняться и пойдём. Артроз у меня, — зачем-то начала рассказывать она, пока они шли по длинному пустому коридору в дальнюю часть особняка. — Писать не могу. Где ты, говоришь, грамоте научился?

— У людей.

— Хм.

Они дошли до запертой двери, ключ от которой Агафья тут же выудила из левого кармана и с некоторой неловкостью вставила в замочную скважину.

— Это мой племянник, — сказала она, входя в комнату и указывая на молодого человека с внешностью греческого

бога, чьё лицо украшало каждую аннотацию на задней стороне обложек книг про единорожек. — Знаешь, кто это?

— Конечно, знаю.

— И кто же?

— Это ваш племянник.

— Вот дурень! — восхитилась Агафья.

Бенедикт Твороговски смотрел в окно, находясь в безмятежной задумчивости, и посетителей полностью игнорировал.

— Я очень люблю племянника и хочу запечатлеть его милые игры — на память обо всём том времени, что мы провели вместе. Он ведь единственный мой родственник. — Голос Агафьи дрогнул. — Но увы — артроз. Рука болит, — пояснила она на всякий случай. — Так что бери бумагу, иди вот сюда, на диван, и записывай всё, что он делает. Да стой, балбес, не сейчас! — одёрнула она Дона, увидев, что тот уже пишет: «Сидит на стуле».

Она вышла и через минуту вернулась, неся с собой увесистую деревянную коробочку.

— Беня хочет играть? — спросила Агафья, трясая содержимым.

— Играть! — оживился юноша, выпадая из оцепенения. — Епожки!

Размашистым жестом она высыпала на пол фигурки. Дон уже видел такие в магазине и у гнома, но одна из них заметно выделялась качеством и даже обладала клеймом мастера — «КЧ»: кто-то совершенно справедливо не постеснялся подписать свою работу. Беня хрюкнул, юркнул со стула на пол, бросился к единорожкам, наугад отобрал двух и принялся колотить их друг о друга.

— Тебе надо будет запомнить имена, — предупредила Дона тётушка. — Но ещё успеешь. Пока что пиши: «Ворчун бодает Непоседу».

Через полчаса наблюдений и диктовки Агафьи на бумаге сложился конфликт с завязкой, кульминацией и развязкой,

которая наступила, когда Бене наскучило его занятие, он зашвырнул Непоседу под кровать и не смог достать обратно.

— Они растауются. Записал?

Вышла полноценная структура одной главы приключений единорожек, все лакуны были заполнены, а недосказанности разъяснены. Человек способен увидеть лицо в двух кругах и одной палочке, ровно так же он способен увидеть историю в любых манипуляциях. Агафья и была этим человеком. Оставалось только художественно причесать и оформить словесными финтифлюшками текст.

Потеряв интерес к фигуркам, Бенедикт обнял свои колени и стал монотонно раскачиваться из стороны в сторону.

— Бенья хочет кушать? — спросила тётушка.

— Ку-у-ушать.

— Подбери пока, — указала она Дону на игрушки, а сама вышла и вернулась с подносом, полным еды. — Иди, — махнула она левой рукой на дверь. — Хотя нет, стой. Будешь помогать кормить. Поставь коробку, бери ложку.

Через двадцать минут они вышли из комнаты, оба измазанные в еде, и с облегчением вздохнули.

— Единорожки-то разные, — заметил очевидное Дон, потряхивая коробку. — Вот этот, например, особенный.

— С него вообще всё и началось. Купила себе на ярмарке пресс-папье в форме странного зверя и принесла домой. Даже и не думала, что Бене так понравится. Он вдруг начал играть, в первый раз, а не просто сидеть столбом. — В голосе её промелькнуло что-то похожее на теплоту. — Я начала наблюдать и скумекала, что из этого выходит чудесная история. Стала записывать со скуки. Потом он и другими предметами стал играть, а я их сейчас поменяла на фигурки, которые уже по моим сказкам сделали. Кто же вообще мог предположить, что всё так выйдет?

Агафья замолчала и недоверчиво покосилась на Дона: не сболтнула ли она лишнего?

— Пресс-папье у офени купили? — спросил писарь.

— Ну да, у коробейника, — с облегчением ответила она, отметив бессмысленность вопроса.

Очевидно, что сказки шумца не интересовали вообще. «Грамотный, а всё равно дурак дураком же», — подумала она и сказала:

— Ты завтра с утра приходи, будем чистовик писать.

«Какой маленький, словно выдуманный мир. Все концы сходятся», — с некоторым удивлением подумал в свою очередь Дон, направляясь опять к «Соме». Это клеймо — «КЧ» — Дон видел у Ковача в деревне, и кузнец упоминал, что один из его сыновей — офеня и промышляет мелочами по ярмаркам. Значит, это он занёс первую фигурку единорога в город.

Подойдя к кофейне, Дон снова увидел в окне Мушера; тот сидел за столом и активно жестикулировал, собеседника его не было видно за ширмой. В третий раз играть в догонялки с ним не хотелось, поэтому Дон решил подождать, выбрав позицию за углом.

— Интересно. Заманчиво. Очень будоражит. Но было, увь. Было. Всё было, — размахивал руками Мушер. — Жизнь за пределами жизни — притягательная идея, особенно если никто ничего не помнит. Остаётся верить на слово.

— Ну а вдруг, — с надеждой сказала Рита.

— Я и говорю: будоражит. Заставляет сомневаться в реальности! Отбоя от женщин у этого Яна, наверное, нет? Что губу надула — я угадал? И всего лишь из-за того, что ладно стелет? Не расстраивайся, я тебе сейчас подобных идей сотню накидаю. Например, мир был сотворён секунду назад, вот так, — Мушер щёлкнул пальцами, — вместе со всем существующим, включая твою — и чего уж там, мою тоже — память о прошлом. Как тебе такое? Бежит холодок по загривку? То-то же. Приятно сомневаться в реальности, когда есть ещё одно бонусное существование. А ты попробуй, когда нет!

— Перестань, пожалуйста, — попросила Рита. Желание Сони попасть на ту сторону любыми способами, которое Ри-

та совсем недавно наблюдала на стене, ныло в её памяти свежей тревожащей занозой.

— Или вот, старая добрая классика: ты спишь — и всего этого не существует! У-у-у-у! Более продвинутый вариант: ты вообще снишься кому-нибудь другому, а он когда-нибудь возьмёт да и проснётся. Мотив пробуждения вообще до такой степени затасканный, что мне даже стыдно его сейчас упоминать. И ты повелась?

— А вдруг действительно сплю?

— Ну это легко проверить. — Мушер потянулся через стол навстречу Рите, схватил её за плечи и стал грубо трясти: — Проснись! Проснись! Проснись же!

Дождавшись, пока бубнящий что-то себе под нос и всё ещё трясущийся Мушер выйдет из «Сомы», Дон появился из-за угла и вошёл в кофейню. Оглядевшись по сторонам, заметил, что посетителей немного, и подсел к Рите, вытирающей слёзы.

— Вы его не слушайте.

Она подняла глаза и с трудом узнала в мужчине того самого мусорщика, за которым гонялся Мушер, только отмытого и хорошо одетого.

— Нет? Он не прав? — с вялой надеждой сказала Рита.

— Почему не прав? Прав. Всё действительно уже было, и не раз.

— Как же тогда?

— Мать поёт ребёнку одну и ту же колыбельную каждый день, и он не возмущается, а даже рад. Повторение успокаивает его, а не расстраивает.

— Но я же не ребёнок, — возразила Рита.

— Вы человек, а людям нужно успокоение. К тому же, кроме фактической правды, есть ещё и эмоциональная, а она гораздо важнее. «Всё было» — это голый факт, не имеющий отношения к тому, что вашему другу просто душевно плохо, как бы он ни пытался увязать это вместе. Всё было, но это не повод грустить.

— Но Мушера же его повторение совсем не расслабляет, скорее наоборот? — удивилась Рита.

— Почему нет? Ещё как расслабляет. Трусость вообще очень уютная и спокойная позиция, а «всё было» — прекрасное для неё прикрытие.

— А вы откуда знаете?

— Я по губам читаю. На улице стоял, — махнул Дон рукой за окно, объясняя, как ему стало известно содержимое разговора. — К тому же я немного знаком с этим человеком, но больше, чем ему кажется, ведь действительно когда-то продал ему книги. Но, видимо, не в коня корм.

Подошла официантка и выжидающе встала рядом со столиком, встретив Дона дежурным кивком.

— Ну привет, — сказал Дон, проследил взглядом за её пальцем, беззвучно стучащим по бейджи, и добавил: — ... Хозяюшка?

— Что будете? Мы закрываемся через час, — сказала она с усталой, вымученной улыбкой, в которой отчётливо читалось: «Надо продержаться ещё немного». Рита никогда не видела её такой, не видела и теперь, погружённая в свои переживания.

— Я совершенно не спешу, — подбадривающе кивнул Дон. — Тут у девушки большое, но поправимое расстройство, можно нам чего-нибудь успокоительного?

— Есть только кофе, — сообщила Хозяюшка.

— Кофе? Правда? Это прекрасно, — просиял Дон. — Здесь есть ванна и кофе, этот город не безнадёжен.

Следующие полчаса он говорил с Ритой, после чего проводил её, заметно повеселевшую, до двери кафе и помахал рукой на прощание. Посетители расходились, Дон медленно цедил кофе маленькими глотками и действительно никуда не торопился. Когда последний человек расплатился и исчез, Хозяюшка подошла к окну, окинула улицу внимательным взглядом и нажала на кнопку, задвигающую шторы.

— Какого чёрта так долго? — воскликнула она, забирая

из рук Дона пустую уже кружку, чтобы можно было наконец-то крепко его обнять. — И вообще, где ты шлялся?

— Непредвиденные обстоятельства, — пропыхтел он, смущённый, вяло и безрезультативно сопротивляясь нежности. — А у тебя как дела?

— Разговор на целую ночь, — вздохнула Рина. — Даже не знаю, с чего начать.

Начала почему-то не с себя, а с Риты, продолжила о Соне и рассказала обо всём клубе и ещё о десятках безымянных героев города, каждый из которых решался просто перекинуться с ней парой слов, а потом выкладывал слишком много, чтобы это можно было просто забыть. Несколько часов Дон внимательно и терпеливо слушал чужие истории, не перебивая, как будто Рине сначала надо было разгрузить себя от дел других людей, а только потом говорить о себе.

— Это всё фуфло! — с горечью подвела итог Рина. — Все как будто с ума посходили, носятся со своей самореализацией, но никто, вообще никто не знает, что это такое. Бедные люди. Дескать, развивать надо свои главные качества. У меня это доброта и желание заботиться о других людях. И вот, как видишь, я тут. — Рина махнула рукой в сторону барной стойки.

— А что, не так?

— Конечно же, всё так! Первое время я даже радовалась, пока не сообразила, что это та же старая жизнь, но под другим соусом. Я больше не хочу в этом совершенствоваться, спасибо. Вдоволь наразвивалась уже, — с отвращением сказала Рина. — Раньше у меня только отец был, с которым надо нянчиться, а тут целая орава посетителей. Конечно, у меня это очень хорошо получается, всю жизнь только этим и занималась! Но это не я! Не я!

— Поэтому и «Хозяюшка»?

— Это единственный способ не сойти с ума. Пусть они меня знают под этим именем... нет, даже не меня, её. Себя я им не отдам!

— Сама придумала? — восхитился Дон. — Номинативная магия.

— Нет. Владелец решил, что хочет называть официанток «хозяюшками», чтобы и поуютней, и как будто он не при делах. «Хозяюшка Рина» должно быть написано. — Она указала на бирку. — Я ему и говорю: «А давайте просто без имени, я же всё равно тут одна». Он даже обрадовался. Тварь такая!

— О, даже так! — продолжал восхищаться Дон, теперь даже улыбаясь во весь рот.

— А ты чего лыбишься?

— Радуюсь. Ты, оказывается, в гневе страшна. Приятно посмотреть.

Рина недоверчиво зыркнула на Дона, но вспомнила, что он её ни разу пока не обманывал, в отличие от них. Дон поймал взгляд и какое-то время рассматривал девушку в ответ. С момента их расставания её движения стали более размашистыми, осанка заметно выпрямилась, а проявления гнева Рина перестала скрывать. Вся прежняя скромность и покладистость досталась, видимо, Хозяюшке.

— Но откуда такая разительная перемена? — поинтересовался Дон.

— Надоело быть пустым местом, — просто ответила Рина. — Надоело, когда с тобой обращаются как с пустым местом. Подай, принеси. Ненавижу их всех. И самая большая тварь — Твороговски, конечно. Выдумал всё так!

— Какой из двух? — спросил Дон.

— Ну не старший же. Я и в библиотеке была! Хотела взять Казимира, а там всего один экземпляр, который всё время занят. Мне потом Торч рассказал, что Казимир Твороговски, оказывается, при жизни был никому не известный кухонный философ, писал всякие банальные истины, книги издавал на свои деньги, да и помер с голоду, никому не нужный. После революции только его раскопали.

— Башня, — кивнул Дон.

— Что? Да, башню тогда почти разрушили и решили жить по-новому. Но тут и Бенедикт появился, сыночек его, который всех ловко и обдурил.

Дон несколько раз вздохнул и рассказал о своих приключениях в доме Агафьи. Рина надолго замолчала, обдумывая новую информацию, но всё это ничего не прояснило, а только добавило растерянности.

— А кто тогда виноват? Тётя его? Она всех запутала?

— Нет, — печально улыбнулся Дон, вспоминая женщину. — Агафья Петровна — обычная домохозяйка. Да, хамоватая и хитроватая, даже хваткая, но никак не гений. Я думаю, в этом секрет популярности её книг. Пишет как для себя. Кстати, ты не пробовала читать «Единорожек» без вступлений?

— Зачем? Я и так знаю, что там про самоактуализацию, и про то, что надо быть собой, и про развитие. Предисловия только помогают понять всё быстрее.

— Так, подожди. Сама же говоришь: «кухонный философ», «банальные истины». Тебе это известно, потому что это всем известно, даже Агафье. Цайтгайст. Витает в воздухе. А теперь попробуй представить, что за всеми этими мудростями не стоит никаких имён. Никаких великих Творцовски.

— Ерунда выходит, — поразмыслив, сказала Рина. — Затасканная банальность, похожая на ту, какую батюшка говорит всегда.

— Ну вот, видишь.

— Значит, Мушер!

— Так, а этот тут при чём?

— Это же он пишет вступления к «Единорожкам»!

Настала пора удивляться Дону.

— У-у-у-у-у, — протянул он. — Ты рассказала только, что он со сказкой мучается и Риту мучает, а самое интересное пропустила. Мушер придаёт происходящему вес своими умными словами, на которые Агафья не способна. Его вина

только в том, что он совершенно не понимает, что творит. Действительно, не в коня корм.

— Подожди, что тогда выходит? Нет никакой «самоактуализации»? Но кто-то же её выдумал?!

— Ну, любовь же, например, не Шекспир выдумал, — сказал Дон и, увидев, что Рина не поняла, пояснил: — Был такой автор, он описал историю любви, которая до сих пор выступает образцом высокого чувства, вместо того чтобы быть примером подростковой глупости.

— Любовь всегда была, и никто её не изобрёл, сколько о ней ни пиши, — кивнула Рина. — Но кто тогда дурит людей?

— Они сами прекрасно с этим справляются, — вздохнул Дон. — Считай, что это такой всеобщий, коллективный бред, даже если и у него есть свои глашатаи.

— Но кто-то же виноват, что жизнь такая убогая. Кто-то же должен?

— Все виноваты. Это же сказка, — вдруг сказал Дон. — Мы находимся в сказке.

— В каком смысле? — фыркнула девушка.

— В том, что «весь мир театр, а люди в нём — актёры», раз уж мы упомянули Шекспира. Помнишь Ккхи? Выступление с эльфами, когда его выдавали за дикого? Ты тогда получила много удовольствия, а я потом сказал, что эльфы ловко водят всех за нос. Ты решила, что это обман, а они всего лишь продавали толпе занимательную историю по три су с рыла.

— Ну хорошо, и что это за сказка?

— Какая именно? — спросил Дон и, глядя на скривившееся лицо Риной, добавил: — Да, конечно, правильной было бы сразу сказать: «Мы находимся в сказках». Их много, вы погружены в них и часто не видите, как рыба не видит воды. Город, например, сказка о том, как прекрасно быть собой. Может, и тут есть эльфы-сказочники, стригущие уже по тридцать три су с каждого, но главное, что всем сказка нравится.

— «Вы погружены»?

— Вы, вы, — кивнул Дон. — Мушери кажется, что он, как литератор, видит все сказки, но сам он намертво заперт в нарративе про то, что всё уже было и писать не о чем. Ты, например, играла роль Хозяюшки. Шекспир бы порадовался, — улыбнулся Дон. — Хорошо, что играла, да не заигралась. Думаю, что это лучший исход — выбрать себе сказку по душе. Можно, конечно, фьют хвостом — и воспарить над сказками, но выше головы всё равно не прыгнуть. В крайнем случае ты превратишься в рыбу, выбросившуюся на берег.

Дон сделал паузу, словно обдумывая, всё ли он сказал.

— И что дальше? — поторопила его Рина.

— Зависит от того, умеешь ли ты говорить человеческим голосом.

— Каким таким голосом опять?

— На случай, если кто-то будет проходить мимо. Посмотрит — рыба лежит, и молвит она ему человеческим голосом: мол, спаси меня, человеке, а я тебе ещё пригожусь. Потом, конечно, бросит он рыбу обратно в море, а долг платежом красен, — вздохнул Дон и снова вспомнил Морану. — Жизнь рыбы никогда не станет прежней. Побывав за пределами реальности, начнёт она нести яйца, но не простые, а золотые.

— Ты не можешь сказать нормально, да?

— Рассказать о сказке можно только сказочным языком, — пожал плечами Дон.

«Похоже, Дон снова начал душить мне голову», — подумала Рина. Смысл аналогий про рыбу ускользал от неё, как вёрткий карась из рук.

Она собралась было спросить, в какой сказке находится теперь (на что, вероятно, получила бы ответ: «Василиса Премудрая и Синяя Борода», — и последовал бы долгий поиск местных аналогов), но решила вернуться к практическому вопросу: кто же всё-таки виноват? «Раз мы в сказке, то

всё дозволено», — сообразила она и тут же вспомнила про репликатор.

— Подожди! Землевладельцы же! Всё из-за них! — радостно воскликнула Рина и пересказала теории Торча.

— РОГ, говоришь? — несколько заинтересовался Дон.

— Да, я сначала не придавала значения, кто ж алкоголикам верит, но сейчас вот думаю: у ящера как эта штука называется, откуда он всё доставал?

— Портоомния. Это другое, что-то вроде огромного невидимого кармана. Но ты права, конечно. После тех чудес, которые ты уже видела, РОГ выглядит вполне вероятным.

— Так он существует?

— Да, я практически уверен. Мне даже кажется, что во всех бедах людей виноват его владелец, если в данном случае вообще можно говорить о вине, а не об ответственности. — Дон, поняв, что девушку не интересуют абстрактные жизненные нарративы, решил поскорее найти крайнего и направить разговор ближе к конкретным делам Рины.

— Значит, всё-таки кто-то виноват?

Из глубин памяти Дона всплыла прочитанная где-то информация об эксперименте, проведённом над дикими обезьянами. Люди каждый день оставляли на поляне ящик бананов и быстро выяснили, какие всё-таки гориллы злые и асоциальные звери, готовые убивать друг друга за еду. Нашлись и противники этих выводов, которые утверждали, что по щелчку пальцев люди незаметно для себя сломали всю экосистему: до этого обезьяны добывали еду сами и сами же съедали, а до эксплуатации обезьяны обезьяной так и не додумались. Джунгли большие, и территории хватало на всех. Теперь же достаточно было «всего лишь» захватить ящик, и можно было никогда не работать. Обезьянье общество оказалось просто не готово, в их мире таких чудесных и чудовищных ящиков никогда не было. Экспериментаторы не учли этого обстоятельства, и посмотрите, чем всё кончилось!

Но как рассказать об этом Рине? «В вашем мире есть обезьяны? А эксперименты? Ну бананы-то есть?» Но — теперь есть РОГ.

Дон справедливо (по крайней мере, ему так казалось) считал, что в неравных отношениях, например между родителями и детьми, ответственность несёт более сильный, пропорционально своему реальному могуществу. Если же слабая сторона только считает себя таковой, то никаких поблажек ей не положено. Незнание своих возможностей не освобождает от ответственности. С обезьянами и недоразвитыми цивилизациями всё было просто: их можно не считать за людей и не распространять на них моральные законы.

— Ну, впрочем, ладно, — после длинной паузы произнёс Дон, решив ничего не объяснять, и сменил тему совсем уж грубо: — Как тебе спится-то? Нейромодулятор пригодился?

— Нет, я всё-таки просто никак не согласна на потерю памяти. Ты, как я поняла, решил тогда всё за меня? Ничего не сказал, но использовал эту штуку! А если бы со мной что-то случилось? — гневно спросила Рина.

— Польза от использования перевешивала риски, — спокойно ответил Дон, но тон девушки отметил. — Тебе надо было выспаться, а других способов у меня не было.

Нейромодулятор относился к нелетальному оружию юнита поддержки. Разумеется, забрать штурмовую винтовку в качестве наградного оружия Дону никто бы не позволил, да и не положена была она ему, как сигниферу.

Настоящие вояки над саппортами посмеивались, как над *особенными*, но уважали за их странные небоевые качества вроде человечности. Кто первый придумал играть с нейромодулятором, неизвестно, но наверняка кто-то из этих, настоящих простых ребят. Суть забавы была простой: бластер передавался по кругу, каждый делал выстрел в голову и увеличивал мощность на одно деление, и тот, кто оставался стоять на ногах последним, выигрывал.

Тогда же выяснились и побочные эффекты, в том числе возможность использовать нейромодулятор вместо снотворного, и редкие провалы в памяти, которые, к счастью, были обратимы со временем. «Сказал ли я, что потеря памяти не постоянная? Видимо, нет, — подумал Дон. — А если сейчас скажу, то она опять будет недовольна ещё и поэтому».

— Да, прости, — сказал он. — Нужно было поставить тебя в известность. Как же ты без бластера прожила?

— Кофе, — просто ответила она. — Оказалось, что оно помогает.

Кофе вымер ещё во время первого глобального потепления, но человечество с этим справилось, что оказалось гораздо проще, чем спасти две трети населения. Выжившие создали искусственный напиток, который обладал свойствами всесторонней гармонизации психики и действовал как мягкий нормотимик. Кофе, очевидно, тут тоже сыпался из РОГа, как и остальные блага цивилизации.

— Спасибо в любом случае, — несколько смягчилась Рина, вытаскивая из-под прилавка бластер вместе с кобурой и кидая Дону. — Он полный.

Кислотный индикатор радостно показывал «99». Дон удивлённо поднял бровь и посмотрел на Рину.

— Я зарядила, — пояснила та. — Кофемашина тоже от электричества работает, невелика сложность. Кстати, я же в её устройстве разобралась, это так интересно, оказывается!

«Вот это новости! Девушка из деревни — как же быстро она освоилась. Может, и про обезьян поняла бы», — подумал Дон, но развивать мысль не стал, голова к концу дня, после сказок Агафьи и историй Рины о посетителях кафе, соображала плохо. «Расскажу завтра», — решил он.

Рина, хоть и была девушкой простой, психику имела лабильную, то есть была гибкой, подвижной и умела хорошо приспособливаться. Её некоторая косность приистекала

в основном от недостатка впечатлений и исключительного однообразия жизни в деревне. Она адаптировалась, вписалась в скудные рамки деревенского быта, но в них не застряла. Стоило только деревню покинуть, как девушка начала стремительно расправляться, раскрываясь наружу, то ли как распускающийся цветок, то ли как попкорн при нагревании.

Может быть, поэтому её ничто не удивляло: откуда Рина знала, какая она, жизнь снаружи? Чужак с бластером стреляет в голову, разбойники, тролли, эльфы, ящеры, город этот. Никто вокруг не удивляется — значит, всё в порядке вещей.

Бластер, конечно, долго занимал её, но не как таинственное или загадочное устройство — что тут непонятного? Нажимаешь сюда — люди падают, она сама видела при встрече с разбойниками; нажимаешь послабее — засыпаешь. Что может быть проще? Думала же Рина о силе, которую эта штука олицетворяла: не каждый ведь может нажатием на кнопку — в буквальном смысле стоит только пальцем пошевелить — отправить человека в бессознательное состояние! То, что он заряжается от электричества, совсем её не удивило и показалось естественным, хотя всего несколько дней назад она про электричество ничего не знала.

А то, что Дон на неё эту штуку направлял? Сначала, конечно, Рина решила, что это страшный обман и предательство. Через несколько дней задумчивого рассматривания бластера перед сном поняла, что будь у неё такая чудесная вещь, а кому-то хотелось бы заснуть любой ценой, то, конечно, надо применять, не задавая никаких вопросов. Она поступила бы так же, и, чтобы в этом убедиться, Рина использовала несколько раз бластер на Рите, когда та приходила в кафе в полуживом состоянии.

После того как она сделала это, Рине стало очевидно, что Дон использовал бластер потому, что мог. И сейчас Рина выразила ему своё недовольство тоже потому, что могла, а не потому, что до сих пор его испытывала.

— Ну, что будем делать? — продолжил разговор Дон. — Ты тут всё получила, что хотела? Уходим и идём дальше?

— Я давно хочу обратно к отцу, но у меня гражданский долг.

— Перед кем? — не понял Дон.

— Из города не выпускают, пока ты не заплатишь всё, что он на тебя потратил, в многократном размере. Почему, думаешь, я в кофейне живу? Пытаюсь сэкономить и как-то накопить.

— И много ещё?

— Двести су.

— У-у-у, какой ты ценный гражданин, оказывается. Ничего, завтра мы что-нибудь придумаем. Утро вечера мудренее, и так далее. В крайнем случае я дам вам парабеллум. Мы будем отходить в горы, — пошутил Дон, изображая кобурой стрельбу.

— А город что, так и оставим?

— Ещё лет тысячу точно простоит, можешь за него не волноваться.

— Но он же всех использует, владелец РОГа! И врёт! Врёт!

— Ему наверняка кажется, что он благодетель. Поит, кормит. Строит счастливое общество, — зевнул Дон то ли оттого, что город стал ему совершенно понятен и поэтому наскучил, то ли оттого, что просто было поздно и хотелось спать. «Чёрт, а прав ведь был гном с его легендой об омфалосе, — вдруг промелькнуло у него в голове. — Надо бы при встрече обрадовать».

— Как же мы так всё оставим?! — возмутилась Рина.

— «Иди домой и предоставь мёртвым погребать своих мертвецов», — сказал один великий рыболов-гуманист. В мои обязанности не входит исправлять мировую несправедливость, да и невозможно это. Но ты! Ты меня удивляешь.словно совсем друго-о-о-ой, — зевнул он, — человек. Столько энергии и злости. Мне, пожалуй, так даже больше нравится. А здесь есть где лечь?

ТРУДНО БЫТЬ БОГИНЕЙ

По утрам Рина маялась. Привыкшая вставать рано, она всегда видела в этом особую добродетель. «Кончай дрыхнуть, весь день проспий!» — будил её отец, сам поднимаясь с петухами и принимаясь за работу. С годами заказов стало меньше, и отец запил. Опьянев, признавался в любви многократно, по кругу, словно говорящая птица, и за что-то просил прощения, долго, липко. Спал тяжело, глубоко. Стонал, ворочался, но просыпался всё равно к петухам, злой и опухший. В такие дни «кончай дрыхнуть» звучало угрюмо и грозно — так, что Рина наловчилась вставать чуть раньше и подавать рассол.

Дон же именно дрых, каждый раз сладко обнимая сумку, которую вечером клал под бок совсем не для этого, и каждое утро Рина не знала, куда себя деть. Сейчас она стояла и смотрела сверху вниз на спящего Дона, лежащего на двух сдвинутых вместе диванах в углу кофейни. Сумка валялась рядом, почему-то наполовину открытая, и из неё призывно выглядывал носик матовой соусницы. Джинн.

Заняться было совершенно нечем, и у девушки стали появляться крамольные идеи о том, что ничего не мешает прямо сейчас закончить вообще всё, включая творящуюся мировую несправедливость, если, конечно, повезёт и джинн сработает. «Ну, в крайнем случае я просто посмотрю», — утешила себя Рина, вытаскивая лампу. Вот и отполированная полоска — видно, что много раз использовали. Ничего же страшного не произойдёт? Произошло вот что:

из носика повалил дым и появилось несколько разноцветных лучей, которые ощупали пространство и принялись вырисовывать в нём замысловатые фигуры. Поплясав, они сложились в изображение лица наподобие человеческого.

— Доброго времени суток! — сказала голова приятным женским голосом.

— Здравствуйте.

— Вас приветствует Доставка Желаний И Несбыточных Надежд. Представьтесь, пожалуйста.

— Рина.

— Пользователь не найден, создать новый профиль? Создать? Отмена?

— Что создать?

— Новый пользователь создан. Доброго времени суток, Рина. Количество ваших желаний равно трём.

— Подождите, пожалуйста!

— Если хотите здоровья, произнесите «желаю».

Рина не успела придумать, чего же она в точности желает, и пыталась сделать это сейчас. Чтобы всё прекратилось? Чтобы сон налачился? Чтобы город перестал быть таким? Можно ли назвать это всё здоровьем?

— Если хотите счастья, произнесите «желаю».

Будет ли она счастлива, когда всё это закончится? Она определённо не будет несчастна, но отсутствие горя и счастье — вещи совершенно разные, и Рина это знала.

— Если хотите удачи в личной жизни, произнесите «желаю».

Снова совсем не то, замуж она ещё не хочет.

— Если хотите посмотреть другие варианты, произнесите «желаю».

Рина уже было открыла рот, но решила дослушать до конца.

— Если хотите здоровья, произнесите «желаю»... Если хотите счастья, произнесите «желаю»... — говорила джинния по кругу, делая равные паузы.

«Это болванчик», — сообразила девушка. Как зазывала на рынке, целыми днями повторяющий одну и ту же речовку, не вникая в смысл уже много недель. Что ж, остаются только «другие варианты».

— Желаю!

— Вы выбрали другие варианты действий. Количество ваших желаний равно двум. Если хотите отменить последнее желание, скажите «желаю»... Если хотите вернуться к списку желаний, скажите «желаю»... Если хотите отменить последнее желание, скажите «желаю»... Если хотите вернуться...

— Вот же пакость! — выругалась Рина.

Когда Дон проснулся, кофейня была всё ещё закрыта. Рины нигде не было, а на дверях висела типовая табличка: «Вышла на 5 минут». Прошло почти двадцать минут, а девушка не возвращалась. Дон настолько за это время отвык от тяжести кобуры на поясе, что не сразу обнаружил пропажу бластера.

— Так, интересно, — сказал он, оставляя недопитую кружку на столе и поспешно выходя на улицу.

Город выглядел чуть более дружелюбным, чем обычно. Дон пригляделся и понял, что исчезли незаметные и ненавязчивые патрули с жезлами, но сейчас это совсем не успокаивало. «Прогуляюсь-ка я к башне», — решил Дон; на пути его обогнали несколько охранников, бегущих туда же, и он ускорил шаг.

Вокруг башни стала уже собралась жиденькая толпа зевак, которая могла бы быть гораздо больше, ведь день был выходной и в офисах никого не было, но день к тому же был ярмарочный, и поэтому мало кто хотел его тратить, занимаясь такой ерундой.

Проходная пустовала, но толпа стояла в сторонке, не решаясь этим воспользоваться. Увидев, что Дон собирается пройти внутрь, а следовательно, имеет на это право, кто-то из людей крикнул:

— Эй, любезный, не подскажите, что происходит?

— Учения идут, — ответил Дон.

«Учения», — уяснила Танька Каштанова, которая тоже находилась в этой кучке, впитывая свежие новости города.

Прямо за забором начали попадаться первые парализованные. Дон наклонился к одному из тел, убедился, что оно дышит, и положил пострадавшего на бок, в более удобное положение.

Войти через служебный вход тоже не составило никакого труда, но уже внутри Дона остановил патруль, охраняющий груды скрюченных в разных позах тел. Куча росла, новые человеческие скульптуры сносились в неё со всей башни снующими группками взмыленных, но собранных охранников.

— Стой! — рявкнул один из них, выставляя вперёд жезл.

— Девушка, молоденькая. В руке — странная штука, которая всех корёжит. Так?

Конечно, так. Сам же вчера ей сказал, что виноват во всём владелец РОГа и «я дам вам парабеллум». Охранник медлил, не решаясь выдавать стратегическую информацию.

— Я могу её остановить, — добавил Дон. — Если узнаю, где она.

— Сначала перебила всех у РО... в подвальных этажах, а сейчас поднимается к Избранному в пентхаус, — указал охранник наверх.

— Как туда попасть?

— Служебным лифтом. Мы пытались. Только он обратно или тела привозит, или пустой.

— Параличных на бок кладите — если стоймя оставлять, ноги потом болеть будут, — посоветовал Дон и отправился к лифту.

Коридор верхнего этажа был полностью уставлен телами, словно кто-то играл в «Море волнуется».

— Рина, это я! — предусмотрительно крикнул Дон, подходя к двери.

Пентхаус оказался достаточно скромный. Верх башни был то ли разрушен, то ли не достроен, но крыша была застеклена на манер оранжереи. Как и во всей башне, здесь росли цветы и стояли уютные диванчики, но также валялись механизмы, схемы и предметы одежды, создавая ощущение полностью обжитого помещения. В центре стоял большой круглый стол, на котором, расчистив себе место, с ногами сидела Рина, направляя бластер куда-то в сторону кровати у стены.

— Вылезай, гад.

— Нет! — послышался надрывный голос из-под кровати.

— Как дела? — обыденным тоном поинтересовался Дон. — Как спалось?

— Никак. Всю ночь глаз не сомкнула, трясло. Почему ты вообще предложил оставить тут всё как есть? Как ты мог? — с разочарованием протянула Рина. — Он же врал. Врал и использовал, а говорил, что благодетель.

Дон наклонил голову и увидел, что бластер был переведён в положение «убивать».

— Радость моя, ты его ни с кем не путаешь?

— Ещё скажи, что и он ни в чём не виноват!

— Возможно, в чём-то. Но он не твой отец.

— Что?!

— Как вас называть, эй?! — крикнул Дон.

— Избранный, — донеслось из-под кровати.

— А менее помпезно?

— Аркадий.

— Ты уже успел ей сказать, что благодетель?

— Ничего не успел, — раздалось обиженно снизу. — Не слушает.

— А спрятался что?

— Орудие у неё неведомое.

— Так через кровать же пробивает. Девушка об этом не знает... ой, не знала, а теперь можешь и вылезать. Ви-

дишь, — обратился Дон к Рине, — он ничего такого не говорил. Ты опусти-ка пока бластер.

Кряхтя и собирая пузом пыль, на свет выполз пухленький мужчинка с тараканьими усиками, внешне, к счастью, совсем не похожий на отца девушки.

— Я сейчас всё объясню. Вы, наверное, удивляетесь, почему я выгляжу в точности как Бабель на старых портретах? Этому есть невероятная причина: я — его допельгангер.

— Ты и есть Бабель, — отрезал Дон.

— Нет! То есть да. Всё, вы меня раскусили! Но я одумался. Я понял. Людей нельзя стричь под одну гребёнку. Я исправился!

— Перестань, — устало сказал Дон, словно у собеседника получилось утомить его двумя фразами, и Аркадий тут же замолчал. — РОГ где взял?

— Этот магический артефакт был найден мной случайно во время путешествия в неведомые земли. В джунглях у берегов Укаяли...

— Так, понятно всё. Будешь паясничать — я пойду.

— Эй, эй! — заволновался Аркадий, видя, что Дон готов оставить его с Риной наедине. — Это негуманно!

— Откуда РОГ? — спросил Дон.

— Нашёл, мамой клянусь! — заныл Избранный.

— Сначала мне попались Ккхи, — вздохнул Дон. — В них из гуманоидов играют только задроты, остальные — торгуют. Судя по тому, как усиленно прятался ящер, негуманоидам на этой планете было бы крайне неудобно, да и торговать не с кем, значит, колоду завёз человек. Земли, говоришь, неведомые? Ты зачем Ккхи выбросил?

— Наигрался, — буркнул Аркадий. Дальше изображать несведущего дурачка не имело смысла: Дон откуда-то всё знал. — И про задрота сейчас вот прям обидно было.

— Понятно. Шумцы их подобрали на помойке и «донесли» до Влада.

«Никакой это не мужчина», — вдруг поняла Рина. В лучшем случае — юноша, но ведёт себя как подросток.

— Эй, тебе сколько лет? — спросила она, для большей убедительности снова направляя бластер в сторону Избранного.

— Тридцать два, — сразу же выпалил Аркадий.

— Это примерно двадцать один в пересчёте на ваши, с учётом разницы в инфантилизации, — пояснил Дон, показывая Рине жестом, мол, опусти оружие. — Почти твой ровесник. Набрал, значит, Аркадий у себя бытовых приборов и полетел чужой мир менять. Реакторы, понятно, в туристическом магазине купил. Сколько на город выходит?

— Четыре штуки.

— РОГ где достал? — ещё раз спросил Дон.

— На аукционе. Списанный и залоченный. «Только для строительных работ». Там ещё и ограничение на уровень технологий стояло.

— Взломал?

— Насколько смог, — вздохнул Аркадий, явно недовольный тем, что вышло.

— Аркадий у нас или прогрессор, или реконструктор, смотря с какой стороны взглянуть, — пояснил Дон Рине. — Как раз аудитория Ккхи. Прогрессоры стараются дотянуть отсталый народ до самых вершин эволюции. Реконструкторы — куда персонально им нравится, что обычно тоже повыше текущего уровня аборигенов. Занятие в целом маргинальное, но за всеми не уследишь. Что развить-то в итоге хотел?

— Технофасцию на искусственном интеллекте, — ответил Аркадий, краснея.

— Мощностей, наверное, не хватило? — с сочувствием спросил Дон.

— Тупо да. Ретранслятор унификации не потянул, и люди взбунтовались.

— Это он про башню, — пояснил Дон Рине. — Да и, кстати, башня Бабея? Очень остроумно.

Аркадий хрюкнул и застенчиво улыбнулся, как подросток, получивший похвалу от старшего.

— Ладно, а потом что решил строить, когда технофасция провалилась?

— Ничего, — буркнул Аркадий. — Чип искусственного интеллекта в башне революционеры раскурочили, а я его с корабля снял. Так бы улетел давно. Подал сигнал бедствия, жду эвакуации, отлёживаюсь месяцами в криогенной камере, чтобы не стареть, — кивнул он на кровать.

— А городской строй что?

— Ничего, говорю же. После революции инсценировал собственное повешение, а то бы реально казнили. Потом получилось наречь себя Избранным, который в технологиях шарит. Гений-самоучка, мегамозг, все дела. Завёл себе Вице-избранного, как прокси, он мне еду носит и сообщения людям передаёт. Я в их политику больше не вмешиваюсь, только инструкции по управлению РОГом дал да некоторые его продукты описываю и новые пытаюсь разлочить. Вроде как мизерное прогрессорство, но сугубо технологичное.

— Точно? — сурово спросил Дон.

— Не, ну меня побугуртило, конечно. Думаю, не хотите по-моему — живите сами. Тут из местного творчества философ, кстати, был один, как раз против унификации и весь такой за самобытность, но никому не известный. И слава-то богу, что не популярный, пишет нудно, натужно и банальности, а был бы чуть знаменитей — пришлось бы репрессировать, хотя и не заслуживал же совершенно. И вот, говорю, пользуясь привилегиями Избранного, нарекаю теперь сие учение истиной. Как бы в пику. Всё, больше правда-правда ничего не делал, дальше они сами.

Дон многозначительно посмотрел на Рину.

— Значит, так, — наконец заговорила она. — Вы оба из другого мира? У тебя всего лишь бластер, а он притащил сюда кучу скарба, построил город и решил, что может тут всё по-своему делать? Но у него ничего не вышло?

— В общих чертах верно, — кивнул Дон.

— Зачем ему это?

— Всё сделано до меня, — с горечью сказал Аркадий. — Ничего великого или хотя бы заметного мне на родине не светит. А тут можно помочь людям!

— «Доброта и желание помогать людям», — ехидно процитировала Рина ведущие качества. — Знаем-знаем. Распределение тоже ты придумал?

— Да нет же, — обиженно сказал Аркадий. — Вы мне не верите?

— Нет, не верим, — ответила Рина за всех. — Дон, а ты что тут делаешь?

— Отдыхаю от цивилизации.

— Почему ты назвал его занятие маргинальным? — продолжала допрос Рина.

— Прогрессорством пробовали заниматься основательно, на общественном уровне, но ни к чему хорошему так и не пришли. Оказалось, что люди готовы воспринимать только то, до чего доросли сами. Впрочем, всегда есть мечтатели, которые с этими выводами не согласны и хотят продолжать уже в индивидуальном порядке. Наказывать их никто не берётся: недоразвитые миры не входят в Конфедерацию, поэтому правами не обладают, получается преступление без потерпевшего. К тому же всегда можно притвориться «попаданцем»: дескать, потерпел крушение в диком мире, с собой оказалось — совершенно случайно — пять туристических режиссёров, один РОГ и далее по списку, после чего я просто обустроил свою жизнь, а это священное право гражданина Конфедерации. Да и вообще, диффузия технологий в отсталые миры — дело неодобряемое, но совершенно рядовое.

— Отсталый мир, значит, — попробовала на вкус словосочетание Рина. — То есть этот вот — просто идиот из не «отсталого» мира?

— Эй! — попробовал было возмутиться Аркадий, но был проигнорирован.

— Грубовато, но в целом верно, — сказал Дон, — хотя до смертной казни всё равно недотягивает. И на отца твоего, наверное, совсем не похож. Если тот тоже не идиот.

— Какой казни? — удивилась девушка.

Дон взял опущенную руку Рины, нежно убрал палец с курка и поднёс бок бластера к глазам девушки, направляя дуло в сторону. Переключатель стоял в положении «убивать». Рина ойкнула и толкнула бластер Дону, она была готова поклясться (понять бы — кому), что режим поменялся случайно.

— Ну, делать нечего, пиши бумагу, — обратился Дон к Аркадию.

— В каком смысле?

— Типовой вариант, что-то вроде: «Что бы ни делал предьявитель сего, делается по моему приказанию и для блага Новобургоградска». Дата, роспись. Не бойся, я её только до ворот буду использовать.

Когда документ был написан и торжественно передан Дону, Аркадий отвёл его в сторону, чтобы Рина не слышала, и спросил:

— Простите, пожалуйста. Вы сюда на чём прилетели?

— А с какой целью интересуетесь? — так же вежливо ответил Дон.

— Нет ли у вас, случаем, лишних мест?..

— Я в ближайшее время никуда не собираюсь, ждите спасательной экспедиции. Вы застрахованы?

Аркадий нервно дёрнул плечами.

— Тогда подождать придётся подольше, но вы и сами всё знаете, — сказал Дон.

Разумеется, жизнь каждого гражданина Конфедерации была на вес золота, и даже открытие философского камня не пошатнуло эту гуманистическую установку, но Конфедерация не стала бы столь эффективной, если бы не умела расставлять приоритеты. Спасение прогрессоров не считалось точкой роста, поэтому выполнялось по остаточному принципу.

Охранники внизу встретили Дона радостным свистом, когда он демонстративно выводил Рину под белы ручки. Дон несколько раз поклонился (хотел было даже изящным жестом снять шляпу, но вспомнил, что там рога) и торжественно произнёс:

— Город спасён! Избранный в безопасности! А сейчас я с позором изгоню нарушительницу спокойствия за пределы Новобургоградска. Нет, спасибо, помогать не надо, справлюсь сам.

LET MY PEOPLE GO

Вернулись в «Сому» за вещами. Раздвигать шторы и открывать кафе для посетителей Рина не стала. Дон придирчиво осмотрел наполовину полную кружку с остывшим кофе, сел в полумрак за столик и решил допить. Рина зашла за стойку, сделала себе свежую порцию и молчала, громко прихлёбывая.

— Отсталый мир! — наконец сказала она на всё кафе.

— С точки зрения опережающего, — отозвался Дон.

— Человечности в этом вашем опережающем, я так посмотрю, нет!

— Ох, чего там только нет, — со вздохом ответил Дон.

— Мы не можем же это всё так оставить! Люди здесь живут и мучаются, а всё почему?

— Почему?

Только что ответ Рине был совершенно понятен, да и вопрос предполагался риторический, но ни в какие чёткие формулировки он не складывался, было только невыразимое ощущение нечестности происходящего.

— Какой у тебя вообще план был? Перестрелять всех плохих? — помог Дон более конкретным вопросом.

— Вывести на чистую воду и рассказать людям правду, — смутилась Рина. — А они просто не пускали внутрь башни, вот и пришлось... Я даже стрелять не хотела, но как будто нашло что-то. Сначала спустилась в подвалы, и там действительно паутина ходов и ещё один, подземный город — чуть не заблудилась! Наверное, несколько часов там

провела. Бежала, стреляла, всё как в тумане. А они всё выскакивали и выскакивали из туннелей навстречу со своими палками.

— Ого, это сколько же я спал?

— Достаточно! — отрезала Рина.

— Правильно говорят, что сон разума рождает чудовищ.

— Что, подожди? — переспросила девушка.

— Нет-нет, ничего. И дальше?..

— Я нашла, там и правда был РОГ! Только в форме огромной коробки. Куча работников вокруг, суетятся, как муравьи, оттаскивают и складывают штабелями рождающиеся предметы. Главный, со списком, такой же тупой, как и остальные. Ничего не знает, кроме того, куда нажимать. Но говорит, что раз в месяц с верхних этажей спускается Избранный и что-то колдует, после чего список дополняется. Понятно, в общем, кто там главный. Я и пошла наверх искать его, а дальше ты знаешь.

— И как, нашла верховного злодея?

— Да, — кивнула Рина.

— И это не твой отец?

— Что же ты мне постоянно папой-то тычешь?!

— Прости, конечно, но до последнего времени ты ничего, кроме жизни с отцом и своей деревни, не видела. Вполне возможно, что твои суждения несколько однобоки, так как исходят только из этого опыта.

— А твои, получается, нет?

— Мои тоже, — кивнул Дон. — Но другим образом.

— Так что же, по-твоему, у меня не может быть просто чувства справедливости и сострадания?

— Конечно, может. Но ты же вчера ещё была совершенно против идеи помогать людям — мол, надоело, сколько можно, — примирительно сказал Дон. — Но ладно, разоблачишь ты Избранного, что дальше?

— Все начнут жить по-другому, по-честному.

— Как, например?

— Да мы что-нибудь придумаем.

— Аркадий вот тоже хотел придумать. Сама же видела: дурачок с благими намерениями, а вовсе не злой гений. Но ладно, допустим, жить по-новому, потом разберёмся как. А тех, кто не захочет, будем вешать или изгонять? Или как с теми, кто в башню не пускал? Как делить богатства РОГа по-честному? И кто будет делить? Кто будет их контролировать? Кто будет контролировать контролёров? — засыпал девушку вопросами Дон.

— Почему я-то должна? — возмутилась Рина. — Люди сами разберутся, как только правду узнают.

— Ход твоих мыслей мне нравится. Мне тоже кажется, что люди без тебя справятся.

— Я не это имела в виду!

— Да, я знаю. Глашатай правды. Ты себе сначала помоги, а потом остальных спасай, а то вдруг выяснится, что всё это время решить хотелось именно свои проблемы, а другие — так, антураж. «Желание помогать людям». Вот и помогай себе, ты тоже человек.

Рина не нашлась что ответить, ушла за стойку и там надулась. Не то чтобы Дон был не прав, в конце концов, кто ей все эти посетители кафе и что они для неё хорошего сделали? Только жаловались на свою жизнь и требовали заботы... Совсем как отец... «Да что же такое?! — вздохнула про себя девушка. — И правда, куда ни плюнь, везде он, проклятый!» Очевидно, откладывать разговор с кузнецом больше нельзя.

Постояв ещё несколько минут, она вздохнула и принялась собираться в дорогу: сгребла стопки шоколада и несколько мешочков кофе в свою сумку, а также опустошила всю кассу, на что Дон задумчиво пробурчал что-то про экспроприацию экспроприаторов. Подумав, он поинтересовался у девушки бухгалтерией кафе, подсчитал кое-что в уме, сложил на стойку все заработанные им купоны с эсу и тоже взял мешочек с кофе.

До площади Висельников дошли без приключений, Рина вела себя тихо и задумчиво, бластер спокойно висел на поясе Дона, и ничто не предвещало ничего. Площадь, обычно пустая, не считая редких, пролетающих на манер перекасти-поля обрывков мусора, была сегодня невероятно многолюдной, заставленной всевозможными скамейками и прилавками. Ярмарка была в самом разгаре.

Ярмарка показалась Рине родной и близкой, совсем как рынок в деревне, но отвлекаться она не стала и даже одёрнула Дона, глазающего по сторонам:

— Мы вообще-то спешим.

— Да? А куда? — рассеянно спросил он.

— Так к отцу же!

— Соскучилась, что ли? Постоянно им тыкаешь, — пошутил Дон. — О, гляди!

Не успев разозлиться на глупую шутку, Рина проследила за кивком и увидела Джефа и Керис, разворачивающих свою чудесную телегу-подмостки. Дон приветливо помахал им рукой, подошёл поближе и обнаружил ствол собственного бластера, упирающийся эльфу в живот. Кобура была пустой, а Рина хищно улыбалась, сжимая рукоятку. Джеф же растерянно пытался сообразить, что происходит. Какая-то неведомая сексуальная игра?

— И когда успела вытащить? — удивился Дон. — Знаешь, твоя привычка к эффективным мерам начинает немного напрягать. И потом, брать чужие вещи без спроса...

— Они первые начали.

— Я вообще-то говорю про моё оружие.

— Ты же сам сказал мне решать свои проблемы. Или он опять тут ни при чём?

— Вот оно как. Всё сказанное может быть использовано против тебя. Что ж, Джеф, разбирайтесь сами, — сказал Дон, краем глаза убедившись, что оружие находится в режиме «паралич».

— Значит, так, слушай, — скомандовала Рина. — Вы нас ограбили, так что мы забираем лошадей. — И беззвучно нажала на курок до того, как эльф успел что-то возразить.

Джеф только успел открыть рот — и в таком положении замер. Толпа обтекала эту странную статую и шла дальше, словно ничего необычного не произошло, мало ли какое представление готовят эльфы на этот раз.

— Что с ним? — поинтересовалась Керис, прижимаясь к Дону.

— Через несколько часов будет почти как новенький. Может потребоваться массаж.

— Вот и прекрасно, отдохну от его болтовни, — сказала она, обвивая шею Дона руками.

— Вы зачем вещи упёрли? — приобняв эльфийку, полущёпотом поинтересовался Дон, наблюдая, как Рина бодро отвязывает лошадей.

— Секс-трофеи. Эльфийская традиция такая. Это значит, что вы нам понравились, — прошептала Керис в самое ухо, вызывая у Дона мурашки.

Одной рукой порывшись в сумке, а другой продолжая обнимать Керис, Дон достал лампу с джинном и нежно, словно пытаясь залезть в трусики, заткнул её эльфийке за пояс.

— Вы нам тоже крайне симпатичны, но сейчас у девушки тяжёлый период. Проблемы в семье. Это вам за лошадей, должно хватить с лихвой. Пусть лучше у вас будет, чем у людей.

— Ну что, пошли? — Отвязав лошадей, Рина оторвала целующегося Дона от эльфийки.

Дон снова отобрал у девушки бластер и машинально проверил уровень заряда: на экране горела зелёным цифра 54. Рина недовольно пробурчала что-то про Керис, Дон не расслышал, но переспрашивать не стал.

Из Новобургоградска их выпустили по бумаге без проблем и лишних вопросов.

Сказав, что отец пару часов подождёт, Дон заехал к гномам, но знакомить Рину ни с кем не стал. В мастерской никого не было, поэтому Дон оставил вседозволительную бумагу Сороке вместе с просьбой передать её Шпунтли.

* * *

Скакуну эльфов, словно орлы Толкиена, домчали наших героев до дома за один абзац. По мере приближения к родной деревне виды становились всё более и более натуральными, скрылись за горизонтом башня и вытоптанная пустыня вокруг города, улетели вдаль мильные камни, придорожные трактиры и, наконец, сами дороги. Город выветрился из памяти, как мираж.

Отца они нашли в кузнице, где он не только не ковал, но и не вязал лыка. Таким неменяемым Рина его давно не видела; кузнец в отсутствие дочери запил так, что перестал справляться с любыми заказами, даже самыми простыми. Отхлестав Смита по щекам, девушка бросила его обратно на пол, где он снова свернулся калачиком, пошла в дом, растопила там печь и поставила кипятиться воду. Заварив кофе, она вернулась и влила напиток в горло отца. Он тут же взбодрился — то ли от тонизирующего эффекта, то ли от температуры жидкости — поднялся и переполз на лавку.

— Опа, дочка вернулась! — просиял Смит, перевёл взгляд на Дона и перекрестился.

— Шапку надень, — подсказала Рина.

— Вот теперь... ик... заживём! А то совсем же запустила дом. Здоровье хоть подправила? Вот и молодец, молодец, я тогда работать. Кыш, чёрт, получишь своё! — Кузнец, поднявшись со скамейки, погрозил кулаком Дону и, согнувшись, принялся искать по всей кузнице молот.

— Пап, а мама как померла? — сразу перешла к делу Рина.

— Верка-то? Ну как-как. Р-р-р-раз — и в ящик.

— Это из-за меня?

Смит нашёл молот и положил его на наковальню, чтобы не потерять. Взяв клещи, залез в горн и вытащил остывшую болванку.

— Опа, остыла! — печально произнёс он и потянулся к мехам. — Сейчас подогреем!

— Ты пережёг сталь, — оценив цвет материала, сообщила Рина, перегораживая дорогу и пытаясь отобрать клещи.

— Куда?! — завопил кузнец, уворачиваясь. — Ишь чего! Руки убрала!

Тщательно рассмотрев болванку, Смит вынес вердикт:

— Ты посмотри-ка, кто-то мне тут всё перегрел, пока я отдыхал.

— Мать от чего умерла?! — рявкнула, не выдержав, Рина.

— Так от родов помёрла же. Се-е-ес... сепсис. Эй, ты как с отцом разговариваешь? — опомнился он и пошёл в наступление, потрясая кулаком.

— От *моих* родов? — с ответным нажимом спросила Рина, не сдвигаясь с места.

— Да кому твои сдались вообще? Наследника мне надо, помощника в кузню, а ты кто? — отступил и отбросил испорченную болванку Смит. — Выкидьши один за другим, и — опа — дочка. Верка тут же успокоилась, расслабилась. Лекари говорили, мол, благодарите Батю. За девку! Девку! Что они понимают. Я дождался, когда молоко перестало из груди течь, и тут же... ик... опять оприходовал. Сын родился, но прожил недолго — день, может, два. А потом и Вера следом, — пустил слезу Смит, — поки-и-и-инула меня.

Шумно высморкав слёзы с соплями, кузнец капризно заныл, глядя на Дона:

— Чего он смотрит, Рин? Ты чего глядишь? Что он, а?

— Шапку, Дон! — попросила ещё раз девушка.

Пожав плечами, Дон надел шляпу, спрятав рога, по-ковбойски надвинул её на глаза и отстранился к стенке. Гном выдумал такой прекрасный клей, что снятие рогов требовало отдельных усилий, на что пока не было времени.

— Так, понятно. Что ж ты, падла, мучил меня все годы?

— Чего? — не расслышал ругательства Смит или просто сделал вид. — Да ты тут как в масле каталась... сыр. Я в кузне молотом машу целыми днями, а ты что? По дому с утра прибралась — да лежи-отдыхай. Обед днём приготовила — и лежи-отдыхай. Вечером ужин быстро сообразила — снова лежи-отдыхай.

— Это всё? Ничего не забыл? Я все твои потребности удовлетворяла?

— Окстись, дочь ты моя! Как вообще язык поворачивается говорить такое? Остальное с мужем будешь делать, а я отец тебе всё-таки. Этот, кстати, — кузнец бросил недобрый взгляд на Дона, который теперь был совсем не страшным, — не домогался чести твои девичьей? А то ведь он может. Впрочем, ему от тебя надо кое-чего похуже, — хихикнул Смит. — Он не говорил? Ой, хитрец, хитрец. За услуги свои запросил он у меня первенца твоего. Мне-то не жалко, лишь бы дочь была здорова. Ну и тебе-то тоже: где первенец, там и второрождённый. Доля бабская — рожать.

Рина бросила взгляд на Дона, тот всё так же невозмутимо стоял, подперев стену и надвинув шляпу на глаза. Девушка подобрала клещи и, недолго поколебавшись с выбором цели, взревела: «Че-е-го?!» — и огрела Смита по спине.

— Убивают! — закричал кузнец и бросился к выходу. — Люди добрые! Девку попортили! Дурная стала! На отца родного руку подняла! — слышались с улицы удаляющиеся завывания.

— Это правда? — продолжая сжимать клещи так, что побелели пальцы, спросила она.

— В общих чертах, — кивнул Дон.

— Убирайся, — спокойным тоном произнесла Рина.

— Лошадь же тебе не нужна? — внезапно поинтересовался он.

— Какая, на хрен, лошадь?! Пошёл вон!

Дон приподнял край шляпы, прощаясь, вышел, привязал второго скакуна к седлу первого, вытащил из сумки любимый походный плащ Рины и, положив его на крыльцо дома, сел на коня и неторопливо поскакал в сторону леса.

Там на него напали разбойники.

Свист, треск — и впереди на уровне груди коня на канатах повисло бревно, свалившееся откуда-то сверху; другое бревно перекрыло дорогу сзади, а из кустов по бокам выскочили несколько молодых людей разудалого вида.

— Прекрасные жеребцы, — раздался вкрадчивый голос главаря, пролезающего под передним бревном. — Будет жаль их лишиться.

— Жаль, да. Но зачем они мне?

Дон ловко спешился, взял коня под уздцы и медленно, словно прощаясь, повёл к главарю. Удивлённый такой покладистостью, тот на мгновение опешил, но быстро взял себя в руки и, нагляя, потребовал:

— Сумку и кошель поясной тоже давай!

Раздался громкий хруст. Царапаясь о ветки, через кусты кабанчиком кинулся толстячок, изо всех сил перебирая маленькими ножками. Он успел опередить Дона, схватил главаря за рукав и, приблизив пухлые губы к самому уху, принялся что-то быстро-быстро шептать.

Разбойник поменялся в лице, бросил взгляд на путешественника и начал пятиться, но тут же упёрся спиной в сучок, торчащий из бревна; толстяк же, не отлипая, продолжал что-то рассказывать.

— Нет, стой! — выставил главарь руки перед собой, словно стараясь от чего-то отгородиться. — Ошибочка вышла. Искренние извинения. Стойте же! Подождите!

Дон подошёл, вложил поводья в вытянутую руку разбойника и сжал ему кисть в кулак, чтобы те не выпали.

— Остальное отдать не могу, уж простите.

— Ни... ни... ничего.

— Владу привет. Одна лошадь ему за мула, а вторая — за карты. Надеюсь, вам ума хватит их не прикарманить, а то Йохан с вас живьём шкуру снимет. Прекрасные жеребцы. А вот это — тебе. — С этими словами Дон снял шляпу и хлопучил её на голову главаря. — Замечательно выглядишь!

КОНЕЦ

От рогов остались две небольшие проплешины, которые были почти не видны под ворохом чёрных волос с редкой сединой, недолго почесались и в конце концов заросли.

Запасы кофе опять заканчивались.

Дон проснулся за полдень; в дверь перед этим долго и тихо скреблись, и, продрав глаза, он поспешил открыть.

— Что же вы так скромно? Я же не слышу, надо погромче.

Снаружи стоял подросток нежного возраста, и было удивительно, что кто-то отпустил его одного в лес. Пацан протянул свёрток, протараторил:

— Это вам от Рины, — и тут же попытался сбежать.

— Стой, как она? — схватил его за руку Дон.

— Живёт помаленьку. Замуж надясь вышла, — замер подросток.

— Вот как? И кто счастливчик?

— Кузнец. Ковач, — пояснил мальчик, с опаской глядя на Дона. — Он её и в подмастерья взял. Сначала в подмастерья, а как деревня насмехаться начала — и в жёны.

— И что потом?

— Все тут же успокоились: то, что ты делаешь с женой, — это дело твоё.

— А другой кузнец что? Отец.

— Когда Рина от него совсем ушла — запил пуще прежнего да и сгорел через несколько месяцев вместе с кузницей. Пьяным горн опрокинул.

— Вот как. Ну ладно, беги... Стой! — Дон зашёл ненадолго в дом, а вернувшись, протянул пацану «светлячка» — на улице начинало темнеть. — Теперь беги.

Свёрток был бережно укутан в несколько слоёв мешковины, из которой при разворачивании выпала записка:

Здравствуй, Дон.

Сразу хочу извиниться за столь некрасивое прощание и сказать тебе спасибо. Сон наладился, стоило только понять, что делать дальше, так что свою часть договора ты выполнил. Выполняю мою.

Первенец, значит? Метафорически говоря?

С любовью, Р.

Развернув свёрток полностью, Дон увидел фигурку единорога. Она обладала той степенью свежей утончённости, какую имеют работы начинающих мастеров, талантливых, но ещё не наработавших собственный стиль и поэтому не увязших в нём, как мухи в янтаре. Автор не опустился до литья, множество тонких металлических листов, причудливо изогнутых и скреплённых вместе, создавали почти ажурную конструкцию.

Дон улыбнулся, подошёл к полкам и, подвинув бегемота, поставил единорога туда, где он и должен был стоять, руководствуясь снами Рины. Отойдя на метр, посмотрел ещё раз и залюбовался: мощные бока, огромные ноги-столбы, маленькие ушки и даже складки на коже — всё было воспроизведено с ювелирной точностью, но больше всего удался единственный рог на носу: изогнутый и смертельно опасный, как и у всех неведомых этому миру носорогов.

За окном стрекотали уцытакли.

С остальным творчеством автора можно ознакомиться на сайте spectator.ru

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Сказка	7
Первичный приём	14
Разбойники	21
В деревне	36
Развилка	44
Тролли	53
В таверне	70
Эльфы	79
Ккхи	93
Вход в город	117
Мама Рины	122
Изгнание	133
Джинн	142
Горарх	149
Сома	160
Анус города	164
Цын	170
Минсамр	180
Книжный клуб	188
Мушер	195
Шпунтли	210
Каласилакия	228
Возвращение из изгнания	246
Соня учит Непоседу отдыхать	259
Беня	282
Трудно быть богиней	298
Let my people go	309
Конец	319

Дмитрий Смирнов

Кузнецова и лучики добра

Редактор Сергей Барханов

Корректор Александра Приданникова

Фотограф Serj Sakharovskiy

Дизайн обложки Мария Бангерт